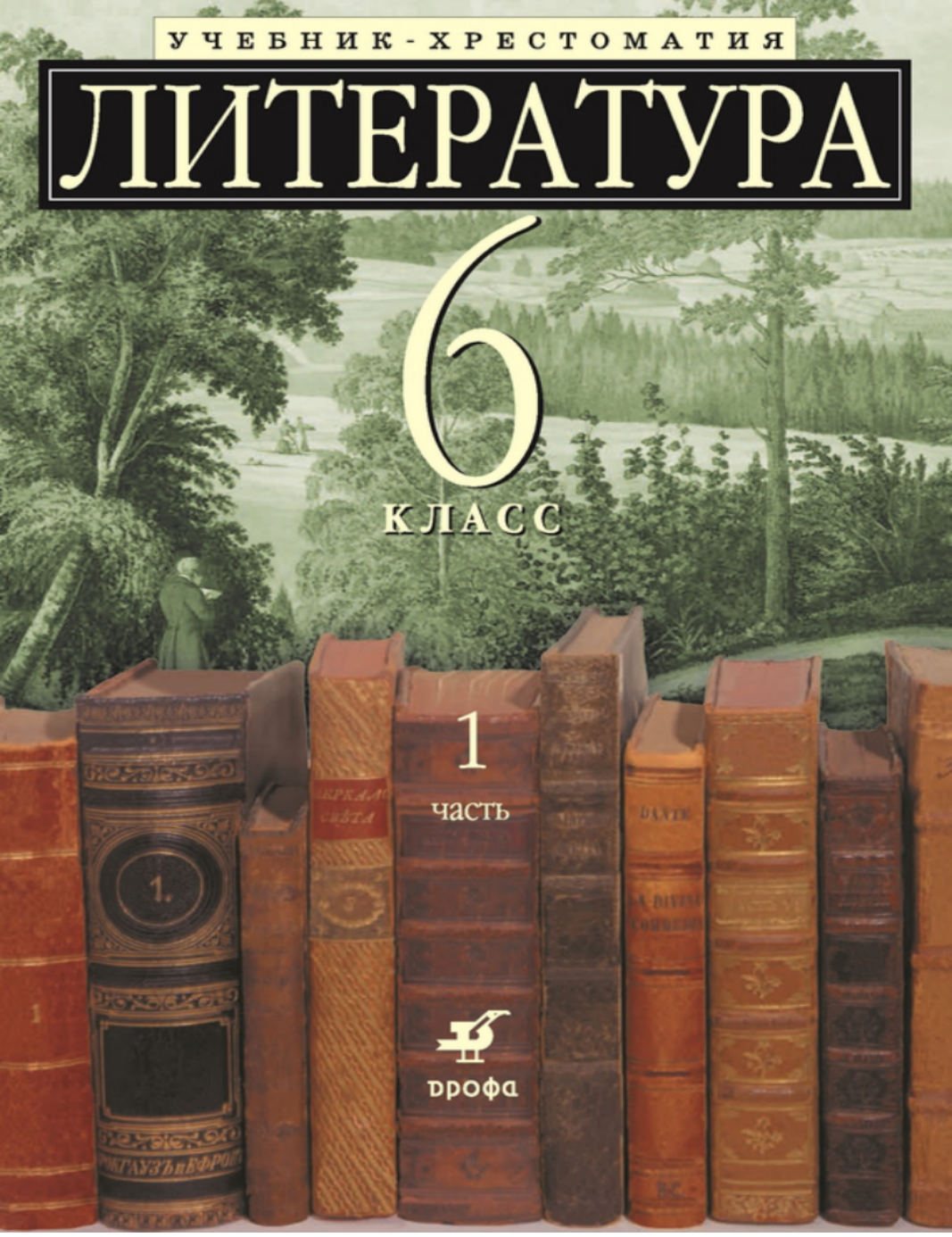
УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ

ЛИТЕРАТУРА

6

КЛАСС



1

часть

ДРОФА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия входит в комплект книг для 5—9 классов, обеспечивающий преподавание по авторской программе литературного образования. В комплект так же входят книги для чтения «Книжная полка», рабочая тетрадь для учащихся и пособие для учителя.

Учебник-хрестоматия предназначен для образовательных учреждений гуманитарного профиля с углубленным изучением литературы.

- Литература. 6 класс
  - Первый урок волшебства
    - О том, что такое художественный мир
    - Александр Сергеевич Пушкин
  - Второй урок волшебства
    - О том, что такое мифология
    - Мифы
      -
      - Олимп
      - Гиацинт
      - Недуг Уладов[22]
      - Создание мира
      - Но́рны
      - Перун и Скипер-зверь
    - Сокровища книжных полок
    - Мифы и легенды
      -
      - Песнь о Роланде
    - Русские былины
      -
      - Вольга и Микула Селянинович
      - Илья Муромец и Соловей-Разбойник
    - В мастерской художника слова
    - Сокровища книжных полок
  - Третий урок волшебства
    - О связи и взаимодействии фольклора и литературы
      -
      - Мул без узды
      - Чудо Георгия о Змие
        -
        - Чудо со змеем, бывшее со Святым

Великомучеником Георгием
- Повесть о Евпатии Коловрате
- Народные традиции в литературе
- Роберт Льюис Стивенсон
- Былинные мотивы в русской поэзии
- Алексей Константинович Толстой
- Иван Алексеевич Бунин
- Николай Степанович Гумилев
- Дмитрий Борисович Кедрин
- Сокровища книжных полок
- Житийная литература
- Житие Александра Невского
- Читательская лаборатория

○ Четвертый урок волшебства
- Литература как поэтическая память народа
- Николай Михайлович Карамзин
- Наталья, боярская дочь
- Александр Сергеевич Пушкин
- Песнь о вещем Олеге
- Читательская лаборатория
- Михаил Юрьевич Лермонтов
- Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова
- Читательская лаборатория

• notes
○ 1
○ 2
○ 3
○ 4
○ 5
○ 6
○ 7
○ 8
○ 9
○ 10
○ 11
○ 12

- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56

- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100

- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144

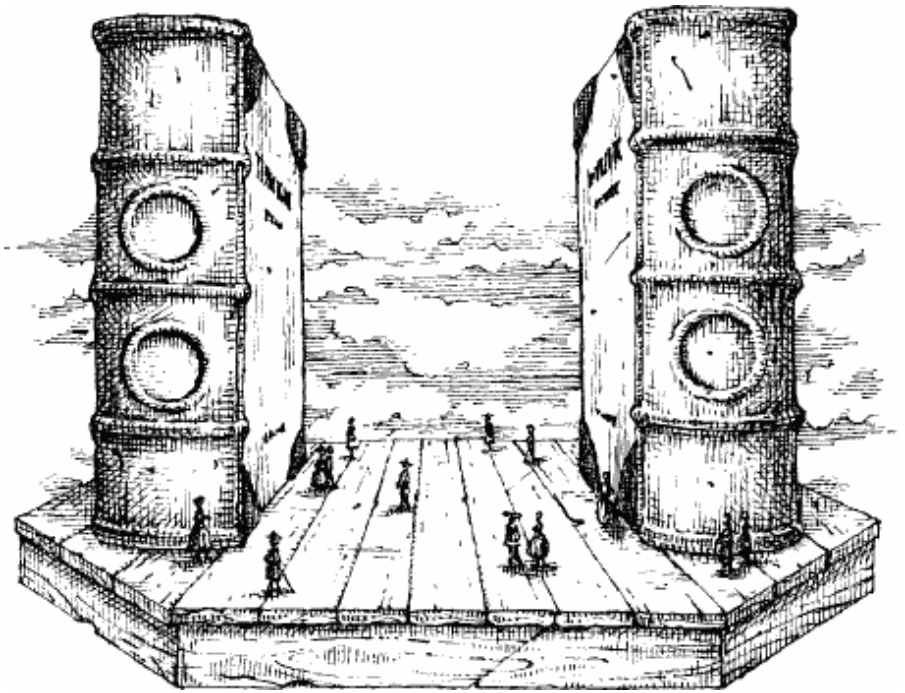
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188

- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229

Литература. 6 класс
Учебник-хрестоматия для школ с углубленным изучением литературы. Часть 1
(Под редакцией М. Б. Ладыгина)

Первый урок волшебства

О том, что такое художественный мир



Что происходит с человеком, когда он открывает книгу, чтобы прочитать сказку? Он сразу же попадает в совершенно другую страну, в другие времена, населенные иными людьми и животными. Я думаю, ты немало удивился бы, увидев Змея Горыныча даже не на улице твоего города, а в клетке зоопарка. Представляю, что было бы с тобой, если во время прогулки по лесу перед тобой появилась выскочившая из болота лягушка и обратилась к тебе с вопросом: «Который час?» А вот в сказке появление драконов и говорящих земноводных тебя совсем не смущает. «Конечно, – скажешь ты, – это ведь сказка». Да, ты прав, в сказке может произойти все что угодно. Но задумывался ли ты над вопросом, почему сказочникам доступна такая вольность, а писатель, рассказывающий, например, о жизни школьников, стремится построить повествование, чтобы многое было узнаваемо? Есть ли правила, от которых зависит возможность использования писателем жизнеподобия и фантастики (надеюсь, ты помнишь, что означают эти слова, ведь я знакомил тебя с ними еще в пятом классе)?

Прежде чем ответить на этот вопрос, предложу тебе простенькую задачу. Скажи, пожалуйста, придет ли тебе в голову

громко запеть на уроке математики? Затеять игру в жмурки на станции метро? Устроить футбольный матч в классе? Конечно же нет. А почему? Причины, если подумать, совсем разные. Петь нельзя потому, что ты мешаешь работать другим. Играть в жмурки в метро или на железнодорожной станции опасно. А в футбол в классе играть просто неудобно. Точно так же и в литературном произведении, там есть свои правила: свое пространство, свои временны́е границы и многое другое, присущее только этому произведению.

Открыв книгу, ты попадаешь в *художественный мир произведения.* Этот мир подчиняется воле его создателя – автора, который творит его, давая волю своей фантазии, но соблюдая законы словесного искусства. Автору подвластно многое. Он создает особое *художественное пространство,* которым ограничивает произведение. Вспомни, в «Механике Салерно» Б. Житкова художественное пространство – это один пароход. Это пространство может быть очень похожим на какую-то конкретную географическую местность, или обладать самыми общими признаками какого-нибудь места (такой лес, как в «Лесном царе» В. Жуковского, может быть и в Германии, и в России, и в Америке), или представлять собой полностью вымышленный город в вымышленной стране («Город мастеров» Т. Габбе).

Художественный мир произведения и похож, и не похож на реальный. В нем существует свое, особое *время.* Например, Кощей в сказках может быть Бессмертным. Время в художественном мире то летит с удивительной быстротой, то как бы останавливается и замирает. Героиня сказки о Финисте – Ясном Соколе успевает истоптать семь пар железных башмаков за время своих странствий, пока ты читаешь одну страницу этого произведения. А все содержание знакомой тебе новеллы «Лягушонок» Э. По укладывается в несколько часов. Это происходит потому, что в придуманном мире идут совсем особые часы, стрелки которых могут, например, начать вращаться в обратную сторону, когда герой или автор вспоминают о том, что было прежде. Время художественного произведения подчинено не законам природы, а замыслу автора.

Дело в том, что при чтении произведения человек становится как бы участником описываемых событий, поэтому он и воспринимает их так, словно они касаются его лично.

Писатель помогает читателю проникнуть в художественный мир произведения, создавая *художественные образы,* которые воздействуют не на разум, а на чувства читателя, активизируют его воображение. Для того чтобы при чтении возникли зримые картины художественного мира, используются *изобразительные*

средства литературы, а чтобы читатель ощутил себя участником происходящих событий, используются *выразительные средства,* пробуждающие личное отношение читающего к происходящему.

В распоряжении писателя множество изобразительно-выразительных средств, с некоторыми из них я познакомлю тебя в этой книге. Средства эти автор черпает из родного языка, причем русский язык обладает редкостными поэтическими возможностями.

Лексические возможности языка позволяют автору и нарисовать яркую картину, и передать характер персонажа, и выразить свое отношение к этому персонажу. Подумай сам, обычную лошадь можно назвать «скакуном», «конем» или «клячей». Услышав каждое из этих значений, ты представишь себе различных животных, хотя все они будут лошадьми. Если персонажа называют «героем» – это одно, а если «недотепой» – это совсем другое. Понятно теперь, что я имел в виду, когда говорил, что слово в литературе не только называет какой-то предмет, но и характеризует его, выражает отношение автора к нему?

Иногда автор не довольствуется названием предмета или персонажа, но дает ему определение. Определение может быть логическим, то есть просто указывать на какой-то признак предмета или явления. Например, когда лошадь называют «хромой», то просто указывают на ее физический недостаток, а вот если коня называют «богатырским», то речь идет не только о его силе и выносливости. Ты представляешь красивое животное, хотя тебе и не дали его описания. Такое художественное определение называется *эпитетом* – это очень распространенное изобразительно-выразительное средство. Часто в словесном искусстве используется и многозначность слов. Все слова, употребляемые в переносном значении, называются *тропами.* Ты сам частенько используешь в своей речи тропы, хотя не задумываешься над этим. Знаешь ли ты, что художественное *сравнение* – один из самых распространенных тропов? Помнишь, в балладе М. Ю. Лермонтова есть слова: «Французы двинулись, как тучи». Обратил ли ты внимание, как точно и образно передает поэт восприятие накатывающегося вражеского войска?

Другой не менее распространенный троп называется метафорой. *Метафора* – это скрытое сравнение. Посмотри на первую строчку уже знакомого тебе стихотворения А. А. Фета:

Облаком волнистым
Пыль встает вдали…

Здесь пыль сравнивается с плывущим по небу облаком, но

слово, указывающее на сравнение, опущено. В балладе «Бородино» написано: «Мы пойдем ломить стеною». Теперь ты понимаешь, что это тоже метафора.

Иногда автор наделяет предметы и явления природы человеческими свойствами. Такой троп называется *олицетворением.* Вот, например, как королевич Елисей обращается к ветру:

Ветер, Ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч…
Аль откажешь мне в ответе?..

Олицетворение очень часто используется в сказках. В сказках можно встретить и гиперболу. *Гипербола* – это художественное преувеличение. Так, богатырский конь нередко летит «выше леса стоячего, ниже облака ходячего». А Гвидон из «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина рос «не по дням, а по часам».

Существуют и другие тропы, с которыми ты со временем тоже познакомишься, а пока я лишь хочу попросить тебя: читая книги, внимательно вслушивайся в речь повествователя, старайся почувствовать смысл каждого слова.

К следующему уроку попробуй самостоятельно подобрать примеры использования эпитетов и тропов в прочитанных тобой литературных произведениях.

Александр Сергеевич Пушкин

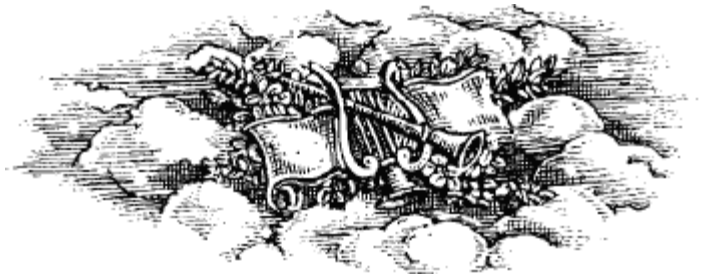
Ну вот, теперь ты представляешь себе, насколько сложен художественный мир литературного произведения. Создать такой мир может далеко не каждый. В Древнем Риме существовала поговорка: «Поэтами рождаются, а не становятся». Талант поэта – очень редкий дар. И мне хочется предложить тебе замечательное стихотворение А. С. Пушкина, которое называется «Поэт».

Подумай, почему Пушкин разделил свое стихотворение на две части. Попробуй объяснить, каким представляет себе облик поэта великий русский стихотворец. Как А. С. Пушкин описывает поэтический дар, каковы его черты в этом стихотворении? Какие художественные приемы использует поэт в своем произведении?

Поэт

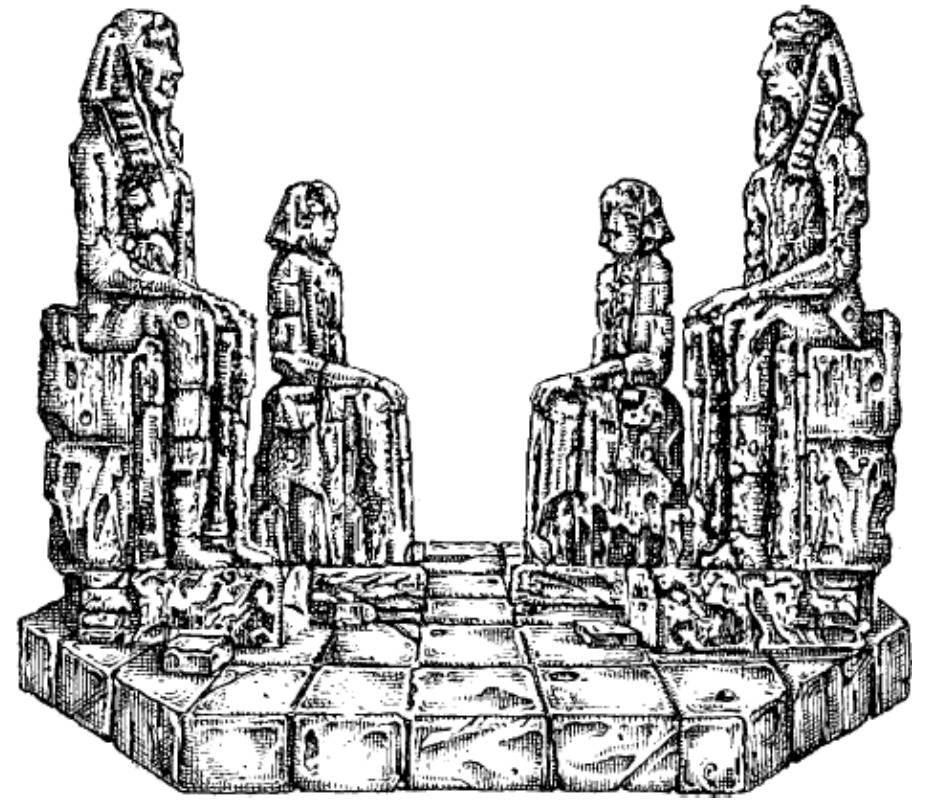
Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон[1],
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира[2];
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол[3]
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы…



Второй урок волшебства

О том, что такое мифология



Давным-давно, на заре человечества, когда люди только начинали осваиваться на земле, они постоянно сталкивались со множеством необъяснимых вещей. Почему гремит гром? Откуда льет дождь? Кто украсил землю прекрасными цветами и по чьей воле происходят наводнения и землетрясения?

Чем внимательнее вглядывался человек в окружающий мир, тем больше возникало у него вопросов, но не всегда ему удавалось найти точные и достоверные ответы на них. С таким положением человек никак не желал примириться. Согласись, трудно жить на свете, если вокруг так много опасностей и необъяснимых явлений!

И вот тогда на помощь человеку пришла фантазия. Люди стали придумывать объяснения непонятным явлениям природы. Они населили мир богами, наделив их человеческими качествами, создав их по своему образу и подобию.

На земле люди охотились, выращивали съедобные растения, торговали и воевали. Каждый занимался своим делом. А в каком-

нибудь недоступном человеку месте (на небе, на волшебном острове Аваллоне[4], на горе Олимп[5]) жили боги и тоже занимались своими делами: одни орошали землю дождем, другие поднимали бурю на море, третьи следили за течением реки или жизнью леса. Боги, как и люди, сердились и радовались, ссорились между собой, воевали, влюблялись и женились. Одни из них хотели помочь людям, другие старательно вредили им. Придумав богов, человек не только объяснил себе многие непонятные явления, но он четко определил и свое собственное поведение: чтобы хорошо жить на земле, нужно постараться снискать благосклонность богов, заслужить их расположение. Нужно бережно относиться к природе, потому что она принадлежит богам.

Так появился *миф* – объяснение непонятных явлений действительности с помощью фантазии и с использованием поэтических средств. А *мифология,* в свою очередь, – это совокупность мифов определенного народа, складывающихся в цельную поэтическую картину мира, окружающего человека.

С помощью мифов человек познавал действительность и определял в ней свое место. Но, пожалуйста, не подумай, что мифология – это лженаука или сборник исторических заблуждений. Миф на самом деле помогал людям понять мир. Да, очень часто в мифах проявлялась наивность древнего человека, они нередко искажали естественнонаучную картину действительности, но зато они давали человеку возможность почувствовать свою связь с природой, убеждали его в ответственности за все, что происходит вокруг него.

Кроме того, мифотворчество было одной из самых ранних форм эстетического восприятия человеком действительности, раскрывало ему красоту жизни. Так, в нашей магической книге ты прочтешь замечательный древнегреческий миф о происхождении гиацинта, прекрасного цветка. Но, кроме поэтического объяснения появления на земле этого растения, миф о Гиацинте заключает в себе мысль о близости и похожести богов и людей (Аполлон и Гиацинт). Он прославляет прекрасное чувство дружбы и утверждает мысль о том, что на земле ничто не исчезает бесследно. Видишь, каким емким может быть один небольшой миф!

Все древние народы, все древние цивилизации обладали своей мифологией. Но, когда мы сравниваем мифы древних индийцев, славян, египтян или греков, мы с удивлением обнаруживаем множество сходных мотивов и тем, некоторые боги, носящие разные имена, оказываются удивительно похожими друг на друга. Это свидетельствует о том, что все народы прошли

общую школу мифологического объяснения мира. Обрати внимание еще на одно существенное обстоятельство: даже после того как люди приобретали научные знания о мире и отказывались от наивного обожествления сил природы, древние мифы продолжали жить, оказывая огромное влияние на литературу.

Посуди сам. Давно уже исчезла с лица земли древнегреческая цивилизация, никто в Европе не верит в существование олимпийских богов, да и сама гора Олимп исхожена вдоль и поперек, но мы до сих пор называем сильных людей титанами и с уважением произносим имя Прометея – титана, подарившего (как говорят древнегреческие мифы) людям огонь и научившего их ремеслам.

Что же касается тебя и твоих друзей, то вы принадлежите не к древнеегипетской и не древнегреческой цивилизации, а к цивилизации европейской, истоки которой уходят в раннее средневековье. Тогда на территории Европы существовали три основные группы племен: кельтская, германская и славянская. У каждой из них была своя мифология, свой пантеон богов[6].

Но у древних европейских народов не было письменности, и они позаимствовали ее у древних римлян и греков, а вместе с письменностью и опыт античной (древнегреческой и древнеримской) культуры.

Наиболее древней из всех европейских культур была кельтская культура. Когда-то кельты населяли почти всю территорию Западной Европы. Сражавшиеся с ними древние римляне говорили, что у кельтов есть только две страсти: хорошо сражаться и хорошо говорить. Кельтские боги назывались си́дами и жили на волшебном острове Аваллон.

Во главе кельтских богов стоял бог света Лле́у (Луг). Один из мифов рассказывает, что воспитан он был не сидами, а человеком, волшебником Гвидио́ном. Как и у других древних народов, в пантеоне кельтов было множество богов, у каждого из которых было свое дело. Тара́нис был богом грома, Тевта́т – богом воды, Тетра́х – богом потустороннего мира, Да́гда – богом изобилия, Манавида́н – богом моря, а богиней войны была Бадб. Был у древних кельтов и свой бог красноречия – О́гма.

Множество прекрасных поэтических мифов и сказаний создали древние кельты. И хотя почти все представители этой группы племен были истреблены (в наше время потомки кельтов сохранились только в Ирландии и на небольшой части Испании – в Стране Басков), мифология кельтов оказала и продолжает оказывать значительное влияние на европейскую литературу.

В нашей книге ты познакомишься с поучительным мифом о

том, как сиды наказали мужчин одного из племен за недостойное отношение к женщине.

Древние германские племена пришли в Европу со стороны Скандинавии. Их мифология как бы несет на себе отпечаток холодных ветров и суровых скал, скандинавских фьордов. Германские боги во главе с их повелителем, одноглазым Одином, любят битвы и умеют хорошо сражаться. Даже бог-кузнец Тор чаще использует свой молот Мьёлльнир как грозное оружие, нежели как орудие труда. В этой мифологии встречаются образы страшных чудовищ, враждебных и людям, и светлым богам-асам[7]: жестокий волк Фе́нрир, Мидга́рдский Змей, сине-белая Хель-Смерть. Среди древнегерманских мифов есть даже рассказ о неизбежной гибели мира, когда будут уничтожены не только люди, но и боги-асы.

Именно асы из всех европейских богов, пожалуй, самые очеловеченные, хотя и несут в себе лишь лучшие, с точки зрения древних германцев, человеческие качества. Однако и им нередко приходится испытывать горечь поражений.

С древнейших времен на востоке Европы селились вольные племена славян. Их мифология была столь же богатой и обильной, сколь богаты и обильны были леса, поля и реки их родной земли. Среди древнеславянских богов были боги, олицетворявшие природные силы: Перу́н – бог грома и молнии, верховный бог славянского пантеона, Сваро́г – бог огня, Да́жьбог – бог солнца, Стрибо́г – бог ветра. Но были и боги, непосредственно связанные с человеческой деятельностью: Ве́лес – покровитель скота и скотоводства, Мо́кошь – покровительница женщин и женского труда.

Особое значение в мифологии древних славян имели «низшие» боги, непосредственно связанные с обыденной жизнью людей. Так, в каждом доме жил покровитель дома – Домовой, в бане – Банник, в овине – Овинник, порядком в лесу заведовал Леший. Все эти божества внимательно «следили», чтобы человек вел себя подобающим образом, и сурово «наказывали» тех, кто проявлял дурные качества. Я предлагаю тебе прочитать прекрасный поэтический миф о том, как юный Перун был захвачен Скипером-зверем, освобожден своими братьями-сварожичами (детьми бога Сварога), как вступил он в смертельный поединок с этим олицетворением Зла и победил врага.

В то время, когда создавались славянские мифы, еще не было у наших предков письменности. Никто не записывал рассказов о богах и героях. Но мифы сохранились в сказках, былинах, легендах, передаваемых из уст в уста. Сейчас не просто найти в

фольклорных произведениях отголоски древних языческих сказаний. Эту нелегкую работу проделал Бус Кресень (Александр Асов), в чьем пересказе ты и узнаешь историю борьбы Перуна со Скипером-зверем.

Когда ты познакомишься с приведенными в нашей волшебной книге мифами, я попрошу тебя ответить на такой вопрос: *что в этих мифах связано с объяснением непонятных человеку явлений действительности, а что отражает чисто человеческие качества, опыт людей? И еще мне очень хотелось бы, чтобы ты сумел назвать поэтические средства, которые используются в мифах.*

Мифы

Олимп
Древнегреческий миф. Пересказ Н. А. Куна

Высоко на светлом Олимпе царит Зевс[8], окруженный сонмом[9] богов. Здесь и супруга его Гера[10], и златокудрый Аполлон с сестрой своей Артемидой[11], и златая Афродита[12], и могучая дочь Зевса Афина[13], и много других богов. Три прекрасные Оры[14] охраняют вход на высокий Олимп и подымают закрывающее врата густое облако, когда боги нисходят на землю или возносятся в светлые чертоги Зевса. Высоко над Олимпом широко раскинулось голубое, бездонное небо, и льется с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далекую землю. Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяются несчастьем и горем. Правда, и боги знают печали, но они скоро проходят, и снова водворяется радость на Олимпе.

Пируют боги в своих золотых чертогах, построенных сыном Зевса Гефе́стом[15]. Царь Зевс сидит на высоком золотом троне. Величием и гордо-спокойным сознанием власти и могущества дышит мужественное, божественно прекрасное лицо Зевса. У трона его – богиня мира Эйре́на и постоянная спутница Зевса крылатая богиня победы Ни́ке. Вот входит прекрасная, величественная богиня Гера, жена Зевса. Зевс чтит свою жену; почетом окружают Геру, покровительницу брака, все боги Олимпа. Когда, блистая своей красотой, в пышном наряде, великая Гера входит в пиршественный зал, все боги встают и склоняются перед женой громовержца Зевса. А она, гордая своим

могуществом, идет к золотому трону и садится рядом с царем богов и людей – Зевсом. Около трона Геры стоит ее посланница, богиня радуги, легкокрылая Ири́да, всегда готовая быстро нестись на радужных крыльях исполнять повеления Ге́ры в самые дальние края земли. Пируют боги. Дочь Зевса, юная Ге́ба, и сын царя Тро́и, Ганиме́д, любимец Зевса, получивший от него бессмертие, подносят им амброзию и нектар – пищу и напиток богов. Прекрасные хариты[16] и музы[17] услаждают их пением и танцами. Взявшись за руки, водят они хороводы, а боги любуются их легкими движениями и дивной, вечно юной красотой. Веселее становится пир олимпийцев. На этих пирах решают боги все дела, на них определяют они судьбу мира и людей.

С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей; счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть – все в его руках. Два больших сосуда стоят у врат дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом – зла. Зевс черпает в них добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом. Горе и тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет сын Кро́на[18] свои густые брови, черные тучи заволокут тогда небо. Разгневается великий Зевс, и страшно подымутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; взмахнет он своей десницей[19] – удары грома раскатятся по всему небу, сверкнет пламенная молния, и сотрясется высокий Олимп.

Не один Зевс хранит законы. У его трона стоит хранящая законы богиня Феми́да. Она созывает, по велению громовержца, собрания богов на светлом Олимпе и народные собрания на земле, наблюдая, чтобы не нарушился порядок и закон. На Олимпе и дочь Зевса, богиня Ди́ке, наблюдающая за правосудием. Строго карает Зевс неправедных судей, когда Дике доносит ему, что не соблюдают они законов, данных Зевсом. Богиня Дике – защитница правды и враг обмана.

Зевс хранит порядок и правду в мире и посылает людям счастье и горе. Но хотя посылает людям счастье и несчастье Зевс, все же судьбу людей определяют неумолимые богини судьбы – мо́йры, живущие на светлом Олимпе. Судьба самого Зевса в их руках. Властвует рок над смертными и над богами. Никому не уйти от велений неумолимого рока. Нет такой силы, такой власти, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и смертным. Лишь смиренно склониться можно перед роком и подчиниться ему. Одни мойры знают веления рока. Мойра Кло́то прядет жизненную нить человека,

определяя срок его жизни. Оборвется нить, и кончится жизнь. Мойра Лахе́сис вынимает, не глядя, жребий, который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах изменить определенной мойрами судьбы, так как третья мойра, Атро́пос, все, что назначили в жизни человеку ее сестры, заносит в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно. Неумолимы великие, суровые мойры.

Есть и еще на Олимпе богиня судьбы – это богиня Тю́хэ, богиня счастья и благоденствия. Из рога изобилия, рога божественной козы Амалфе́и, молоком которой был вскормлен сам Зевс, сыплет она дары людям, и счастлив тот человек, который встретит на своем жизненном пути богиню счастья Тюхэ; но как редко это бывает, и как несчастлив тот человек, от которого отвернется богиня Тюхэ, только что дававшая ему свои дары!

Так царит окруженный сонмом светлых богов на Олимпе великий царь людей и богов Зевс, охраняя порядок и правду во всем мире.

Гиацинт
Древнегреческий миф. Пересказ Н. А. Куна

Прекрасный, равный самим богам-олимпийцам своей красотой, юный сын царя Спа́рты[20] Гиацинт был другом бога-стреловержца Аполлона. Часто являлся Аполлон на берега Эфро́та в Спарту к своему другу и там проводил с ним время, охотясь по склонам гор в густо разросшихся лесах и развлекаясь гимнастикой, в которой так искусны спартанцы.

Однажды, когда близился уже жаркий полдень, Аполлон и Гиацинт состязались в метании тяжелого диска. Все выше и выше взлетал к небу бронзовый диск. Вот, напрягши силы, бросил диск могучий бог Аполлон. Высоко к самым облакам взлетел диск и, сверкая, как звезда, падал на землю. Побежал Гиацинт к тому месту, где должен был упасть диск. Он хотел скорее поднять его и бросить, чтобы показать Аполлону, что он, юный атлет, не уступит ему, богу, в умении бросать диск. Упал диск на землю, отскочил от удара и со страшной силой попал в голову подбежавшему Гиацинту. Со стоном упал Гиацинт на землю. Потоком хлынула алая кровь из раны и окрасила темные кудри прекрасного юноши.

Подбежал испуганный Аполлон. Склонился он над своим другом, приподнял его, положил окровавленную голову себе на колени и старался остановить льющуюся из раны кровь. Но все напрасно. Бледнеет Гиацинт. Тускнеют всегда такие ясные глаза

Гиацинта, бессильно склоняется его голова, подобно венчику вянущего на палящем полуденном солнце полевого цветка. В отчаянии воскликнул Аполлон:

– Ты умираешь, мой милый друг! О, горе, горе! Ты погиб от моей руки! Зачем бросил я диск! О, если бы мог я искупить мою вину и вместе с тобой сойти в безрадостное царство душ умерших! Зачем я бессмертен, зачем не могу последовать за тобой!

Крепко держит Аполлон в своих объятиях умирающего друга, и падают его слезы на окровавленные кудри Гиацинта. Умер Гиацинт, отлетела душа его в царство Аида[21]. Стоит над телом умершего Аполлон и тихо шепчет:

– Всегда будешь ты жить в моем сердце, прекрасный Гиацинт. Пусть же память о тебе вечно живет и среди людей.

И вот, по слову Аполлона, из крови Гиацинта вырос алый ароматный цветок – гиацинт, а на лепестках его запечатлелся стон скорби бога Аполлона. Жива память о Гиацинте и среди людей, они чтут его празднествами во дни гиацинтий.

Недуг Уладов[22]
Кельтский миф. Перевод А. А. Смирнова

Один богатый улад жил в горах, в пустынной местности. Кру́нху, сын Агно́мана, звали его. Богатство его сильно возросло, и много сыновей было у него. Но жена, мать его детей, умерла. Долгое время он жил, не имея жены.

Однажды, когда он лежал в своем доме, он увидел, как вошла прекрасная юная женщина; дивно хороши были облик, одежда и движения ее. Ма́ха[23] было имя женщины, как говорят люди знающие. Она села на скамью у очага и развела огонь. До самого конца дня оставалась она в доме, никому не говоря ни единого слова. Она достала квашню и решето и стала готовить и прибирать все в доме. Когда наступили сумерки, она, никого не спрашивая, взяла ведро и выдоила коров. Войдя опять в дом, она повернулась вправо, прошла на кухню, распорядилась по хозяйству и затем села на скамью возле Крунху.

Когда все ушли спать, она осталась у очага и потом притушила огонь. Затем она повернулась вправо, подошла к Крунху, легла под его плащ и обняла его рукой. Так и зажили они вместе, и она зачала от него. Теперь еще больше возросло его богатство; для нее же было радостью, что он здоров и хорошо обряжен.

В те времена у уладов было в обычае устраивать частые собрания воинов и празднества. На одно из таких празднеств

стекались все улады, мужчины и женщины, кто только мог.

– Я тоже пойду на праздник, как все другие, – сказал Крунху жене.

– Не ходи туда, – сказала она, – чтобы не подвергнуться искушению рассказать о нас. Знай, что нашей совместной жизни конец, если ты кому-нибудь расскажешь о ней.

– Я буду молчать на празднике, – отвечал Крунху.

Все улады собрались на праздник. Пришел и Крунху вместе с другими. Сборище блистало людьми, конями, одеждами. Были состязания в беге колесниц, в метании копий и выжимании тяжестей. К концу праздника в состязании приняла участие колесница короля, и его кони превзошли всех своим бегом. Тогда собрались все певцы, чтобы восславить короля и королеву, его филидов[24] и друидов[25], слуг и воинов, а также все собрание.

– Никогда еще, – говорили они, – не видели мы коней, подобных белым коням короля. Поистине, нет более быстрых коней по всей Ирландии!

– Моя жена бегает быстрее этих белых коней, – сказал Крунху.

– Схватить этого человека, – воскликнул король, – и не отпускать до тех пор, пока его жена не явится на состязание!

Его схватили, а король послал людей за женщиной. Она приветствовала посланцев и спросила, зачем они пришли.

– Мы посланы за тобой, – отвечали они, – чтобы ты выкупила своего господина, которого король велел схватить. Ибо он сказал, что ты бегаешь быстрее, чем белые кони короля.

– Плохое дело! – сказала она. – Он не должен был говорить так. Но у меня есть справедливый отвод: я ношу в своем чреве младенца, и уже близок час моего разрешения.

– Нет отвода! – воскликнули посланцы. – Твой муж должен умереть, если ты не придешь.

– Придется мне согласиться, – сказала она.

И она пошла вместе с ними на праздник. Все собрались, чтобы посмотреть на нее.

– Непристойно, – сказала она, – чтобы все так смотрели на меня. Для чего привели меня сюда?

– Чтобы ты состязалась в беге с белыми конями короля, – был ей ответ.

– У меня есть отвод, – сказала она, – близятся мои родовые муки.

– Занесите меч над ее мужем! – воскликнул король.

– Дайте мне хоть небольшую отсрочку, пока я разрешусь от бремени.

– Нет отсрочки, – сказал король.

– Стыд вам поистине, что даже отсрочки мне не дали, –

сказала женщина. – Это покроет вас великим позором. Пускайте же вскачь коней.

Так и было сделано. И к концу бега она оказалась впереди коней. Тут испустила она крик и разрешилась от бремени. В муках родила она двойню – мальчика Фиа́ру и девочку Фиа́л.

Когда собравшиеся мужчины услышали крик этой женщины, они почувствовали, что силы в них не больше, чем в женщине, рожающей ребенка.

– Это пятно позора навсегда останется на вас, – сказала им женщина, – за то, что вы подвергли стыду мою честь. Всякий раз, как вашему народу придется тяжко, на всех вас, сколько ни есть вас в королевстве, будет нападать болезнь, подобная родовым мукам. И сколько времени женщина мучится родами, столько же будет длиться и ваше страдание: пять дней и четыре ночи или пять ночей и четыре дня, – и так целых девять поколений. И это оказалось правдой. Такая напасть тяготела над уладами со времени Крунху до царствования Ферго́са, сына Домна́ла.

Создание мира
Древнегерманский миф. Пересказ Ю. Г. Светланова

Сначала не было ничего: ни земли, ни неба, ни песка, ни холодных волн. Была лишь одна огромная черная бездна Ги́нунгагап. К северу от нее лежало царство туманов Ни́фльхейм, а к югу – царство огня Му́спелльхейм. Тихо, светло и жарко было в Муспелльхейме, так жарко, что никто, кроме детей этой страны, огненных великанов, не мог там жить; в Ни́фльхейме же, напротив, господствовали вечный холод и мрак.

Но вот в царстве туманов забил родник Ге́ргельмир. Двенадцать мощных потоков, Эли́вагар, взяли из него свое начало и стремительно потекли к югу, низвергаясь в бездну Гинунгагап. Жестокий мороз царства туманов превращал воду этих потоков в лед, но источник Гергельмир бил не переставая, ледяные глыбы росли и все ближе и ближе подвигались к Муспелльхейму. Наконец лед подошел так близко к царству огня, что стал таять. Искры, вылетавшие из Муспелльхейма, смешались с растаявшим льдом и вдохнули в него жизнь. И тогда над бескрайними ледяными просторами из бездны Гинунгагап вдруг поднялась исполинская фигура. Это был великан Имир, первое живое существо в мире.

В тот же день под левой рукой Имира появились мальчик и девочка, а от его ног родился шестиголовый великан Трудгельми́р. Так было положено начало роду великанов – Гри́мтурсенов, жестоких и коварных, как лед и пламя, их

создавшие.

В одно время с великанами из таявшего льда возникла гигантская корова Ауду́мла. Четыре молочные реки потекли из сосков ее вымени, давая пищу Имиру и его детям. Зеленых пастбищ еще не было, и Аудумла паслась на льду, облизывая соленые ледяные глыбы. К концу первого дня на вершине одной из этих глыб появились волосы, на другой день – целая голова, к исходу же третьего дня из глыбы вышел могучий гигант Бу́ри. Его сын Бер взял себе в жены великаншу Бе́слу, и она родила ему трех сыновей-богов: Одина, Ви́ли и Ве.

Братьям-богам не нравился мир, в котором они жили, не пожелали они сносить и господство жестокого Имира. Они восстали против первого из великанов и после долгой и жестокой борьбы убили его.

Имир был так огромен, что в крови, хлынувшей из его ран, потонули все остальные великаны, утонула и корова Аудумла. Лишь одному из внуков Имира – Бе́ргельмиру удалось построить лодку, на которой он и спасся вместе со своей женой.

Теперь уже никто не мешал богам устраивать мир по своему желанию. Они сделали из тела Имира землю в виде плоского круга и поместили ее посреди огромного моря, которое образовалось из его крови. Землю боги назвали «Ми́дгард», что означает «средняя страна». Затем братья взяли череп Имира и сделали из него небесный свод, из его костей они сделали горы, из волос – деревья, из зубов – камни, а из мозга – облака. Каждый из четырех углов небесного свода боги свернули в форме рога и в каждый рог посадили по ветру: в северный – Но́рдри, в южный – Су́дри, в западный – Ве́стри и в восточный – Аустри. Из искр, вылетавших из Муспелльхейма, боги сделали звезды и украсили ими небесный свод. Часть звезд они укрепили неподвижно, другие же, для того чтобы узнавать время, разместили так, чтобы они двигались по кругу, обходя его за один год.

Сотворив мир, Один и его братья задумали его населить. Однажды на берегу моря они нашли два дерева: ясень и ольху. Боги срубили их и сделали из ясеня мужчину, а из ольхи – женщину. Затем один из богов вдохнул в них жизнь, другой дал им разум, а третий – кровь и румяные щеки. Так появились первые люди, и звали их: мужчину – Аск, а женщину – Эмбля.

Не забыли боги и великанов. За морем, к востоку от Мидгарда, они создали страну ётунхейм и отдали ее во владение Бергельмиру и его потомкам.

Со временем богов стало больше; у старшего из братьев, Одина, родилось много детей, они построили для себя страну высоко над землей и назвали ее Асгардом, а себя асами…

Но́рны
Древнегерманский миф. Пересказ Ю. Г. Светланова

Беззаботно и счастливо жили люди в золотом веке, но недолго он продолжался. Однажды с востока, из страны великанов, в Мидгард пришли три женщины. Одна из них была уже стара и дряхла и звалась Урд – Прошедшее, другая была средних лет и ее звали Верда́нди – Настоящее, третья же была еще совсем юна и носила имя Скульд – Будущее. Эти три женщины были вещие норны, волшебницы, наделенные чудесным даром определять судьбы мира, людей и даже богов.

– Скоро, очень скоро жажда золота, жажда наживы проникнет в сердца людей, и тогда золотой век окончится, – сказала старшая норна.

– Люди будут убивать и обманывать друг друга ради золота. Много славных героев ослепит оно своим блеском, и они погибнут в борьбе за него, – произнесла средняя из них.

– Да, все будет так, как вы сказали, – подтвердила младшая норна. – Но придет время, когда золото потеряет свою власть над людьми, и тогда они снова будут счастливы, – добавила она.

– Жажда золота овладеет не только людьми, но и богами, и они тоже будут проливать кровь и нарушать свои клятвы, – вновь заговорила старшая.

– Великаны начнут войну с богами. Эта война будет продолжаться много лет и закончится гибелью и богов и великанов, – сказала средняя.

– Да, будет так, как вы сказали, но не все боги погибнут. Их дети и те из них, кто не повинен в убийствах и клятвопреступлениях, останутся в живых и будут править новым миром, который возникнет после гибели старого, – возразила младшая.

И вот все в мире стало происходить так, как предопределили норны. Постепенно в сердца людей закралась алчность, жажда наживы. Многие из них оставили свой мирный труд и сменили сохи и лопаты на мечи и копья, чтобы воевать друг с другом, а вместе с войнами на землю пришли нужда и преступления. Солнце на небе продолжало светить по-прежнему, но никто под ним уже не был так счастлив, как прежде. Сбылось и другое предсказание норн: между богами и великанами началась жестокая борьба, которая продолжается и по сей день. Бессильные достигнуть Асгарда и победить асов, Гримтурсены – так, если вы помните, называют себя великаны – обрушили весь свой гнев на людей. Потомкам Имира, рожденного из льда и огня, подвластны все враждебные человеку стихии. Великаны посылают на землю

мороз и засуху, бури и град, а порой сбрасывают с гор огромные лавины, под которыми исчезают целые селения. Чтобы защитить Мидгард от их нападения, боги окружили его высоким кольцом гор, которые они сделали из бровей Имира, но великанам часто удается перебраться через них, и горе тому, кто попадется им на пути. Желая погубить мир, Гримтурсены натравили на луну (Ма́ни) и солнце (Суль) двух огромных волков: Ске́ля и Ге́ти. С тех пор Скель гоняется за солнцем, а Гети за луной, и Суль и Мани вынуждены убегать от них до тех пор, пока не скроются за горами.

Перун и Скипер-зверь
Славянский миф в пересказе Буса Кресеня

То не пыль в поле распыляется, не туманы с моря поднимаются, то с восточной земли, со высоких гор выбегало стадо звериное, что звериное стадо – змеиное. Наперед-то бежал лютый Скипер-зверь, лютый Скипер-зверь – пасть, что в пекло дверь.

Как на Скипере шерстка медная, а рога и копыта – булатные. Голова его – велика как гора, руки-ноги – столбы в три обхвата. Он рогами цеплялся за тучи и по своду небесному шаркал. Как бежал Скипер-зверь – Мать Земля колебалась, в море синем вода замутилась, и круты берега зашатались.

Как схватил трех сестер лютый Скипер-зверь – Лелю, Живу, Марену в охапочку, и вонзил в них зверь когти острые, и унес с собой в царство темное.

А затем покорил весь подсолнечный мир, по Земле стал без спросу разгуливать. Тут увидел он, как у реченьки, у того бел горючего камешка тихо-тихо ребенок похаживает и играет булатною палицей, тяжкой палицей – стопудового! Рядом с ним жеребенок поскакивает, а от скоков его Мать Земля дрожит. То Перун, колыбельку оставивши, у горючего камня похаживал, на свирепого Скипера-зверя исподлобия хмуро поглядывал.

И сказал тогда лютый Скипер-зверь, и подвыла ему нечисть черная:

– Отрекись, Перун, от отца своего, поклонись, Перун, зверю-Скиперу! И борись, Перун, против наших врагов, послужи-ка царству подземному!

Отвечал Перун зверю-Скиперу:

– Ах злодей, Скипер-зверь, подземельный царь! Я не буду служить черной нечисти, биться против врагов зверя-Скипера! Я служу только Роду-Пращуру, Ладе-матушке богородице и отцу Сварогу небесному!

Осерчал тут злодей лютый Скипер-зверь, повелел мукой мучить Перуна он. Стали бить Перуна, рубить мечом – только лезвие затупилось, ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь привязать его к камню тяжкому и нести топить в море синее. Но не тонет Перун с тяжким камешком, не берет его море синее. Он поверх воды в море плавает – ничего Перуну не сделалось.

Повелел тогда лютый Скипер-зверь закопать его в Землю-матушку. И тогда слуги верные Скипера стали яму рыть во Земле Сырой – сорока сажен глубиною, поперечины двадцать пять сажен. И сажал тогда лютый Скипер-зверь в яму ту Громовержца Перуна. Закрывал досками железными, запирал запорами тяжкими, задвигал щитами дубовыми. Забивал гвоздями, присыпал песками. Засыпал песками и притаптывал, а притаптывал – приговаривал:

– Не бывать Перуну на Сырой Земле, не видать Перуну света белого, света белого – Солнца Красного!

Триста лет с тех пор миновало, триста лет и еще три года. Спал Перун мертвым сном во Земле Сырой.

А как триста лет миновало – разгулялась непогодушка, туча грозная поднималась. Из-под той из-под тучи грозной – со громами гремучими и дождями ливучими вылетала могучая птица – птица Матерь Сва – Лада Матушка. И забила она крылами, стала звать Сварога на помощь:

– Ты пошли, Сварог, сыновей своих, пусть отыщут они братца милого, пусть отыщут Перуна мощного!

По велению Рода небесного, по хотенью Сварога-батюшки, поднялись из светлого Ирия, из-за гор высоких Рипейских птица Сирин – вещунья печальная с птицей радостной Алконостом, а за ними – Стратим сильнокрылая. Подлетели они к зверю-Скиперу. Стали Скипера-зверя расспрашивать:

– Ты скажи, Скипер-зверь, где наш брат родной, где Перун младой, разъясни скорей!

– А ваш брат родной в море плавает, в море плавает сизым селезнем!

– Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь! Его палица – вон у камешка, в море синем нет серых селезней!

– А ваш брат родной в чисто полюшко погулять пошел, поиграть пошел!

– Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь, никого-то нет в чистом полюшке, его конь стоит – вон у камешка!

– А ваш брат родной в небо синее полетел Орлом сизой птицею!

– Не обманывай нас, лютый Скипер-зверь, не парит Орлом в

поднебесье он!

И ударились птицы грозные, в Землю-матушку грудью грянулись, обратились они, обернулись в грозных братьев-богов: Сирин в Велеса, Алконост в Хорса, в Красное Солнышко, а Стратим в Стрибога могучего. Все те боги – братья Сварожичи, все потомки Рода небесного.

Как увидел их лютый Скипер-зверь, поспешил назад в царство темное – на восток за хребты неприступные.

И задумалися Сварожичи:

– Видно, нет на Земле братца нашего, как найдем мы его во Земле Сырой?

Тут сорвался добрый Перунов конь с привязи у камня горючего. Побежал по чистому полюшку – вслед за ним Сварожичи двинулись. Прибежал на яму глубокую, стал он ржать, плясать, да копытом мять те песочки и камешки тяжкие.

– Видно, здесь лежит братец наш Перун!

И Сварожичи братья скорым-скоро раскопали яму глубокую. Им светил бог Хоре – Солнце Красное. Бог Стрибог поднял ветры буйные и разнес пески крутожелтые, а щиты разметал вместе с досками Белее мощный бог.

И раскрылся тогда в подземелье гроб. В том гробу – Перун, спящий мертвым сном.

– Как же нам разбудить братца милого, как поднять нам бога могучего?

Мудрый Велес на ухо коню прошептал – добрый конь из ямушки выскочил, поскакал по чистому полюшку, и ложился он на горючий песок.

Пролетала тут матушка птица Могол с молодыми своими детками.

И сказала она, посмотрев на коня:

– Вы не трогайте, детушки, в поле коня! Не добыча то – хитрость Велеса!

Не послушали детушки птицу Могол, полетели они в чисто полюшко, и садились они на того коня.

Тут из ямушки Велес выскочил и схватил за крылышко птенчика. Тут явились братья Сварожичи – не пускают Могола к Велесу, отгоняют ее в небо синее. И взмолилась Могол сильнокрылая:

– Отпусти птенца, буйный Велес!

Ты слетай, Могол, ко Рипейским горам за Восточное море широкое! Как во тех горных кряжах Рипейских на горе на той Березани ты отыщешь колодец с Сурьей, что обвит дурманящим Хмелем! Принесешь из колодца живой воды – мы отпустим птенца на волю! И привязывали Сварожичи бочку птице Могол

под крылья, чтоб Могол зачерпнула Сурьи.

Поднималась Могол к тучам темным, понеслася быстрее ветра ко Рипейским горам в светлый Ирий. Зачерпнула живой водицы на горе на той Березани – принесла ту воду обратно.

Прилетела она и сказала:

– Вы возьмите живую воду! Отпустите птенца на волю!

Отпустили птенца на волю, а Перуна водой обмыли.

– Выходи, Перун, на Сырую Землю! Ты расправь, Перун, плечи сильные, разомни скорей ноги резвые!

Поднялся сын Сварога небесного, и увидел он яркий белый свет. Обогрело его Солнце Красное – кровь его расходилась по жилочкам. Размочило дождями ливучими уста сахарные Перуна. Усмехнулся Перун и расправил усы – золотые усы, жаром пышущие, и тряхнул бородой серебристою, головой своей златокудрою. И сказал он братьям Сварожичам:

– Как я долго спал во Земле Сырой!

– Коль не мы, тогда б век тебе здесь спать! – отвечали братья Сварожичи.

Поднесли Перуну Сварожичи рог глубокий с хмельною Сурьей, принесенной Моголом с Рипейских гор.

– Ты испей, Перун, не побрезгуй! Выпивал Перун тот глубокий рог.

– Как, – спросили его, – чуешь силушку?

– Возвратилась мне силушка прежняя! Поднесли вновь Перуну глубокий рог:

– Ты испей, Перун, не побрезгуй! Как, Перун, теперь себя чувствуешь? – Я теперь чую силу великую – кабы было кольцо во Сырой Земле, повернул бы я всю Вселенную!

Меж собой зашептались Сварожичи:

– Слишком много Перуну подарено сил, он не сможет ходить по Сырой Земле! Мать Земля Перуна не вынесет.

Поднесли ему снова глубокий рог.

– Допивай, – сказали, – напиток. Сколько силы теперь в себе чувствуешь?

– Стало силы во мне вполовиночку.

– А теперь отправляйся, могучий Перун, поезжай скорей к зверю-Скиперу, отомсти ему за обидушки и за раны свои и за милых сестер!

И сверкнула тотчас в туче молния, раскатился по небу гром.

Бил коня Перун да по тучным бедрам – рассердился тогда под Перуном конь. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, он озера и реки хвостом устилал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И подъехал к первой заставе. Там леса с лесами сходились,

там коренье с кореньем свивались, там сплетались колючка с колючкою. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун темным лесушкам:

– Вы, леса дремучие, темные! Разойдитеся, расступитеся, становитесь, лесочки, по-старому. Да по-старому все и по-прежнему. Буду вас иначе я бить-ломать и рубить на мелкие щепочки!

Все лесочки встали по-старому – та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьем ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Наезжал на быстрые реки, реки быстрые и текучие. Там волна с волною сходились, с берегов крутых камни сыпались. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун рекам быстрым:

– Ой вы, реки, реки текучие! Потеките, реки, по всей Земле, по крутым горам, по широким долам и по темным лесам дремучим. Там теките, реки, где Род велел!

По велению Рода небесного, по хотенью Перуна мощного потекли эти реки, где Род велел, – та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьем ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И наехал на горы толкучие: горы там с горами сходились, а сходились и не расходились, там пески с песками ссыпались, и сдвигались каменья с каменьями. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун тем толкучим горам:

– Ой вы, горы, горы толкучие! Разойдитеся, расшатнитеся! Ну-ка, станьте, горы, по-старому! А иначе буду вас бить-крошить и копьем на каменья раскалывать!

Встали горы на место по-старому – та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьем ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал. И подъехал он к грязи черной и ко той ли речке Смородине. Не случилось у речки Смородины ни мосточков, ни перевозчиков. Стал тогда Перун вырывать дубы, начал он через реченьку мост мостить. Переехал он на ту сторону.

Видит он – сидит у Смородины на двенадцати на сырых дубах люта птица Грифон страховитая. Под той птицей дубы прогибаются, а в когтях ее рыба дивная: чудо-юдище рыба-кит морской.

Зарычал Грифон по-звериному, засвистал Грифон по-змеиному – все травушки-муравы уплетались, все лазоревы цветочки осыпались, темны лесушки к земле приклонились. Добрый конь под Перуном попятился. Не пройти, не проехать Перуну!

Закричал коню грозный бог Перун:

– Что же ты подо мной спотыкаешься? Аль не слышал крику звериного? Аль не слышал свиста змеиного?

Тут снимал Перун лук тугой с плеча, натянул тетивочку шелковую – и пустил стрелу позлаченую. Прострелил птице правое крылышко – из гнезда тотчас птица выпала.

И сказал Перун грозной птице той:

– Ой ты, гой еси, люта птица Грифон! Ты лети, Грифон, к морю синему, отпусти кита в море синее. Пей и ешь, Грифон, ты из синя моря – будешь ты, Грифон, без меня сыта! А иначе, Грифон, птица лютая, я тебя убью – не помилую!

Полетел Грифон к морю синему – та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьем ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы он перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

И наехал на стадо свирепое, на звериное стадо – змеиное. Змеи те Перуна палят огнем, изо ртов у них пламя жаркое, из ушей у них дым валит столбом.

И пасут то стадо три пастыря, три пастыря – да три девицы, три родные сестрицы Перуновы: Леля, Жива, Марена, украденные триста лет назад зверем-Скипером. Набрались они духа нечистого, испоганил их лютый Скипер-зверь. Бела кожа у них – как елова кора, на них волос растет – как ковыль-трава. Не пройти, не проехать Перуну!

И сказал Перун трем сестрицам:

– Вы ступайте, сестрицы, к Рипейским горам, вы пойдите к Ирию светлому. Окунитесь в реку молочную и в сметанное чистое озеро, искупайтеся во святых волнах и омойте-ка лица белые. Набрались вы духа нечистого от свирепого зверя-Скипера!

И сказал Перун стаду лютому, что звериному стаду – змеиному:

– Поднимайтеся, змеи лютые, ударяйтеся о Сырую Землю, рассыпайтеся вы на мелких змей! А вы, змеи, ползите к болотам, пейте-ешьте вы от Сырой Земли! А вы, лютые звери рыскучие, расступитеся, разойдитеся по лесам дремучим и диким, все по два, по три, по единому. Без меня вы все сыты будете!

Все случилось так, как Перун сказал, – та застава его миновала.

Грозный бог Перун ехал полюшком, грудь свою копьем ограждая и небесный закон утверждая. С гор на горы конь перескакивал, он с холма на холм перемахивал, мелки реченьки промеж ног пускал.

Вот приехал он в царство темное, горы там в облака упираются и чертог стоит между черных скал. Наезжал на палаты Скипера – стены тех палат из костей людских, вкруг палат стоит с черепами тын. У дворца ворота железные, алой кровью они повыкрашены и руками людскими подперты.

Выступал на него лютый Скипер-зверь, выходил к нему по-звериному, а шипел-свистел по-змеиному.

Он шипел:

– Я всей подвселенной царь! Как дойду до столба я небесного, ухвачу за колечко булатное, поверну всю Землю на синее Небо и смешаю земных я с небесными, стану я тогда всей Вселенной царь!

Но могучий Перун не страшился, наезжал он на лютого Скипера, и рубил его, и колол копьем. – Это что за чудо-чудесное? Кто ты – витязь или небесный бог? Родом-Пращуром смерть мне написана, да написана и завязана лишь от сына Сварога небесного, от Перуна сильно могучего! Только тот Перун во Сырой Земле – значит, быть герою убитому!

– Я не чудо-чудное, я не диво-дивное – а я Смерть твоя скропостижная! – отвечал Перун зверю-Скиперу.

– Только плюну я – утоплю тебя, только дуну – тебя за сто верст отнесет, на ладонь положу и прихлопну другой – от тебя ничего не останется! Не поймавши Орла – рано перья щипать! Не хвались, Скипер-зверь, поезжая на брань! А хвались, Скипер, с поля съезжаючи!

– У меня же есть сабля острая! – зашипел тогда лютый Скипер-зверь. – Отмахну твою буйну голову!

– Ай, не хвастай ты, лютый Скипер-зверь, у меня же есть острое копье, отворю твою кровь поганую!

Замахнулся зверь саблей острою – по велению Рода небесного во плече рука застоялась, никуда рука не сгибалась, и из рук его сабля падала и изранила зверя-Скипера. Скипер-зверь тут стал уклоняться, приклонился он ко Сырой Земле, стал просить-молить бога мощного:

– Я узнал тебя, праведный Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай три года мне сроку-времени! Я тебе подарю горы золота!

Отвечал ему сильный бог Перун:

– Я не дам тебе даже трех часов! Твое золото все неправое, оно кровью людскою полито!

– Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне хоть на три часа! Я тебе подарю горы золота, я отдам тебе силу всю свою!

– Я не дам тебе даже трех минут! Твое золото все неправое, твоя силушка – вся бессильная!

Ой ты, праведный, грозный бог Перун! Ты не делай мне смерть ту скорую! Смерть ту скорую, скропостижную! Дай ты срока мне три минуточки! Я тебе подарю горы золота, я отдам тебе силу всю свою, станешь ты царем поднебесной всей! – Я не дам тебе сроку-времени! Твое золото все неправое, твоя силушка вся бессильная, в темном царстве же правит Кривда пусть!

Тут пронзил Перун зверя-Скипера, отворил ему кровь поганую, из разверстой груди вынул сердце он – далеко метнул в море синее. Высоко поднял зверя-Скипера и на Землю Мать уронил его. Мать Сыра Земля расступилась, поглотила всю кровь поганую, и упал в провал лютый Скипер-зверь. И Перун могучий тогда завалил то ущелье горами Кавказскими.

Если Скипер-зверь зашевелится под горами-хребтами Кавказскими – Мать Сыра Земля восколеблется.

И забрал Перун трех родных сестер, и повел он их ко Рипейским горам, и привел их к Ирию светлому.

И сказал он им:

– Вы, сестрицы мои! Вы снимайте скорей кожу прежнюю, как кора еловая грубую. Искупайтеся во молочной реке и очистите тело белое.

И тогда три родные сестрицы кожу скинули заколдованную, во молочной реке купались, в чистых водах тех омывались.

Приходил Перун к Ладе-матушке, светлой матери, богородице.

– Государыня, Лада-матушка, Мать небесная, богородица! Вот тебе три родимые дочери, мне же – три родные сестрицы!

И вернулись так вместе с Лелею – Радость и Любовь в поднебесный мир. Вместе с Живою оживляющей возвратилась Весна со цветами. А с красавицею Мареною – Осень и Зима со снегами.

Вопросы и задания

1. Каковы взаимоотношения богов и людей в мифах?

2. Охарактеризуй взаимоотношения человека и природы.

3. Назови нравственные проблемы, которые поднимаются в мифах.

4. Что общего в описании создания мира в мифах разных народов?

5. Как отражаются в мифах национальные черты создававших их народов?

6. Какие черты Перуна сделали его почитаемым славянским божеством?

7. Что делает Скипера-зверя воплощением Зла?

8. Кто из мифологических персонажей олицетворяет силы природы в мифе о Перуне и Скипере?

9. В чем различие таких жанров, как миф, легенда, сказка?

10. Подготовь пересказ понравившегося мифа.

11. Подготовь сообщение о сходстве мифологического описания языческих богов у древних греков, германцев, кельтов и славян.

Сокровища книжных полок

Читать мифы не менее увлекательно, чем сказки, но при этом следует помнить, что никто и никогда не записывал мифы. Они сохранились в литературных и фольклорных произведениях, очень часто в искаженном виде. Ученые долго и кропотливо по крупицам собирали мифы. Именно так родилась прекрасная обработка древнегреческих мифов и легенд, изданная под названием «Легенды и мифы Древней Греции». Автор этой книги Н. А. Кун. Тебе откроется увлекательный мир, населенный богами, похожими на людей, и героями, похожими на богов. К сожалению, Н. А. Кун умер в 1940 году, его работу продолжила А. А. Нейхардт, подготовившая и издавшая «Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима».

Многие из мифов, включенных в эти издания, восстановлены авторами по древним эпическим поэмам великого древнегреческого писателя Гомера. Тем, кто увлекся мифологической поэзией древности, рекомендую прочитать одну из эпических поэм Гомера – «Одиссея» (в переводе В. А. Жуковского). В ней рассказывается о странствиях одного из героев Троянской войны, десять лет возвращавшегося из-под стен побежденной Трои домой, где ждала его верная жена Пенелопа и любящий сын Телемах. А по пути множество чудес и испытаний выпало на долю героя, но обо всем этом гораздо лучше меня расскажет Гомер.

Древняя кельтская мифология нашла отражение в эпосе, созданном жителями острова Ирландия. Наряду с рассказами о богах (сидах) в этих эпических сказаниях повествуется о великих героях-кельтах, о жестоких сражениях и о преданной любви. Есть в ирландских сказаниях и описания удивительных путешествий на волшебные «острова блаженных». Об этом и о многом другом ты узнаешь из сборников ирландского эпоса. Одно из таких изданий я могу тебе порекомендовать – «Исландские саги. Ирландский эпос» (восьмой том «Библиотеки всемирной литературы», изданный в 1973 году).

С древнейшими германскими мифами ты можешь познакомиться по специальному изданию для юных читателей. Собрал и пересказал древне– германские мифы Ю. Светланов. В книге «Скандинавские сказания» увлекательно рассказывается о подвигах богов-асов, о героях Сигмунде и Сигурде, о могучем кузнеце Велунде и о многом другом.

У славян, наших предков, имелась своя, очень богатая мифология. Ее хранителями были языческие жрецы-волхвы,

которых нередко называли вещими или вещунами. Обрати внимание на эти слова. Они происходят от «ведать» – знать, прорицать. Волхвы сохраняли и доносили до древних славян самые важные знания, передававшиеся от поколения к поколению.

В 1992 году появилась очень интересная книга, которая называется «Русские веды». В ней ты найдешь поэтические переложения древнейших славянских мифов. Мудрая и человечная русская мифология оживает для современного читателя благодаря творчеству Буса Кресе́ня (Александра Игоревича Асова).

Мифы и легенды

Наряду с мифами в древности были очень распространены легенды, тесно связанные с мифами, но отличающиеся от них. Я хочу напомнить тебе, что мы говорим с тобой о временах, когда не было не только печатного станка, но даже людей, умеющих читать и писать, было ничтожно мало.

А ведь в те времена происходили очень важные события и жили выдающиеся люди, но мало кто мог записать достоверные факты человеческой истории. Очевидцы передавали свои впечатления от увиденного устно, а те, на кого эти рассказы действовали особенно сильно, передавали рассказ дальше. Шло время, очевидцы событий умирали, а их рассказы продолжали жить, передаваясь от поколения к поколению.

Иногда несколько рассказов объединялись в один, а несколько деяний, совершенных разными людьми, приписывались одному, особенно любимому герою. И не было документов, по которым можно было проверить достоверность рассказа, обраставшего все новыми и новыми подробностями и деталями, нередко порожденными фантазией повествователя. Иногда рас–сказчик забывал какую-то важную подробность, без которой повествование становилось бессвязным, и тогда он сам придумывал недостающие эпизоды. Так рождались легенды.

Легенда – рассказ о подлинных событиях и о реальных людях из далекого прошлого, основанный на устном предании и переработанный фантазией рассказчика, нередко добавлявшего в легенду элементы мифа.

В период средневековья в Европе создавалось множество легенд. Особенно популярные легенды легли в основу народного героического эпоса.

Героический эпос, или эпопея, – поэтическое произведение,

созданное на основе одной или нескольких легенд и представляющее собой завершенный художественный мир. Иногда ряд таких произведений оказывался посвященным одному герою или одному значительному событию, и таким образом возникал цикл эпических произведений. В героическом эпосе отразились важнейшие события из жизни всех народов.

Ты, конечно же, помнишь, что устное народное творчество опирается на общенародный идеал, а героический эпос был частью фольклора. Обрати внимание на такую особенность: среди многих героев, о которых слагались легенды, народные сказители выбирали тех, кто в наибольшей степени выражал народные представления об идеале, и именно им приписывали наиболее значительные подвиги, рассказанные в легендах.

Так, на Руси был создан Киевский цикл былин (об этом жанре мы поговорим с тобой чуть позже), в котором главными действующими лицами оказались три наиболее популярных богатыря: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Во Франции очень популярным героем был Гильо́м Ора́нский, а в Испании – Родри́го Ди́ас. В Англии же выдающиеся деяния часто соотносили с королем Артуром и рыцарями Круглого стола[26].

Любовь к эпическим песням и уважение к их исполнителям были вызваны не только красотой и занимательностью этих произведений, но и очень важной ролью, которую они играли в жизни средневекового общества. Представь себе, ведь в то время не было современных государств. Каждый владелец земли, на которой жили зависящие от него люди, обладал полной властью над ними. Какой-нибудь барон, считавшийся подданным короля, на самом деле мог быть богаче, сильнее и свободнее его.

Законы мог придумывать любой феодал, но заставлял людей выполнять их только своим авторитетом или силой. Тогда ведь не было конституций, судов, полиции и всего того, что сегодня определяет права и обязанности человека. А в жизни людей возникают очень сложные ситуации, очень серьезные споры.

И вот тогда люди стали обращаться к эпическим песням, повествующим о героях, в которых воплощался народный идеал. Такие герои, по мнению людей, не могли совершать неверных поступков. Поэтому эпические поэмы пользовались непререкаемым авторитетом.

А теперь, если ты уже прочитал книгу «Мифы и легенды Древней Греции», постарайся ответить на вопрос: *какие сказания в ней являются мифами, а какие – легендами? Вспомни, встречался ли ты уже с образцами народного героического эпоса.*

Песнь о Роланде

Французский эпос. Перевод Ф. де ла Барта

«Песнь о Роланде» – одно из древнейших произведений французского героического эпоса. Поскольку события в этой эпопее основаны на легендах, а не на реальных фактах, я сначала расскажу тебе о том, что произошло на самом деле.

Было это очень давно, на рубеже VIII–IX веков. Тогда еще не существовало современных европейских государств, а почти всю территорию Европы занимала империя Карла Великого, короля из германского племени франков. Это не было государство в нашем современном понимании: в империю входили территории, завоеванные воинственным племенем, собиравшим дань с порабощенных народов. И вот, продолжая набеги на соседние, еще не порабощенные народы, Карл вторгся на Пиренейский полуостров, где находились владения мавров[27].

При возвращении на арьергард[28] его армии в Ронсевальском ущелье напали воины из племени басков (помнишь, я говорил тебе о них как о прямых потомках древних кельтов). В сражении погиб один из военачальников Карла – Хруотла́нд, маркграф Бретонской марки, то есть властитель Бретани. Вот и все. Было это в 778 году.

Память о битве в Ронсевальском ущелье сохранилась в народе. Наряду с именем Карла сохранилось и имя Хруотланда – Роланда. И вот в начале XII века на основе легенд возникла эпическая поэма, посвященная погибшему рыцарю Карла Великого. Только в «Песни» произошли очень серьезные изменения: на Роланда нападают не христиане-баски, а мавры-мусульмане, которых в эпопее называют даже язычниками, самому сражению предшествует спор Роланда с его отчимом Ганело́ном, а после гибели Роланда повествуется о суде над Ганелоном и его казни. Само сражение занимает хотя и центральную, но не основную часть поэмы.

Именно спор с Ганелоном и является главной темой данного эпоса. Дело в том, что Роланд – вассал (подданный) как своего отчима (по родовому праву), так и Карла (по праву феодальному). Ганелон возмущен поведением своего пасынка, явно подчиняющегося не родовому, а феодальному праву. Выполнив задание Карла и дождавшись окончания срока своей службы королю, Ганелон вступает с мавром в сговор: погубить Роланда. Опираясь на родовое право, он отвергает обвинение в предательстве, и лишь Божий суд доказывает превосходство феодального права над родовым и вину Ганелона.

Как видишь, в «Песни о Роланде» ставится очень сложная проблема, разрешение которой в средневековье имело весьма

важное значение.

Все дело в том, что в поэме воплощен подлинно общенародный идеал настоящего рыцаря, преданного своему господину-сеньору, честного товарища своим собратьям-пэрам и заботливого, внимательного хозяина, охраняющего интересы своих слуг. Роланд, кроме всего прочего, очень сильный и мужественный человек. Свою силу и мужество он направляет против врагов, ведя с ними честный бой, не прибегая ко лжи и предательству.

> Обрати внимание, как хорошо показаны в поэме характеры Ганелона, Роланда, Оливье́ра и Турпи́на. *Подумай о том, какие черты определяют поведение каждого из них.*
>
> *Заметь, насколько объективно песнь показывает и воинов-мавров, и предателя Ганелона. Как подчеркивается доблесть и внешняя красота воинов?*

Мне бы очень хотелось, чтобы ты отметил позицию повествователя: его голос очень явственно слышится в поэме.

1

Державный Карл, наш славный император,
Семь долгих лет в Испании сражался,
И до́ моря вся горная страна
В его руках; сдалися Карлу замки,
Разбиты башни, грады покорились,
И стены их рассыпались во прах.
Лишь не́ взял Карл Великий Сарагосы,
Что на горе стояла: царь Марсилий
Владеет ею; в Бога он не верит, —
Он Аполлину[29] служит, Мухаммеду[30], —
Но близок час погибели его.
– Аой[31]

2

Однажды был Марсилий в Сарагосе, —
Он в сад пошел, прилег на темный мрамор
В тени; вокруг собрались сарацины[32],
Их было тысяч больше двадцати;

Своим баронам молвил царь Марсилий:
«Послушайте, друзья, какое горе
Постигло нас: король могучий Карл,
Властитель милой Франции[33] прекрасной,
В наш край родной пришел нас разгромить.
Без войска я – и нет полков могучих,
Чтоб отразить дружины короля!
Я вас прошу, мудрейшие из мавров,
Совет подать мне: как уйти от смерти
И как верней позора избежать?..»
Хранят они глубокое молчанье, —
Один вальфондский[34] славный кастелян[35]
Молчать не стал, – он звался Бланкандрином.

3

Среди испанских мавров Бланкандрин
Был всех мудрей, был витязем отважным,
Умел помочь советами царю, —
Он так сказал: «Оставьте страх, Марсилий,
Тщеславному и гордому французу
Клянитесь в дружбе, в преданности вечной,
Пошлите сотен десять соколов[36],
Благополучно перенесших линьку, – с ними
Медведей, львов, собак, семьсот верблюдов,
Четыре сотни мулов, нагруженных
И серебром и золотом арабским,
Чтоб славный Карл, французов повелитель,
Возов огромных больше полусотни
Мог нагрузить богатыми дарами
И заплатить наемникам своим.
Так долго Карл в Испании сражался, —
К себе домой идти ему пора!
Скажите Карлу: «В Ахен[37] твой престольный
Я за тобой последую и сам,
Когда ж настанет праздник Михаила[38], —
Тогда крещусь; по правде и по чести
Тебе служить я буду, славный Карл!»
Попросит он заложников, – так что же?
Их десять, двадцать франкам отдадим,
Детей пошлем, – я собственного сына
Отправлю к ним на гибель и мученья!

Пускай они там все обрящут смерть,
Чем нам лишиться власти и почета
И подаянья нищенски просить!
– Аой!

4

Я вам клянусь моей рукою правой
И бородой, покрывшей грудь мою,
Что войско Карла быстро удалится,
Во Францию уйдут тогда французы…
Когда же все их войско разбредется
И в Ахенском соборе мощный Карл
Великий день святого Михаила
Отпразднует, – пройдет крещенья срок;
О нас ни слова франки не услышат.
Ужасен Карл, безжалостен и грозен:
Заложников казнит, не медля, он…
Но пусть они скорей лишатся жизни,
Чем светлый край, Испанию-красу,
Отнимет Карл, французов повелитель,
И бедствий ряд обрушится на нас!»
«Все это так!» – кричат толпы неверных.

……

6

Окончил царь Марсилий совещанье.
«Сеньоры, – молвил он своим баронам. —
Возьмите каждый в руки ветвь оливы[39],
Просите Карла, Богом заклинайте
Меня и мавров ныне пощадить.
Скажите франку: «Ровно через месяц
Наш царь и с ним до тысячи баронов
Придут к тебе в престольный Ахен твой,
Закон Христа они все вместе примут,
Служить тебе по правде и по чести
Марсилий будет, – сколько ты ни спросишь,
Он даст тебе в заложники людей».

«Прекрасным это будет договором!» —
Сказал в ответ коварный Бланкандрин.
– Аой!

……

8

Могучий Карл и радостен и светел:
Взял Кордову[40] он, стены разгромил,
На землю он поверг твердыни башен…
И знатная добыча людям Карла
Досталась там – набрали без конца
И серебра, и золота литого,
Роскошных сбруй, доспехов драгоценных…
Так в Кордове язычников не стало.
Побитых тьма – живые крещены!
Великий Карл сидит в саду плодовом:
Вокруг него Роланд и Оливьер,
И вождь Самсон и Ансеис надменный…
…Сидит на троне золота литого
Прекрасной нашей Франции король.
Волной седые кудри ниспадают,
А борода его белее снега.
Прекрасен Карл, горда его осанка:
Узнали сразу франков властелина
Послы испанцев, спешились они,
Любовно все приветствовали Карла.

9

Прошел вперед и молвил Бланкандрин:
«Храни тебя, король, твой Бог всесильный,
Тот дивный Бог, которому ты служишь!
Велел тебе сказать Марсилий храбрый,
Что расспросил о вашей вере он,
Что ваш закон – один ведет к спасенью!
С тобой разделит царь свои богатства:
Пошлет собак, верблюдов, львов, медведей
И тысячу слинявших соколов,

Четыре сотни мулов, нагруженных
И серебром и золотом арабским, —
Наполнишь ты богатыми дарами
Возов огромных больше полусотни.
Так много царь пошлет монет чеканных,
Что сразу войску плату ты отдашь…
Великий Карл, ты долго здесь сражался —
Пора тебе домой вернуться, в Ахен!
Марсилий нагл пойдет за вами следом,
Чтоб там принять святой закон Христа.
Вот все, что он велел тебе поведать».
И поднял руки к небу Карл Великий,
Поник челом и в думу погрузился.
– Аой!

……

12

Могучий Карл сидит под сенью ели.
Своих баронов[41] он к себе зовет.
Пришел Оджьер, Турпин-архиепископ[42],
Старик Ричард, Анри – его племянник
И храбрый вождь гасконский – Ацелин,
Пришел Джерин, Джерьер, Тедбальт из Реймса
И брат его двоюродный – Милон,
И граф Роланд с могучим Оливьером.
До тысячи сошлось баронов Карла, —
Меж ними был изменник Ганелон.
И сели все. Тогда совет был принят,
Принесший франкам столько тяжких бед.
– Аой!

13

«Бароны, – молвил франкам император, —
Марсилий-царь прислал послов своих;
Он золота, богатств сулит нам много…
…Больших повозок больше полусотни
Наполним мы богатыми дарами.

Зато уйти, не медля, должен я
Домой к себе; за мною царь Марсилий
Приедет к нам, в мою столицу Ахен,
Чтоб там принять святой закон Христа
И в ленный[43] дар принять свои владенья.
Однако я в сомнении великом,
Насколько мавру можно доверять».
В ответ бароны: «Будем осторожны!»
– Аой!

14

Могучий Карл окончил речь свою,
Но граф Роланд ее не одобряет, —
Он с места встал и Карлу возразил:
«Поверить маврам может лишь безумный, —
Семь долгих лет воюем с ними мы…
…Всегда Марсилий с нами поступал,
Как истинный предатель, – к нам однажды
Пятнадцать мавров он прислал своих,
В руках они держали ветвь оливы
И те же речи льстивые вещали!
У нас спросил совета Карл Великий,
И согласились мы, безумцы, с ним!
Тогда король послал двух славных графов —
Один звался Базан, другой Базилий…
У гор Альтильских мавр казнил обоих!..
Могучий Карл, громи врагов, как прежде,
Веди войска на стены Сарагосы,
Всю жизнь свою в осаде проведи,
Но все ж за смерть Базана и Базилья
Предателю ты должен отомстить!»
– Аой!

15

Поник челом великий император,
Рукой от треплет бороду, усы…
Ни слова он Роланду не ответил,
В молчанье все сидят бароны Карла…

Один лишь из вассалов, Ганелон,
Молчать не стал, – он выпрямился гордо
И Карлу слово смелое сказал:
«Напрасно, Карл, ты слушаешь безумных:
Будь это я иль кто-нибудь другой, —
Тому внимай, кто даст совет полезный!
Когда тебе Марсилий обещает
Рабом твоим покорным стать
И в лен Испанию из рук твоих принять,
Когда закон Христа принять он хочет, —
То всякий, кто советует отвергнуть
Его мольбы, – забыл, какая смерть
Постигнет нас! Ты более не должен
Внимать речам, тщеславием внушенным, —
Великий Карл, оставь совет безумных, —
Одним советам мудрости внимай!»
– Аой!

……

17

«Скажите мне, бароны, – молвил Карл, —
Кого послать я должен в Сарагосу?»
«Вручите мне свой посох и перчатку,
Охотно я посланье отвезу!» —
Сказал Немон, баварский славный герцог[44].
И молвил Карл: «Ты мудрый мой советчик, —
Я не пущу тебя в столь дальний путь!
Нет! В том клянусь усами, бородою,
Не ты поедешь к маврам в Сарагосу!
Садись и жди, пока тебя спрошу я!»

18

«Кого послать? Скажите мне, сеньоры», —
Спросил король. – «Меня», – сказал Роланд.
«Боюсь, чтоб вы там бед не натворили:
Вы слишком пылки, – молвил Оливьер, —
Пусть лучше я поеду в Сарагосу!»

«Молчать, бароны! – Карл воскликнул грозно. —
Я бородой клянусь вам и усами:
Никто из пэров к маврам не поедет!» —
Так молвил Карл, – и стихло все вокруг.

……

20

«Свободные сеньоры, – молвил Карл, —
Вы средь моих баронов изберите,
Кто нагл ответ доставит в Сарагосу».
Роланд в ответ: «Пусть едет Ганелон
(Он вотчим мой) – пригоднее барона
Нельзя найти». И молвили французы:
«Он лучше всех исполнит порученье!»
Был перепуган этим Ганелон.
Граф Ганелон во гневе и печали
Отбросил кунью шубу с плеч своих,
В одной остался шелковой тунике[45] —
Прекрасен был могучий Ганелон:
Широкобедр и статен, – ярким светом
Его глаза лучистые горели,
И весь гроза, величествен и горд
Стоял он там, и взоров восхищенных
С него свести бароны не могли.
Воскликнул он: «За что, Роланд безумный,
Пылаешь ты ко мне такою злобой?
Что вотчим я – то всем давно известно!
Назначен я тобой в послы к неверным,
Но если Бог мне даст сюда вернуться, —
До самой смерти горе и страданья
Твоим уделом будут!» И воскликнул
Роланд в ответ: «Твои безумны речи!
И знают все: угроз я не страшусь!
Но мудрый франк везти посланье должен,
И если император соизволит, —
Охотно я посланье отвезу!»
– Аой!

……

25

Могучий Карл вручил ему перчатку,
Но Ганелон далеко быть хотел бы:
Перчатку он на землю уронил.
«О Боже! – все воскликнули французы, —
Ужели мы к Марсилию посла
Себе на горе ныне отправляем!»
В ответ посол: «Грядущее покажет».

26

«О государь, дозволь мне тотчас ехать, —
Сказал посол, – я здесь не должен медлить».
А Карл в ответ: «От имени Христа,
От моего – ступай, барон!» – Десницей
Могучий Карл его благословил,
Затем вручил послание и посох.

27

Граф Ганелон ушел в свою палатку,
Стал выбирать доспехи боевые:
Надел златые шпоры, у бедра
Привесил меч Морглейс[46], на Ташебруна,
На скакуна вскочил, – стальное стремя
Ему держал могучий Гуинмер
(Он Ганелону дядей был). И тут же
В слезах стояли многие вассалы:
«Могучий граф, на горе и страданья
Родился ты! – воскликнули они. —
Так много лет при Карле-властелине
Ты состоял придворным, все тебя
За славного вассала почитали…
Того, кто дал совет тебя послать,
Могучий Карл от смерти не избавит!
Как граф Роланд подумать только смел
Послать такого знатного барона!
Владыка нагл! Возьми нас всех с собою!»
И молвил граф: «Избави Бог, чтоб я

На смерть повел таких баронов славных.
Нет, лучше я один погибну там!
Вернитесь вы во Францию родную
И мой привет прощальный отвезите
Супруге милой, пэру Пинабелю
И Алдуину – сыну моему.
Ему, друзья, как добрые вассалы
И верою и правдой послужите!» —
Так молвил он – и мчится к Сарагосе.
– Аой!

28

Коня погнал чрез рощу из олив
Граф Ганелон; неверных нагоняет.
(Их Бланкандрин нарочно задержал.)
Граф Ганелон с послом испанских мавров
С большим искусством стали речь вести:
Вот Бланкандрин сказал: «Дивлюсь я Карлу:
Апулию[47], Калабрию[48] он добыл
И чрез громаду волн морских соленых
С дружиной он обрушился на англов[49]
И дань Петру[50] заставил их платить.
За что теперь в наш край войной жестокой
Нагрянул он?» – «Так хочет Карл Великий;
Ему никто противиться не может», —
Ответил Бланкандрину Ганелон.
– Аой!

29

Воскликнул мавр: «Народ бесстрашный франки,
Напрасно только Карлу-властелину
Такие мысли гордые внушают
Бароны ваши; Карла и других
Они погубят!» – «Я таких не знаю, —
Сказал в ответ на это Ганелон, —
Один Роланд надменностью своею
Себе готовит гибель и позор!
Сидел в тени недавно император,

Пред ним в броне предстал его племянник
(Он перед тем разграбил Каркассону[51]),
В руках своих он шар держал пурпурный
И так сказал: «Французов повелитель,
Вот я принес венцы царей земли —
Они твои!» – Дивлюсь я, как доныне
За дерзость он еще не поплатился!
Ведь каждый день себя он не жалеет;
С его кончиной мир настал бы вечный!»
– Аой!

30

«Жесток Роланд! – воскликнул Бланкандрин. —
Как? Все народы, земли все задумал
Себе забрать он: кто ж его клевреты[52]?»
«Конечно, франки! – молвил Ганелон. —
Они его и чтут и любят нежно,
Никто из них Роланду не изменит:
Он им дарит сребра и злата груды,
Немало сбруй и шелковых ковров,
Коней и мулов – все, что им угодно!
Чего не спросит Карл – он все исполнит,
Роланд Восток и Запад покорит
Державному французскому владыке!»
– Аой!

31

Граф Ганелон и хитрый Бланкандрин
Так долго вместе ехали, что оба
Друг другу дали клятву – погубить
Могучего Роланда; в Сарагосу
Приехали и там под кипарисом
Сошли с коней, прошли вперед – и видят:
Под сенью ели трон стоит высокий,
Он весь покрыт парчой александрийской,
На нем сидит неверных повелитель —
Марсилий-царь, а тысяч двадцать мавров
Стоят вокруг в молчании глубоком:

Все знать хотят, что скажут им послы.
К ним Бланкандрин подходит с Ганелоном.

32

К Марсилию подходит Бланкандрин,
За руку держит графа Ганелона:
«Привет тебе во имя Магомета
И Аполлина, коим служишь ты! —
Воскликнул мавр. – Поведали мы Карлу
Твои слова, но он ответа не́ дал,
Лишь поднял руки к небу, император, —
Воздал хвалу он Богу своему.
Теперь к тебе могучего барона
Сюда прислал он; этот скажет нам,
Согласен ли на мир король французский».
«Ну, говори!» – сказал послу Марсилий.
– Аой!

33

Граф Ганелон успел ответ обдумать,
С большим искусством стал он говорить:
«Храни тебя преславный Царь Небесный,
Кому всегда молиться мы должны!
Мой властелин велел тебе поведать,
Что должен ты принять закон Христа, —
Тогда тебе как ленное владенье
Он даст земли испанской половину.
Но если ты ослушаться посмеешь, —
Тебя в цепях отправят в стольный Ахен
И предадут позорной казни там!»
мутился царь, услыша речь такую,
Своим копьем в оправе драгоценной
Хотел ударить графа Ганелона,
Но вовремя эмиры[53] удержали.
– Аой!

34

В лице тогда Марсилий изменился,
Потряс копьем в оправе драгоценной;
Увидя то, могучий Ганелон
Свой добрый меч извлек наполовину
И так сказал: «Как ты красив и светел,
Мой добрый меч! Пока в руке моей
Сверкаешь ты, – не скажет Карл Великий,
Что я один погиб в краю чужом!
Нет, раньше здесь славнейшие из мавров
За смерть мою расплатятся с тобой!»
«Разнимем их!» – кричат толпы неверных.

.....

36

К Марсилию подходит Ганелон.
«Марсилий-царь, твой ярый гнев напрасен;
Могучий Карл, французов повелитель,
Велит тебе принять закон Христа.
Испании получишь половину,
Другою будет править граф Роланд —
И знай: Роланд – кичливый соправитель!
Но если ты ослушаться посмеешь, —
Могучий Карл оцепит Сарагосу,
Велит тебя связать – ив дальний путь
На скакуне ретивом иль на муле
Тебя везти не станут, нет, – позорно
На кляче жалкой в Ахен первостольный
Поедешь ты, – и там имперский суд
Велит тебя предать позорной казни!
Читай письмо!» – И он вручил посланье.

.....

39

«Любезный граф, – воскликнул царь Марсилий —
Безумно я, конечно, поступил,
Когда хотел во гневе вас ударить;
Зато теперь вот эту кунью шубу

Я вам дарю; за мех пятьсот червонцев
Я заплатил – и завтра в час вечерний
Я дорогой подарок вам пришлю».
«Охотно, царь, подарок принимаю,
Да наградит за то тебя Господь!» —
Так Ганелон Марсилию ответил.
– Аой!

.....

41

«Дивлюсь я Карлу! – молвил царь Марсилий. —
Он стар и сед – ему за двести лет!
Так много стран обширных он изъездил,
Его так много копий пронизало,
Унизил столько он царей могучих…
Когда ваш Карл от брани отдохнет?»
«Пока не пал Роланд, его племянник,
Не будет мира! – молвил Ганелон. —
Нельзя найти нигде под сводом неба
Таких отважных рыцарей могучих,
Как граф Роланд и храбрый Оливьер!
Любимцы Карла – все двенадцать пэров
И двадцать тысяч рыцарей французских
Идет пред войском, – может быть спокоен
Могучий Карл – его не потревожат».
– Аой!

.....

44

«Граф Ганелон, скажите мне, прошу вас, —
Воскликнул царь, – как нам убить Роланда?»
«Все это я подробно объясню. —
Так Ганелон Марсилию ответил. —
Достигнет Карл ущелий Сизерейских
И за собой отборную дружину
Оставит там: останется Роланд
И Оливьер, и двадцать тысяч войска.

Пошли сперва сто тысяч сарацин:
Большой урон потерпит войско франков;
Но за твое я также не ручаюсь!
Другую рать веди тогда на бой:
Едва ли после двух таких сражений
От гибели спасется граф Роланд;
И твой поход удача увенчает,
И долгий мир в награду ты вкусишь!»
– Аой!

.....

46

И молвил царь (они договорились):
«Что пользы нам в совете, если мы
Советчику не верим безусловно?
Клянитесь, граф, Роланду изменить!»
Граф Ганелон на это согласился,
И на мощах[54], сокрытых в рукоятке
Его меча, клянется Ганелон;
Так гнусное свершил он преступленье!
– Аой!

.....

53

Уж приближался Карл к своим владеньям,
С дружиной в город Гальну прибыл он.
Разрушенный Роландом, этот город
Был на сто лет в пустыню превращен.
Ждет Карл вестей и дани от испанцев.
Граф Ганелон вернулся на заре.
– Аой!

54

Встал на заре король, пошел к обедне,

Затем на луг зеленый вышел он
Перед шатром. К нему сошлись бароны:
Пришел Роланд, учтивый Оливьер,
Пришел Немон и многие другие;
Граф Ганелон, изменник и предатель,
С большим коварством начал говорить:
«Храни тебя Господь! – он молвил Карлу. —
Тебе ключи привез я Сарагосы,
Заложников, богатые дары!
Неверных царь тебя смиренно просит
Не гневаться на то, что он халифа
Прислать не мог, – я сам был очевидцем,
Как дважды двести тысяч сарацин,
Надев стальные шлемы и кольчуги
И взяв мечи в оправе драгоценной,
В далекий путь поплыли по волнам.
Седой халиф[55] поехал с ними вместе:
Никто из них креститься не желал!
Четыре лье проехали уж мавры, —
Вдруг страшный вихрь нагрянул, – все они
Средь волн морских погибли безвозвратно!
Да, если бы халиф остался жив, —
Он был бы здесь!.. Чрез месяц, даже раньше,
Приедет царь принять закон Христа
И, пред тобою стоя на коленях,
Как ленный дар Испанию получит».
«Хвала Творцу! – воскликнул император. —
Доволен я: ты будешь награжден!»
Гремят французов трубы боевые,
Навьючили дружины Карла мулов
И все идут во Францию-красу.
– Аой!

.....

56

Проходит день, сгустился сумрак ночи,
Могучий Карл почил и видит сон:
Он у ворот широких Сизерейских,
В руке копье из ясеня он держит,
Вдруг Ганелон схватил копье, тряхнул —

И от него осколки разлетелись…
Все спит король – до утра не проснулся.

57

И сон иной увидел император:
Он в Ахене сидит в своем соборе,
И вдруг – медведь бросается на Карла
И за руку хватает; с гор Арденнских
На Карла мчится страшный леопард,
Но в то же время быстрыми прыжками
И пес борзой спешит на помощь Карлу.
Он у медведя ухо откусил
И с леопардом в бой вступил жестокий.
«Великий бой!» – кричат дружины франков,
Но чья победа – Карл того не знает…
Все спит король… до утра не проснулся.
– Аой!

58

Проходит ночь, заря зажглась на небе,
Во весь опор несется император.
Вокруг гремит до тысячи рогов,
И молвил Карл: «Ужасен ряд ущелий,
Кого бы нам оставить здесь на страже?»
«Пусть здесь стоит мой пасынок Роланд,
Он всех храбрей!» – сказал в ответ изменник
Граф Ганелон, но Карл взглянул сурово:
«Да ты сам бес! Какой смертельной злобой
Пылаешь ты! – воскликнул он. – А кто же
Передние дружины поведет?»
А тот в ответ: «К тому всего пригодней
Могучий вождь из Дании – Оджьер».

59

Услышав то, Роланд, как истый рыцарь,

Стал говорить: «Спасибо, Ганелон.
Поставлен я тобою здесь на страже,
И славный Карл, французов повелитель,
Пока я здесь, ни мулов, ни коней,
Ни скакунов ретивых не лишится:
За каждого из вьючных мулов Карла
Мой меч врагов заставит заплатить!»
Граф Ганелон сказал: «Все это верно!»
– Аой!

……

68

…Марсилий-царь зовет свои дружины,
Он кличет герцогов, эмиров, графов,
Баронов, альмансуров[56] и виконтов[57],
Детей их, всех вассалов, – в трое суток
Четыреста он тысяч их набрал.
Рокочут в Сарагосе барабаны,
И на вершине башни высочайшей
Поставлен идол бога Мухаммеда.
И все к нему молитвенно взывают,
Затем идут чрез горы и долины, —
И вот пред ними франкские знамена
И пэров стан. Уж близок страшный бой.

69

Несется вскачь Марсилия племянник,
Копейным древком[58] мула погоняет;
И молвил он с улыбкою царю:
«О государь! Тебе служил я долго,
Терпел немало бедствий и трудов
И доставлял тебе не раз победу!
Как ленный дар, прошу я разрешенья
Убить Роланда; если Магомет
Поможет мне, – то я копьем булатным
Убью Роланда; весь наш край родимый
С ущелий Аспры вплоть до Дюрестана

Свободным будет! Карл от битв устанет,
Сдадутся франки, мир настанет вечный!»
Перчатку дал ему Марсилий-царь.
– Аой!

……

79

Тройные брони мавры надевают,
У всех щиты, мечи из крепкой стали,
А шлемы их – работы сарагосской.
Торчат рядами копья боевые,
И веют мавров пестрые значки,
Окрашенные в темный цвет, и в белый,
И в красный цвет. Сошли с дорожных мулов
И на коней вскочили сарацины.
Был ясный день, светило ярко солнце,
Метали сбруи тысячи огней,
И множество рогов вокруг гремело.
Великий гул услышали французы.
«Товарищ мой! – воскликнул Оливьер. —
Сдается мне, что ныне с сарацином
Жестокий бой французам предстоит».
Роланд в ответ: «Ну что же, слава Богу;
За короля должны мы храбро биться:
Обязан каждый рыцарь за сеньора
Терпеть лишенья, раны, холод, зной,
Жалеть не должен кровь свою и тело!
Товарищи! Сплеча рубите мавров,
Чтоб песнь о нас позорную сложить
Не мог никто. Всевышний не за мавров,
Ведь наше дело правое, – святое, —
Худой пример я не подам, друзья!»
– Аой!

……

81

На холм крутой поднялся Оливьер,

Увидел он испанские долины
И все войска неверных сарацин:
Блестят щиты и шлемы золотые,
Одних полков не мог он сосчитать;
Столь много их, что им и счету нет.
Сошел с горы в смущенье и печали
И все подробно франкам рассказал.

……

83

И молвил граф: «Испанцев много тысяч, —
Немного нас! Роланд, товарищ милый,
Трубите в рог, – услышит император,
Вернется он, – и с ним все войско наше».
Роланд в ответ: «Безумцем буду я,
Покроюсь я во Франции позором!..
Не в рог трубить, – мечом стальным я должен
Врагов разить, и кровию багряной
Покроется мой добрый Дюрандаль[59]
До золота тяжелой рукоятки!
Пришли себе на горе сарацины:
Ручаюсь вам, погибнуть все должны!»
– Аой!

……

86

«Не знаю, в чем тут может быть позор? —
Так Оливьер Роланду отвечает, —
Я видел сам испанских сарацин,
Покрыты ими горы и долины:
Им счета нет, а нас уж слишком мало!»
«Я тем сильней рубиться с ними буду! —
Так граф Роланд товарищу ответил. —
Да не допустит Бог, ни все святые,
Чтоб Францию покрыл позором я!
Скорее смерть, чем срам! За то и любит
Нас славный Карл, что драться мы умеем!»

87

Мудр Оливьер, а граф Роланд бесстрашен,
Известны оба доблестью своею.
Надели брони, сели на коней,
Их смерти страх от битвы не удержит.
Бесстрашны графы, их надменны речи, —
Язычники поганые на франков
Несутся вскачь. «Смотрите, близко враг
И далеко могучий император, —
Сказал Роланду храбрый Оливьер, —
В свой зычный рог трубить вы отказались,
Здесь был бы Карл, и мы б спаслись от смерти:
Смотрите, там идут у гор, близ Аспры,
Последние унылые ряды
Его дружин! Мы права не имеем
На них пенять! Увы, в последний раз
Мы с вами, граф, на страже здесь стояли!»
Роланд в ответ: «Твои обидны речи,
Позор тому, чье дрогнет сердце, твердо
Здесь станем мы, – жестокие удары
Не нас, а войско мавров поразят!»
– Аой!

…….

90

С колен вскочили франкские бароны, —
От всех грехов очищены они.
Благословил их всех архиепископ,
На скакунов своих садятся франки,
Надели все доспехи боевые —
На бой готовы. Молвит граф Роланд:
«Друг Оливьер, вы правду говорили:
Нас всех обрек на гибель Ганелон,
Он взял за то несметные богатства,
И должен Карл жестоко отомстить!
Да, нас купил неверных царь Марсилий,

Но с ним теперь расплатятся мечи!»
– Аой!

……

92

«Не стоит спорить! – молвил Оливьер. —
В свой рог трубить, Роланд, вы не хотели —
Далеко Карл, не знает он, конечно,
Что здесь нам бой сегодня предстоит!
Нельзя винить его и прочих франков…
Вперед, за мной, вперед, мои бароны,
Я Богом вас, сеньоры, заклинаю
Не отступать, рубитесь вы сплеча;
Лишь об ударах ныне помышляйте,
Не забывайте клич призывный Карла!»
И грозный клич пронесся по ущельям;
Кто раз слыхал: «Монджой и Сен Денис!»[60],
Тот знал, что значит доблесть и отвага!
Помчались гордо франки на неверных,
Осталось им одно – рубить врагов,
Но сарацины тоже не робеют;
Смотрите, вот сошлись на бой дружины!

93

На скакуне гарцует Аэльрот,
Испанский мавр, Марсилия племянник;
Пред строем мавров выехал и дерзко
Он крикнул франкам нашим: «Эй вы, трусы!
Должны вы здесь сегодня драться с нами,
И тот, кто вам защита и оплот, —
Великий Карл вас предал в руки наши!
Безумьем было вас в горах оставить;
Погибнет слава Франции-красы!
Могучий Карл руки лишится правой!»
Услыша то, к нему примчался быстро,
Пылая злобой, храбрый граф Роланд,
Всей мощью он ударил сарацина

И щит пробил, пронзил броню и грудь,
Спинной хребет рассек он сарацину
И кости все грудные раздробил,
Стальным копьем из тела вышиб душу!
Насквозь копье прошло чрез шею мавра.
Мавр наземь пал. И мертвому воскликнул
Могучий граф Роланд: «Презренный, знай:
Нагл император славный – не предатель
И не безумец; здесь оставив франков,
Он поступил как истинный барон!
Нет, Франции здесь слава не погибнет!
Разите их, вперед, мои французы,
Разите их – удар наш первым был!
За нас Господь, – он маврам не поможет!»
– Аой!

……

104

Все шире, шире бой распространился,
Роланд себя нимало не жалеет —
Копьем разит испанских сарацин.
Пятнадцать он нанес ударов маврам,
И вот копье на щепки разлетелось!
Тогда Роланд извлек свой Дюрандаль,
Пустил коня, Чернублия ударил
И шлем рассек, каменьями покрытый
Стальной шишак[61] рассек и волоса,
Глаза рассек, лицо, и грудь, и броню,
Спинной хребет, рассек седло златое, —
В спине коня завяз булатный меч, —
И конь и мавр на поле битвы пали.
«Презренный мавр! – сказал племянник Карла. —
В недобрый час сюда явился ты!
Твой Магомет тебе помочь бессилен, —
Нет, не таким, как ты, нас победить!»

105

Помчался вскачь Роланд по полю битвы,
В его руке булатный Дюрандаль.
О, если б вы тогда его видали!
Как он рубил неверных сарацин!
Багряным стал булатный меч Роланда,
Покрыты кровью руки, плечи, броня
И добрый конь до самых бедр крутых.
Граф Оливьер и все двенадцать пэров
Не отстают, французы колют, рубят…
Покрыли сплошь великой битвы поле
В предсмертных корчах груды сарацин.
Тогда Турпин воскликнул в восхищенье:
«Эх, хорошо бароны бьются наши!» —
Гремит «Монджой!» – победный Карла клич.
– Аой!

……

109

Все жарче бой: жестокие удары
Валят на землю франков, сарацин…
Одни разят, другие отражают
Напор врагов, – и сколько острых копий
Разбито там и кровью обагрилось!
Разорваны знамена и значки.
О, сколько франков юных там погибло:
Им не видать ни жен, ни матерей,
Ни короля, что ждет среди ущелий!
– Аой!
Карл тщетно ждет, и плачет, и рыдает…
Что пользы в том? Помочь не в силах он.
Граф Ганелон-предатель им на горе
Отправлен был к Марсилию послом.
За то потом он жизнью поплатился:
Имперский суд, что в Ахене был созван,
Его к позорной казни присудил,
А вместе с ним от смерти не спаслися
И тридцать знатных родичей его!
– Аой!

110

А бой кипит, ужасный бой кровавый:
Роланд и вождь могучий Оливьер
Разят сплеча. Турпин-архиепископ
Врагам ударов тысячу нанес.
Не отстают от них двенадцать пэров,
И дружно бьются франкские полки, —
Неверных сотни, тысячи погибли:
Кто не бежит, тот падает на месте…
Но франки также лучшие побиты
И большинство оружья лишены.
Им не видать ни родичей, ни близких,
Ни Карла – он их тщетно ждет средь гор…
Во Франции чудесные явленья
Пугают всех: гремит всечасно гром,
Разят ужасно молнии; бушуют
И вихрь, и град крушительный, и ливни,
По всей стране колеблется земля
От Сен-Мишельской церкви и до Кельна,
От Безансона вплоть до Гуитзана,
Во прах жилища падают, – и мрак
Средь полдня свод небесный покрывает…
И все кричат: «Вот Судный день настал!»
Но все они не ведают, не знают,
Что это – скорбь природы по Роланду!

.....

112

Долиной мчится грозный царь Марсилии
И с ним его бесчисленная рать:
Десятка два всего полков могучих.
Горят щиты и пышные узоры
Блестящих лат. Семь тысяч труб гремит,
Среди ущелий стон стоит великий.
«Брат Оливьер, нас предал Ганелон, —
Сказал Роланд, – но Карл его накажет!..
Теперь должны мы выдержать жестокий,
Упорный бой, – такого не бывало
До сей поры! Рази мечом своим,

А я работать буду Дюрандалем!
Не раз с тобой носили мы мечи,
Не раз с тобой победу добывали, —
О нас позорной песни не споют!»
– Аой!

.....

126

И бой кипит, великий бой, кровавый…
И копьями из стали вороной
Разят сплеча французские бароны.
Повсюду стон, ужасные мученья:
Тот навзничь пал, а тот лежит ничком…
И, наших войск не выдержав напора,
Бегут в смятеньи диком сарацины:
Погнали их Роландовы полки.
– Аой!

127

И другу так сказал Роланд: «Товарищ,
Не правда ли, Турпин – боец могучий,
Никто не может равным быть ему:
Как славно он разит копьем булатным!»
«Ты прав, Роланд, – летим ему на помощь!»
И вот опять на бой помчались франки.
Посыпались жестокие удары,
Но много пало славных христиан!..
Как яростно работали мечами
Среди врагов Роланд и Оливьер,
Копьем разил Турпин-архиепископ!
Всего четыре тысячи неверных,
Убитых ими в сече, насчитали;
Так книги нам и песни говорят!
Четыре первых приступа отбили
Успешно франки; пятый был ужасен:
Погибли все французские бароны,
В живых осталось только шестьдесят.

Не дешево за них заплатят мавры!
– Аой!

128

Роланд увидел тяжкие потери
Своих дружин. «Товарищ, Оливьер,
Бесценный друг, смотри, какое горе
Постигло нас, – о, сколько благородных
Здесь полегло могучих удальцов!
Достойна слез судьба отчизны милой:
Каких баронов Франция лишилась!
Могучий друг, великий, славный Карл,
Зачем тебя здесь с нами нет!.. Товарищ,
Брат Оливьер, что делать, как на помощь
Позвать владыку франков?» – «Друг Роланд,
Не знаю, как позвать на помощь Карла, —
Позору смерть я должен предпочесть!»
– Аой!

129

Сказал Роланд: «В свой рог трубить я буду:
Услышит Карл, проходит он ущелья,
Ручаюсь вам, вернется войско франков».
«Навеки вы покроете позором
Себя и род свой! – молвил Оливьер. —
Вы мой совет отвергли неразумно;
А ныне я согласия не дам,
Теперь вас срам постигнет, если Карла,
Гремя в свой рог, к себе начнете звать!
Уж ваши руки кровью обагрились!»
«То кровь врагов!» – ответил граф Роланд.
– Аой!

.....

132

Услышал спор Турпин-архиепископ,
Вонзил в коня он шпоры золотые,
Примчался к ним обоих успокоить.
«Граф Оливьер, и вы, мой друг, Роланд,
Я Богом вас, сеньоры, заклинаю
Оставить споры, в рог трубить уж поздно:
Далеко Карл, поспеть не может он;
Но все ж трубите, – славный император
Придет сюда неверным отомстить.
Пусть ни один из мавров сарагосских
К себе домой, ликуя, не вернется:
Приедут франки – с борзых скакунов
Сойдут они, кровавые останки
Они на поле битвы соберут,
Положат нас на спины вьючных мулов,
И с плачем горьким плитами покроют
Останки наши в склепах монастырских,
Чтоб волки нас и псы не растерзали».
«Ты прав, сеньор!» – ответил граф Роланд.
– Аой!

133

К устам своим Роланд свой рог приставил,
Напряг все силы, зычно он трубит:
За тридцать лье чрез горные вершины
Заветный рог раскатами гремел.
Услышал Карл, услышали французы.
Сказал король: «Дерутся люди наши!»
Ему в ответ изменник Ганелон:
«Когда б другой сказал такое слово,
Его почел бы всякий за лжеца!»
– Аой!

.....

136

Могучий Карл велел трубить, – и франки
Сошли с коней, доспехи надевают:

Надели брони, шлемы и щиты,
А у бедра, украшенные златом,
Повесили булатные мечи.
Их копья крепки: в красный цвет, и в темный,
И в белый цвет окрашены значки.
На боевых коней вскочили франки,
Во весь опор несутся по ущельям.
«О, если б нам застать в живых Роланда, —
Так молвит каждый, – страшные удары
Мы б вместе с ним неверным нанесли!»
Напрасно все: они примчатся поздно!

137

Пылал закат, светило ярко солнце, —
Горели шлемы, брони и щиты,
Узорами покрытые. Сверкают
Стальные копья, цветом золотистым
Горят на солнце пестрые значки.
Исполнен гнева, мчится император,
За ним в печали мчится франков строй, —
Рыдают все, трепещут за Роланда…
Безгона Карл велел позвать, не медля.
(Он старшим был из царских поваров.)
«Возьми под стражу графа Гане лона:
Изменник он, моих людей он предал!
Тебе пока его я поручаю
До дня суда!» – так молвил император.
Безгон позвал товарищей своих:
Они схватили графа Ганелона
И выщипали бороду, усы…
Избили страшно палками, кнутами.
И на цепь был посажен Ганелон,
Точно медведь, цепями весь окручен!
Его на клячу жалкую свалили
И так везли до дня суда над ним.

.....

140

Роланд взглянул на горы и долины,
Повсюду смерть, везде лежат французы…
И зарыдал могучий граф Роланд:
«О Боже! Ты благой и милосердный,
Открой пред нами в рай цветущий дверь.
Друзья мои, могучие вассалы!
Как долго мне служили честно вы!
О, сколько стран мы вместе покорили,
Вскормил нас Карл, увы, себе на горе!..
О Франция, отчизна дорогая,
Каких баронов здесь лишилась ты!
Товарищи! В несчастии виновный,
Не мог я вас от смерти защитить!..
Пусть вас хранит великий справедливый
Единый Бог… Мой милый друг, товарищ,
Граф Оливьер, с тобой мы неразлучны…
Знай, если я от битвы уцелею, —
Меня погубит горькая тоска…
За мною, друг, ударим на неверных!»

141

Вернулся граф Роланд на поле битвы,
Он бьет сплеча, как доблестный барон:
Рассек Фальдрона; многих знатных мавров
Он там убил. Ужасна месть Роланда:
Как лань бежит пред сворою собак, —
Так сарацин пред ним толпы́ бежали.
«Недурно, граф, дерешься ты! – воскликнул
Архиепископ. – Всякий, кто зовется
Бароном, кто, надев доспех блестящий,
На скакуне гарцует ретиво́м,
Обязан так сражаться: кто ж не может —
Тот никуда не годен; пусть в монахи
Поступит он и молится за нас!»
«Вперед, друзья, рубите без пощады!» —
Сказал Роланд. На бой помчались франки,
Но много их в той битве полегло.

……

148

Взглянул Роланд на друга Оливьера:
Он бледен, пятна синие покрыли
Его чело, ручьем струится кровь…
Сказал Роланд: «О Боже, что мне делать!
Брат Оливьер, увы, себе на горе
Явили вы и доблесть и отвагу!
Товарищ мой, вы были всех храбрей.
О Франция, отчизна дорогая,
Ужели здесь тебя постигнет срам?
Ужели стольких рыцарей могучих
И ты, и Карл лишитесь?» – так промолвил
И пал без чувств на шею скакуна.
– Аой!

149

И вот пред вами зрелище какое:
Лишился чувств от горя граф Роланд,
А Оливьер в бою смертельно ранен:
Он ослабел, он кровью истекает,
И помутились очи у него.
Он никого не узнает: Роланда
Ударил он по шлему золотому
И до забрала шлем его рассек,
Но не задел лица его, по счастью.
И кротко граф Роланд к нему промолвил:
«Намеренно ль меня вы поразили?
Ведь я Роланд, ваш друг, товарищ верный,
Меня на бой вы разве вызывали?»
«Не вижу я тебя, мой друг Роланд, —
Так Оливьер товарищу ответил, —
Но милый голос твой я узнаю!
Прости меня!» – «Но я совсем не ранен, —
Сказал Роланд. – Пусть вас простит Господь!»
Тогда они склонились друг ко другу,
Расстались в нежной дружбе и любви.

.....

152

Пришел в себя Роланд от забытья,
Увидел он весь ужас пораженья:
Погибли все французские бароны.
Всего в живых осталось только двое:
Турпин и витязь доблестный Готье.

.....

156

Как доблестно дерется граф Роланд!
В огне все тело, пот течет ручьями,
И в голове боль страшная: так сильно
Он в рог трубил, что жилы на висках
Раскрыты все! Но все ж узнать он хочет:
Придет ли Карл? И вновь Роланд трубит.
Увы! Чуть слышно рог звучит заветный!
Но все ж его услышал император,
Коня сдержал. «Сеньоры, – молвил Карл, —
Неладно там! Роланда мы лишимся!
По звуку рога чувствую, что скоро
Умрет Роланд – и если кто желает
Поспеть к нему, пусть шпорит скакуна!
Во все рога и трубы загремите».
И загремело тысяч шестьдесят
Французских труб: казалось всем, что с ними
Трубят холмы, и мрачные долины
Гремят в ответ. И мавры услыхали,
Безделицей им то не показалось:
«Король! – кричат они. – Король вернулся!»

157

Кричат они: «Вернулся император!
Рогов французских слышен звон вдали,
Нагрянет Карл, и плохо нам придется!
Но если мы Роланда не убьем,
То снова вся война начнется эта, —

Лишимся мы Испании-красы!»
И вот сошлись четыреста отборных,
Отважнейших бойцов, все в крепких шлемах…
И в страшный бой с Роландом сарацины
Вступили вновь, – нелегкая работа
Еще мечу Роланда предстоит!
– Аой!

158

Когда Роланд увидел их, то гордым
И грозным стал: он силы вновь почуял, —
Пока он жив, не сдастся он врагам.
Коню в бока вонзил златые шпоры,
Врубился он в толпу испанских мавров,
И с ним Турпин. «Друзья, скорей бежимте! —
Кричат испанцы. – Слышали мы звон
Рогов французских, – мощный Карл вернулся!»

159

Не мог терпеть Роланд презренных трусов
И не любил он также гордецов,
И злых, и всех, не верных ленной чести.
«Сеньор! – сказал Турпину он. – Вы пеши,
Я на коне, но ради вас мне должно
Здесь обождать, – и радости и горе
Должны делить мы – я не брошу вас,
И с вами вместе тотчас же неверным
Мы отомстим за страшный приступ их:
Славнее нет ударов Дюрандаля!»
Сказал Турпин: «Позор тому, кто в битве
Врагов рубить не может! Карл придет
И отомстит язычникам испанским».

……

161

К Испании стремятся сарацины,
Исполнены и гнева и тоски.
Не может граф Роланд за ними гнаться:
Погиб его ретивый Вельянтиф.
И вот Роланд спешит помочь Турпину:
Он снял с него блестящий легкий панцирь,
И золотом покрытый крепкий шлем,
Мечом разрезал платье на Турпине
И раны все ему перевязал.
Затем, прижав к груди, на луг зеленый
Он бережно Турпина положил
И с нежностью сказал ему: «Прекрасный
И знатный вождь! Прошу я разрешенья
Пойти искать друзей погибших трупы;
Снесу я всех сюда на луг зеленый,
У ваших ног их рядом положу!»
В ответ Турпин: «Ступайте, путь свободен.
Хвала Творцу! За нами поле битвы!»

.....

163

Роланд идет один по полю битвы,
Он Оливьера-друга там нашел,
Прижал к груди, принес его к Турпину
И бережно его на щит блестящий
Близ прочих пэров славных положил.
Их всех Турпин тогда благословляет;
И злая скорбь проникла в грудь Роланда,
Воскликнул он: «Прекрасный Оливьер,
Товарищ мой, рунерского маркграфа
Реньера сын! Чтоб копья и щиты
Ломать в бою, чтоб дать совет полезный,
Чтоб гордецов смирять, – нигде на свете
Нет витязя достойнее тебя!»

.....

174

Почуял граф, что близок час кончины:
Чело и грудь объял смертельный холод…
Бежит Роланд, – и вот под сенью ели
На мураву зеленую он пал.
Лежит ничком, к груди своей руками
Прижал он меч и зычный Олифант,
Он лег лицом к стране испанских мавров,
Чтоб Карл сказал своей дружине славной,
Что граф Роланд погиб, но победил.
В своих грехах он просит отпущенья,
И к небу он перчатку протянул.
– Аой!

.....

177

Погиб Роланд, его душа на небе.
Могучий Карл вернулся в Ронсеваль,
Покрыты сплошь луга, долины, горы
Телами павших франков, сарацин…

178

Рыдают все, и герцоги, и графы,
Над трупами своих сеньоров ленных,
Детей и братьев, близких и друзей…
И многие от горя и печали
На землю пали. Лишь Немон Баварский
Остался тверд и мужествен: «Король! —
Воскликнул он. – Вон там вдали, смотрите,
Клубится пыль: то рать испанских мавров.
Вперед, за все должны мы отомстить!»
«О горе, как они уже далеко! —
Воскликнул Карл. – О Боже милосердный,
Верни мне честь, верни мое мне право!
Творец! Сегодня Франции прекрасной,
Отчизны нашей милой цвет погиб!
Вы, Джебоин, Одон, Тедбальт из Реймса
И граф Милон – вы поле стерегите,

Чтоб павших звери хищные и львы
Не растерзали. Также не давайте
И челяди ограбить их… Смотрите,
Чтоб к трупам здесь никто не прикасался,
Пока мне Бог не даст сюда вернуться!»
С любовью так ответили бароны:
«Исполним все, великий, справедливый
Владыко наш!» И тысяча французов
Остались с ними трупы сторожить.
– Аой!

179

Велит король греметь в рога и трубы,
Со всей дружиной вслед за войском мавров
Несется Карл. У всех одно желанье —
Настичь врагов; и видит славный Карл,
Что скоро ночь. Тогда на луг зеленый
Сошел с коня великий император,
Простершись ниц, движенье солнца просит
Остановить и день продлить… Тогда
Он ангела знакомый голос слышит:
«Воспрянь, король! Продлится свет денной,
То ведомо Творцу, что ты сегодня
Лишился цвета Франции прекрасной,
За все теперь ты можешь отомстить!»
Воспрянул Карл и вновь в погоню мчится.
– Аой!

180

Великое по просьбе Карла чудо
Явил Господь: стояло неподвижно
На небе солнце. Полчища неверных
У Валь-Тенебра франки настигают,
Разят поганых, гонят к Сарагосе,
И все пути отрезали врагам.
И вот пред ними Эбро, – в этом месте
Река течет со страшной быстротой.
Ни кораблей, ни лодок не нашли там

Толпы неверных, – прямо в воды Эбро
Вскочили мавры, тщетно призывая
Себе на помощь бога Тервагана.
Одних ко дну тотчас же потянули
Тяжелые доспехи, а других
Река крутила быстро по теченью;
Счастливей прочих были те, что только
Лишь напились не в меру, – наконец
Погибли все ужасной смертью мавры.
Скорбят французы: «Где вы, граф Роланд!»
– Аой!

.....

203

Встал на заре могучий император,
И посланный от Бога Гавриил[62]
Благословил его. Свои доспехи
Оставил Карл, и все его бароны
Доспехи сняли. Быстро мчатся франки,
Летят они к ущельям Ронсеваля,
Чтоб поле страшной битвы осмотреть.
– Аой!

.....

205

Роланда ищет славный император,
О, сколько там увидел он цветов,
Окрашенных багряной кровью франков!
Он зарыдал. И на холме высоком
Увидел он два дерева. Под ними
На скалах Карл нашел следы ударов
Роландова булатного меча.
На мураве лежал его племянник.
То диво ли, что горесть охватила
Всю душу Карла? Он сошел с коня,
Племянника приподнял он и страстно
Прижал к груди. Над трупом бездыханным

Лишился чувств от горя славный Карл.

.....

265

Великий Карл разбил полки неверных,
Побитых тьма, – другие разбежались!
Повержены ворота Сарагосы:
Ничто не может Карлу быть преградой,
Вошел он в город, с ним его дружины;
Проспали там до утренней зари.
И горд и светел Карл седобородый.
Ему ключи вручила Брамимонда
Великих башен больше десяти
И малых башен больше полусотни.
Да, счастлив тот, кому поможет Бог!

.....

268

Вернулся Карл из дальнего похода
И в Ахен свой престольный прибыл он;
Вошел в чертог высокий свой. Навстречу
Красавица к нему выходит Альда.
И молвит: «Где Роланд, воитель славный?
Он мне клялся, что женится на мне!»
Рыдая, Карл рвет бороду седую:
«О милая сестра души моей! —
Воскликнул он. – О мертвом говоришь ты!
Но я тебе достойное возмездие
Воздам за смерть Роланда, – Лодовик[63],
Мой сын, наследник мой, твоим супругом
Пусть будет». – «Странны, Карл, такие речи!
В ответ на то ему сказала Альда. —
Да сохранит меня Небесный Царь
И ангелы его и все святые,
Чтоб я по смерти храброго Роланда
Осталась жить!» Внезапно побледнев,
Она к ногам владыки франков пала

И умерла… Спаси ее Господь!
Рыдают франки, плачут и вздыхают.

.....

270

Вернулся Карл в свой Ахен первостольный,
К нему в цепях изменник Ганелон
Был приведен. Веревками привязан
Он пред дворцом к позорному столбу,
И жилами воловьими жестоко
Он был избит, как это подобало…
Так в муках ждал он грозного суда.

271

Написано в «Деяниях старинных»,
Что Карл велел собрать своих вассалов
Со всех концов. И все в престольный Ахен
Приехали в Сильвестров день[64] священный.
Суд начался – и графа Ганелона
Велел король, не медля, привести.
– Аой!

272

«Мои бароны, – молвил император, —
Изменника судите по закону.
В Испании он был со мною вместе
И погубил французов двадцать тысяч
И моего племянника. Вовеки
Вам не видать могучего Роланда,
Погиб учтивый витязь Оливьер,
Погибли пэры, – продал их за деньги
Граф Ганелон!» – «Скрывать того не стану, —
Сказал в ответ на это Ганелон, —
Роланд меня лишил моих сокровищ —
И я за то Роланда погубил!

Но это месть, не гнусная измена!»
«Об этом мы размыслим!» – молвят франки.

.....

276

Свой приговор они приносят Карлу:
«Прости ты графа, Карл, тебе по чести
Служить он будет, – он могучий витязь,
Он славный вождь, – оставь его в живых!
Погиб Роланд, – его мы не увидим,
Его никак уж нам не воскресить!»
«Предатели!» – воскликнул император.
– Аой!

277

Увидел Карл, что всеми он покинут.
«О, горе мне!» – воскликнул он в печали,
Поник челом; к нему Тьедри подходит —
Джефрейта брат, анжуйского владыки. —
Был смугл лицом Тьедри, он худ и тонок,
И невысок, но строен и проворен,
И волоса его черны. Любовно
Он молвил Карлу: «Карл, не падай духом,
О государь, я верный твой слуга!
Я здесь имею право по рожденью
Средь королевских судей восседать!
Какую бы обиду Ганелону
Ни причинил наш доблестный Роланд, —
Он был на службе Карла, эта служба
Должна была ему защитой быть!
Граф Ганелон – изменник и предатель,
Клятвопреступник он, его на казнь
Позорную я громко осуждаю:
Пусть будет он повешен как изменник,
Пусть труп его собаки разорвут!..
А если кто из родичей захочет
Мой приговор, не медля, опровергнуть,

То я готов пред всеми доказать
Мечом своим, что прав я!» Молвят франки:
«Все это так, он дело говорит!»

278

Тогда подходит к Карлу-властелину
Борец могучий, ловкий Пинабель,
Его удар всегда врагу смертелен.
Воскликнул он: «Король, велите судьям
И глум и крик напрасный прекратить!
Решение Тьедри я отвергаю,
И с ним, не медля, драться я готов!»
И, молвив так, лосиную перчатку
Он отдал Карлу. «Что же, я согласен, —
Сказал король, – заложников мне надо».
Граф Ганелон всех родичей привел
(Их было тридцать). «Я своих представлю», —
Сказал король, и слугам повелел он
До окончанья боя их стеречь.
– Аой!

.....

281

Близ Ахена обширная равнина, —
Отправились туда для поединка,
Отвагою пылая, удальцы.
Коней пришпорив, оба вдруг слетелись:
В осколках их посыпались щиты,
Пробиты брони, лопнули подпруги,
Перевернулись седла, оба пали…
Сто тысяч франков плачут и рыдают…

.....

282

На землю пали витязи, и вместе
Они вскочили: ловок и могуч Был Пинабель.
Враги друг друга ищут, Они схватились пешими.
Сплеча Они мечами рубятся, – сверкают
Мечи с покрытой златом рукоятью,
По шлемам бьют противники друг друга.
Печаль дружины Карла охватила.
«О Боже! – молвил славный император. —
Кто прав из них, скорее объяви!»

.....

286

Почувствовал Тьедри, что сильно ранен:
Струится кровь ручьями на траву…
Противника ударил он по шлему
И до забрала шлем его рассек.
На землю брызнул мозг, – убит на месте
Соранский вождь, могучий Пинабель,
Удар Тьедри окончил поединок…
«Вот Божий суд! – воскликнули французы. —
Повесить надо графа Ганелона,
А вместе с ним и родичей его!»
– Аой!

287

Тогда подходит к Карлу победитель
И вслед за ним могучие бароны:
Немон, Оджьер, Джефрейт, Вильгельм де Бле…
Могучий Карл Тьедри любовно обнял,
И со щеки он вытер кровь его
Собольей шубой: франкские бароны
Другую шубу Карлу принесли,
С Тьедри доспехи сняли осторожно,
И, посадив вождя Тьедри на мула,
Они его, ликуя, отвезли
В престольный Ахен. Графа Ганелона
И родичей его настала казнь.

288

Могучий Карл спросил своих баронов:
«Что делать нам с заложниками? Ныне
Их Пинабель мне дал, за Ганелона
Они порукой были». – «Пусть умрут!» —
Воскликнули французские бароны.
Тогда король велел позвать Басбруна
(То был палач): «Заложников повесить,
Не медля, там, на дереве проклятом! —
Сказал король. – И если хоть один
Избегнет казни, – я брадой своею
Тебе клянусь, что будешь ты казнен!»
«Исполню все!» – сказал палач на это:
Он сотню слуг позвал себе на помощь,
И все они заложников схватили…
Все тридцать там на дереве повисли…
Изменник так всегда себя погубит,
Погубит всех: и близких и друзей!
– Аой!

.....

290

Когда свой суд окончил император,
Велел позвать епископов французских,
Епископов баварских, аллеманских
И молвил им: «Есть пленница у нас,
Ее здесь долго вере поучали:
Она креститься хочет. Вас прошу я
Свершить обряд, чтоб душу спас Господь».
«Ты восприемниц ей назначь знатнейших
Из дам своих придворных», – отвечали
Ему на то епископы. Тогда
Народ толпой пришел в престольный Ахен,
И в тех водах чудесных окрестили
Испанскую царицу Юлианой.
Не по нужде, вполне по доброй воле,

Закон Христа познала Брамимонда.

291

Окончил суд могучий император,
Печаль и гнев великий облегчил.
Им крещена царица Брамимонда.
Проходит день, сгустился мрак ночной,
Заснул король в своей опочивальне.
И вдруг к нему явился Гавриил:
«Зови, король, скорей свои дружины, —
Так молвил он, – велит тебе Господь,
Чтоб в Бирскую страну ты шел, не медля,
Спеши туда на помощь Вивиану.
Его столицу Иф в осаде держат
Несметные дружины сарацин.
Тебя зовут напрасно христиане!»
Не хочет Карл идти и молвит он:
«О Боже, жизнь моя полна мучений!» —
Рыдает Карл, рвет бороду седую…
.....
Здесь прерваны Турольдовы «сказанья».

Вопросы и задания

1. Объясни значение характеристик, данных Ганелону повествователем.

2. Объясни поведение Ганелона, подкрепляя это объяснение текстом произведения.

3. Дай сопоставительную характеристику Роланда и Оливьера.

5. Охарактеризуй идейную и композиционную роль образа Турпина. Объясни идейное значение образа Карла и его сна в произведении.

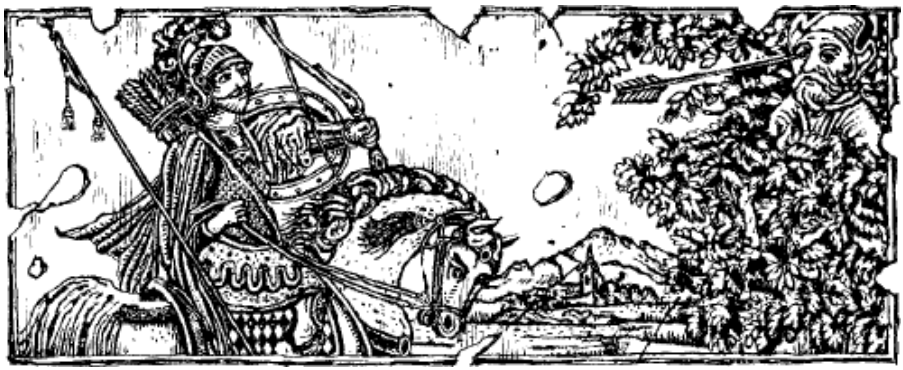
6. Найди в тексте описания оружия рыцарей и объясни роль этих описаний в произведении.

7. Какими художественными средствами в произведении создается отрицательное отношение к маврам?

8. Почему в Божьем суде не принимает участия сам Ганелон? Какова идейная роль Пинабеля в произведении?

9. Самостоятельно подготовь пересказ эпизода Божьего суда.

Русские былины



На Руси тоже существовал героический эпос. Он складывался на протяжении довольно длительного времени, начиная с IX и по XIII век. После этого новые произведения героического эпоса уже не создаются, но продолжают исполняться певцами-сказителями в последующие времена. Героический эпос в художественной форме утверждал народный идеал, общенародные ценности. В нем содержались примеры того, как следует и как не следует действовать в различных ситуациях.

В русском устном народном поэтическом творчестве героический эпос проявился в жанре былины. *Былина* – это героическая песнь, повествующая о подвигах богатырей. Чаще всего герои былин выступают защитниками своего народа от внешних врагов, нередко представленных в полуфантастических образах (Соловей-разбойник, Змей Тугарин, Идолище Поганое).

В более древних былинах можно обнаружить отголоски славянских мифов. Например, в былинах о Вольхе Всеславьевиче герой-богатырь превращается в зверей и птиц. Образ Святогора-богатыря, несомненно, связан с представлениями древних русичей о горных великанах.

Более поздними считаются былины Киевского цикла, рассказывающие о богатырях, служащих князю Владимиру Красное Солнышко. Именно в этом цикле появляются знакомые тебе с детства защитники земли Русской: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. Главная тема былин Киевского цикла – оборона русских земель и русского народа от степных кочевников. Но здесь же встречаются былины о жестокости и неблагодарности киевского князя.

Существует еще один интересный цикл былин, названный Новгородским, поскольку действие так или иначе оказывается

связанным с северным русским городом-республикой Новгородом. Здесь же появляются любимые народом образы Ставра Годиновича, гусляра Садко, буйного молодца Василия Буслаева.

Во всех былинах используются общие приемы повествования. В них звучат былинные запевы, традиционные описания сборов богатыря в дорогу, традиционные обращения к друзьям и противникам. Широко употреблялись в былинах постоянные эпитеты (добрый молодец, сыра земля, красна девица, боский конь и др.) и гиперболы – художественные преувеличения (например, после вражеского удара богатырь по колено уходит в землю).

Поскольку былины сохранялись в памяти многочисленных певцов, для удобства запоминания в них вводились *«общие места»* (одинаковые описания, похожие характеристики героев) и *повторы.* Используются в былинах и яркие языковые средства для создания зримой, воздействующей на чувства слушателей картины. Ритм русских былин всегда плавный, напевный, без резких переходов. Это связано с особенностями их исполнения: былины пелись, часто под аккомпанемент гуслей. Содержанием былин всегда были эпические рассказы с большим количеством подробностей.

Сейчас ты познакомишься с двумя былинами. Первая из них – «Вольга и Микула Селянинович». Вольга (Вольх) очень древний эпический герой, наделенный мифологическими чертами. А сопоставляется с этим героем простой русский крестьянин.

> *Читая былину, поразмысли, для чего дано это сопоставление и кто из персонажей былины наиболее полно выражает народный идеал.*

Вторая былина – «Илья Муромец и Соловей-разбойник». В ней повествуется об одном из подвигов знаменитого русского богатыря.

> *Обрати внимание, как создается характер народного героя. Выдели былинные черты, о которых я рассказал тебе, и покажи, как они используются в этом произведении.*

Вольга и Микула Селянинович

Когда вставало солнце красное
А на то на небушко на ясное,
Зарождался тут молодой Вольга Всеславьевич.

Стал Вольга растеть-матереть[65],
Учился Вольга да всяким премудростям:
Серым волком рыскать во темных лесах,
Щукой-рыбою да нырять во синих морях.
Собирал Вольга дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцов да без единого,
Сам Вольга да во тридцатыих.
Как пожаловал его да родной дядюшка,
Солнышко Владимир стольнокиевский,
Он тремя городам со крестьянами.
Как в одну по́рушку да в одно времечко
Отправляется Вольга Святославьевич
Со своей дружинушкою хороброю
К тем городам за получкою.
Первый город был да Гурьевиц.
А другой город – Ореховец.
А поехали да в путь-дороженьку,
Ехали-поехали да по чисту полю,
Слышат – в полюшке да оратай орёт[66],
Сошка кленовенька поскрипывает,
А омешики[67] по камешкам пощёлкивают.
Они едут целый день с утра до вечера,
А не могут до оратаюшки доехати.
Слышат – сошка кленовая поскрипывает,
Омешки по камешкам пощелкивают,
А оратай на лошадку покрикивает.
И второй они едут день до вечера
И не могут оратая доехати.
И третий день едут до пабедья[68],
Тут видят – оратай орет во чистом поле;
У оратая кобылка соловая,
У оратая сошка кленовая,
А омешки у сошки серебряные,
А пригужочки у сошки шелковые.
Говорит Вольга да таковы слова:
«Бог те помощь, оратай-оратаюшка,
Орать да пахать да крестьянствовать».
Говорит оратай таково слово:
«Те спасибо, Вольга Всеславьевич,
Мне божья помощь да надобна
Пахать да орать да крестьянствовати.
А скажи-тка, удалый добрый молодец,
Куда едете, куда вы путь держите
Со своей дружинушкой хороброю?»

Говорит Вольга да таковы слова:
«Мне пожаловал да родной дядюшка
Владимир – князь да стольнокиевский
Мне три города да со крестьянами,
И я еду к городам да за получкою».
Говорит оратай-оратаюшка:
«А я был в городе только третьего дня,
Там живут мужички все разбойнички,
А разбойнички все подорожнички,
А с ножами стоят да край дороженьки,
Собирают гроши да подорожные;
Я им дал гроши да подорожные:
Как кто стоя стоит, так тот сидя сидит,
А кто сидя сидит, так тот лежа лежит.
И уехал от них, не простивши, я.
И увез я соли ровно три меха[69].
Я три меха да по сорок пуд
На своей на кобылке соловенькой».
Говорит Вольга Святославьевич:
«Ай же ты, оратай-оратаюшка,
А поедем-ка с нами во товарищах».
Говорит оратай-оратаюшка:
«Не срамись, удалый добрый молодец.
У тебя есть дружинушка хоробрая,
А не мало не много – три десяточка».
Стал просить Вольга Святославьевич:
«Ай же ты, оратай-оратаюшка,
Ай дружинушка моя все молодая.
А молодая вся ненадежная».
Оратай-оратаюшка соглашается,
В путь-дороженьку с ними отправляется:
Он шелковые гужики[70] повыстегнул
И кобылку из сошки повыдернул.
Сели на добрых коней, поехали,
Ехали-поехали по чистому полю.
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же ты, Вольга Святославьевич,
Я кобылку из сошки повыдернул
Да шелковы-то гужики повыстегнул.
А оставил сошку в бороздочке[71];
Ты пошли-тка дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с борозды повыдернуть,
А из омешков земельку повытряхнуть,
А и бросить бы сошку за ракитов куст,

А не для ради прохожего-проезжего,
А ради мужика да деревенщины».
Посылает Вольга Святославьевич
Из своей дружинушки хороброей
Пять молодцов да что й не лучшиих,
Чтобы сошку с бороздочки повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Да и бросить бы сошку за ракитов куст.
Эти удалы добры молодцы
Как сошку кленову вокруг вертят,
А не могут сошку от земли поднять,
С тем обратно возвращаются,
А Вольге Всеславьевичу да извиняются,
Что не могли мы сошки от земли поднять.
Тут Вольга Святославьевич
Из дружинушки отправляет целым десяточком.
Приезжают удалы добры молодцы,
Они сошку обжи[72] вертят,
А не могут сошки от земли поднять.
К Вольге Всеславьевичу возвращаются,
Перед ним много извиняются:
«Не могли мы сошки от земли поднять».
Тут Вольга Всеславьевич
Посылает всю дружину хоробрую.
Приезжают добры молодцы,
Тридцать молодцов без единого,
Они сошку за обжи вертят,
А не могут сошки от земли отнять.
Они к Вольге обратно возвращаются,
За свою удачу сознаваются:
«А не могли мы сошки от земли поднять».
Говорит Микула Селянинович:
«А стар мошник[73], верно, наварны щи,
А молоды черятки[74], да черви в них,
Поедем-ка, Вольга Святославьевич,
Уберем мы сошку кленовую».
Приехали к сошке кленовоей;
Говорит Микула Селянинович:
«Ай же ты, Вольга Святославьевич,
Поднимай-ка сошку кленовую».
Как опускался Вольга да Святославьевич,
А он брался за сошку кленовую
Всей он силушкой да молодецкою —
Резвы ноженьки да подломилися,

Очи ясные его да помутилися,
А упал Вольга да на сыру землю;
Говорит Вольга да таковы слова:
«Ай же ты, оратай да оратаюшка,
Да много я по свету езживал,
А такого чуда я не видывал.
Рыбой-щукою ходил я во синих морях.
Серым волком рыскал я во тёмных лесах —
Не научился этой я премудрости:
Орать-пахать да я крестьянствовать».
Тут берет оратай-оратаюшка
Добра молодца за желты кудри,
А садил его да на добра коня,
Сам берет он сошку да одной рукой.
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешков земельку повытряхнул,
И он бросил сошку во ракитов куст,
Сам садился на кобылку соловую,
И поехали они да дальше в путь-дороженьку.
Оратаюшки кобылка шагом идет,
А Вольгин-то конь поскакивает,
Оратаева кобылка рысью пошла,
А Вольгин-то конь оставается.
Говорит Вольга да таковы слова:
«Ай же ты, оратай-оратаюшка,
Эта бы кобылка коньком бы была,
Я дал бы за конька да пятьсот рублей».
Говорит оратай-оратаюшка:
«А я взял кобылку жеребчиком с-под матушки,
Заплатил за жеребеночка пятьсот рублей,
А теперь не возьму и две тысячи;
А эта бы кобылка коньком бы была,
Так этому коню цены бы не было».
Они ехали-поехали по чистому полю,
Как назад они да ворочают —
А те дружинушки так и с виду нет.
Говорит Вольга Святославьевич:
«Ай же ты, оратай-оратаюшка,
А вперед-то нам да чтобы знакомым быть,
Как узнать-то у вас имя-отчество,
И как зовут тебя по имечку?
И как величают по отечеству?»
Говорит оратай-оратаюшка:
«А я как ржи напашу да во скирды сложу,

Домой выволочу да дома вымолочу,
И я драни[75] надеру да и пива наварю,
Пива наварю да мужичков созову,
Мужичков созову да и допьяна напою,
Тут станут мужички меня здравствовати:
«Уж ты здравствуешь, *Микула Селянинович*».
А на том былина и покончилась.

Вопросы и задания

1. Почему самыми древними считаются повествования о герое-богатыре Вольхе (Вольге)?

2. Какие эпизоды в былине повторяются? Как называется такой прием, характерный для многих жанров устного народного творчества?

3. Найди в былине зачин. Объясни его роль в повествовании.

4. Зачем в былине использован прием ретардации (намеренного замедления развития действия)?

5. Выпиши постоянные эпитеты, которые встретились тебе в этой былине. Какие из них были тебе ранее не известны?

6. Вспомни приемы, основанные на образном употреблении слова. Приведи примеры.

7. Как былинным ритмом повествования подчеркивается любовь к русской земле?

8. Кто является главным героем этой былины? Обоснуй свое мнение.

9. Перескажи понравившийся тебе эпизод, сохраняя приемы повествования.

Илья Муромец и Соловей-Разбойник

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец;
Он стоял заутреню[76] во Муроме,
А й к обеденке[77] поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да подъехал он ко славному ко городу к Чернигову;
У того ли города Чернигова

Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна во́рона;
Так пехотою никто тут не прохаживает,
На добром коне никто тут не проезживает,
Птица черный ворон не пролетывает,
Серый зверь да не прорыскивает;
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
Ай побил он эту силу всю великую!
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужики да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою[78].
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«Ай же, мужики да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою,
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела[79],
Закол одела дорожка, замуравела[80],
Ай по той ли по дорожке прямоезжей
Да пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал:
Как у той ли то у Грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя[81],
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова[82].
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник, Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей – то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой – пятьсот есть верст,
Ай окольноей дорожкой – цела тысяча».
Он спустил добра коня да й богатырского,

Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на́ гору стал перескакивать,
С холмы на́ холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал;
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черноей,
Да ко той ли ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонялися.
Его добрый конь да богатырский —
А он на́ корзни да спотыкается;
Ай как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу́ руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хочешь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?»
А й тут старый казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковую натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал.
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею[83],
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку
булатному.
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимые.
Больша дочка – эта смотрит во окошечко
косящато,
Говорит она да таковы слова:

«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его другá дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшка раздольицем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные
Да бегите-ка в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы поите его питьицем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные!»
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.

Ай Владимир-князь он вышел из Божьей церкви,
Он прошел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Приходил он во столовую во горенку,
На пяту[84] он дверь-то поразмахивал,
Крест-то клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все три, на четыре на сторонки низко
кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенны им[85].
Тут Владимир-князь стал молодца
выспрашивать:
«Ты скажи-ко, ты откулешний[86], дородный
добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отечеству!»
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный
Киев-град?»
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай ты, славный Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный
Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу да покляпую,

Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься[87],
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —
То пехотою[88] никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
Ай у той ли у березы у покляпои,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному.
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоем дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорошенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
Тут он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил-то он на свой широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ко, собака, по-звериному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу то я послушати».
Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ко засвистать ты Соловью

да по-соловьему,
Прикажи-ко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-ко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-ко ты во полкрика звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста саха́рные,
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина, —
Мои раночки кровавы поразо́йдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
«Ты Владимир князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина.
Ты не малую стопу – да полтора ведра,
Поднеси-ка Соловью-разбойнику».
Тут Владимир князь да стольнокиевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному, —
Маковки на теремах покривились,
А околенки во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
Что есть людюшек, так все мертвы лежат,
А Владимир князь стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,

И он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодыих.
Тебе полно-тко спущать сиротать малых детушек!»
А тут Соловью ему и славу поют,
Ай славу поют ему век по веку!

Вопросы и задания

1. Какие черты народного идеала воплотились в образе Ильи Муромца?

2. Почему Илья Муромец отказывался стать черниговским воеводой, зачем он стремится в стольный Киев-град?

3. Как проявляются характеры Ильи Муромца и князя Владимира в их диалоге?

4. Каким общим мотивом связываются события, происходящие с Ильей у города Чернигова, у речки Смородины и в Киеве?

5. Найди в былине поэтические повторы.

6. Приведи примеры гипербол, встречающихся в былине.

7. Какой художественный прием в былине используется для того, чтобы показать силу свиста Соловья-разбойника?

8. Выпиши наиболее понравившиеся тебе эпитеты.

9. Подготовь выразительное чтение былины.

10. Нарисуй портрет Соловья-разбойника.

В мастерской художника слова
Русские сказители

Задумывался ли ты, как велика роль многочисленных русских певцов-сказителей в том, что былины, которые начали складываться еще в давние времена, сохранились до наших дней, не утратив своей поэтической красоты? А ведь записывать их начали, по существу, лишь в XVIII веке. Творчество сказителей – подлинное волшебство, которое ты можешь представить себе лишь с помощью своей фантазии. Мы сейчас знакомимся с былинами, но ведь былина – не просто жанр устного поэтического творчества, это жанр песенный. Былины исполнялись нараспев, часто в сопровождении гусельного аккомпанемента. Былины передавались от одного певца другому, часто от отца к сыну. Запомнить множество различных былин, подчас довольно больших по объему, было далеко не просто. Сказитель стремился запомнить сюжет понравившейся ему былины и ее наиболее важные эпизоды. Для соединения этих эпизодов в его распоряжении было несколько текстов, которые легко включались в любую былину (такие универсальные тексты называются клише). Читая различные былины, ты наверняка обратишь внимание на то, как похожи в них описания пиров, сборов богатыря в дорогу… У каждого сказителя были свои, особенно любимые клише, которые он использовал не только в различных былинах, но нередко повторял и на протяжении одной былины.

Сказителем мог стать лишь человек, который чутко улавливал особенности поэтического слова, поэтому все певцы очень хорошо чувствовали, как создается художественная образность былин. Главное изобразительно-выразительное средство былины – *эпитет,* причем эпитет постоянный, повторяющийся во всех былинах в разные исторические периоды ее существования. Конь в былинах всегда «богатырский», молодец – «добрый», сабля – «острая» и т. п. Отношение сказителя к персонажу передавалось с помощью уменьшительно-ласкательных или уничижительных суффиксов. Одного из самых любимых русских богатырей называют Ильюшенькой, а его противника Идолищем, да еще добавляя к нему эпитет «поганое». Так же как и в сказках, в былинах часто используется гипербола: у богатырей палицы «в сорок пуд», а соху Микулы не может поднять с земли вся дружина Вольги, в одиночку богатырь способен разметать целое вражеское войско…

Каждый сказитель, исполняя былину, вкладывал в нее

частичку своей души. Это проявлялось не только в интонациях, тембре голоса, манере повествования, но и в том, как он стремился «улучшить» былину, внося в нее какие-то изменения. Певец выбрасывал устаревшие или непонятные ему слова, заменяя их другими, иногда переносил эпизоды из одной былины в другую, умножая подвиги богатыря или разворачивая его характеристику. Сказитель внимательно следил за реакцией своих слушателей, поэтому сразу же чувствовал, какие из его изменений удачны, а какие не принимаются. В этом заключался процесс «коллективного творчества», в результате которого рождалось художественно законченное произведение устного народного творчества.

Сокровища книжных полок

Народный эпос – это подлинный кладезь удивительных поэтических образов и увлекательных приключений. Но самая важная особенность – это характеры народных героев, разнообразные, но всегда привлекательные. Вчитавшись и почувствовав прелесть народной эпической поэзии, уже трудно удержаться от желания читать все новые и новые произведения.

Обрати внимание на несколько превосходных сборников былин. В них ты найдешь былины, в которых воспеваются сила, мудрость и подвиги русских богатырей: Ильи Муромца («Три поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец и Калин-царь»), Добрыни («Добрыня и змей»), Алеши Поповича («Алеша Попович и Тугарин»). А также встретишь былины, повествующие и о других русских богатырях: Вольхе Всеславиче, Святогоре; о богатом новгородском купце Садко, побывавшем на дне у самогó Морского царя.

Предметом изображения ряда былин стали реальные исторические события: отражение нападений на святую Русь, защита родины от нашествия монголо-татар («Илья Муромец и Идолище»), Ливонского ордена («Наезд литовцев»).

Среди множества памятников русского эпоса ты обнаружишь былины, по своему сюжету напоминающие сказки. Богатыри, пытая долю, противостоят силам зла, благодаря доблести и смекалке одерживают победу, предвосхищают вражеские козни, тем самым заслуживая славу и почести. Таковы былины «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и Маринка», «Ставр Годинович».

Ну а если тебя заинтересовал западноевропейский эпос, я порекомендую тебе две книги.

Во-первых, «Песнь о моем Сиде» – испанский героический эпос, рассказывающий о ссоре Родриго Диаса, прозванного Сидом, со своим королем, о его борьбе с маврами и многочисленных победах над ними, о коварстве знатных принцев из Кориона и о том, как наказал их честный и мудрый Сид.

Во-вторых, книгу современного английского писателя Р. Л. Грина «Легенды о рыцарях Круглого стола». В этой книге перелагаются старинные эпические сказания о короле Артуре и рыцарях Круглого стола: Ланселоте Озерном, Ивене, рыцаре Льва, Говене, с которым ты очень скоро познакомишься, читая нашу волшебную книгу. Много приключений описал Р. Л. Грин, и в твоей воле узнать о них.

Третий урок волшебства

О связи и взаимодействии фольклора и литературы

Ты уже убедился в том, насколько активно взаимодействуют фольклор и литература. Особенно тесной связь между этими двумя видами словесного искусства была в прошлом. Совершенно очевидно, что такую поэму, как «Песнь о Роланде», должен был сложить какой-то один конкретный автор, но его имя не сохранилось, а саму «Песнь» распевали по Франции многие жонглеры (странствующие певцы). Очень не просто ответить на вопрос, фольклорное или литературное произведение «Песнь о Роланде». Не только в период средневековья, но и в более позднее время многие авторы обращались к мифам и народным легендам, используя их в своем творчестве.

Что же привлекает писателей в этих легендах?

Несомненно, их привлекает народный идеал, нравственная позиция героев. Уже сам факт существования легенды на протяжении длительного времени свидетельствует о значимости

ее содержания. Если угодно, фольклор сохраняет и передает от поколения к поколению наиболее ценный опыт народа, и вполне естественно желание писателей приобщиться к этому опыту.

Я уже говорил тебе, что миф возникает как попытка поэтического объяснения загадок окружающего человека мира. Таким образом, миф как бы восполняет недостаточность человеческого знания и придает картине мира известную завершенность.

Создавая легенду, сказитель также с помощью вымысла дополняет недостающие факты и добивается гармоничности и завершенности повествования.

Художественный мир фольклорных произведений различает добро и зло, правду и ложь, в нем всегда отчетливо видны патриотические идеи. А поскольку герои любят свою землю, родная земля всегда готова прийти им на помощь. Даже звери, птицы и растения оказывают им поддержку.

За время своего существования устное народное творчество разработало множество поэтических приемов, помогающих создать гармонический художественный мир. Это и *поэтические повторы,* и *постоянные эпитеты, обращения к слушателям.* Неудивительно, что писатели часто охотно используют эти же приемы. Но воспользоваться опытом народных сказителей очень не просто. В самом деле, что может сделать писатель?

Он может, например, пересказать какую-нибудь понравившуюся ему легенду или сказку. Если он перескажет ее, ничего не добавив от себя, она останется произведением устного народного творчества, а сам писатель выступит в роли одного из сказителей. Другое дело, если он попытается внести в легенду изменения и дополнения.

Вот тут-то писателя и подстерегает целый ряд опасностей. Мы уже говорили с тобой о том, что фольклорное произведение обладает гармонической замкнутостью своего художественного мира. Очень легко одним неуместным словом разрушить этот мир, внести в него фальшивую ноту. Кроме того, очень опасно проявление личного отношения автора к заключенному в фольклорном произведении народному идеалу. Фольклорное произведение может быть использовано писателем лишь в том случае, если он безоговорочно разделяет заключенный в произведении народный идеал.

Что же остается писателю? О, поверь мне, очень многое!

Хороший писатель, знающий и любящий фольклор, может создать на его основе замечательные произведения. Вспомни уже известные тебе произведения А. С. Пушкина и Х. К. Андерсена. П. П. Бажов на основе уральских легенд создал свои сказы.

Подумай сам, ведь автор может по мотивам нескольких народных легенд создать собственную. Может написать и совершенно новую легенду, рассмотрев какие-нибудь известные ему события с позиций общенародного идеала и воспользовавшись приемами фольклора. Наконец, он может воспользоваться темами и героями народного произведения для создания произведения литературного.

Нам с тобой и предстоит сейчас знакомство с такими произведениями. На их примере мы более подробно поговорим о взаимодействии фольклора и литературы.

Мул без узды
Перевод Е. Васильевой

Ты, должно быть, обратил внимание на очень важную особенность героического эпоса: его герои, выражающие общенародный идеал, выступают в произведениях как защитники общенародного дела, а их поступки оцениваются с позиций общенародной морали. Именно эти качества и делали возможными ссылки на героический эпос как на норму поведения человека в сложных и спорных обстоятельствах. Легенды рассказывали о событиях и героях, тоже имевших общенародную значимость.

Думаю, в те периоды, когда народу угрожает опасность, когда он нуждается в мужественных защитниках, героический эпос может в полной мере удовлетворить его литературные потребности.

Но, подумай сам, ведь в жизни человека существуют не только войны, а и любовь, дружба, желание славы и личного счастья. Нет ничего постыдного в том, что человек желает счастья не только для своего народа, но и для самого себя. А между тем в героическом эпосе о личной жизни героев упоминается только вскользь. Например, в «Песни о Роланде» говорится о том, что у героя была невеста Альда, не вынесшая смерти жениха, но ничего, кроме этого, об их взаимоотношениях не известно. А ведь в мифах о богах их личным отношениям было уделено очень много внимания. Получалось так, что о частных делах богов люди узнавали больше, чем о собственных проблемах.

И вот в XII веке в европейской словесности происходят весьма серьезные изменения: в ней появляется рыцарский роман.

Я вновь попрошу тебя припомнить наш разговор об эпических жанрах, который мы вели в прошлом году. Тогда мы подробно обсудили такие жанры, как *новелла, сказка, очерк* и *басня.* Но вскользь я упомянул еще один жанр, пообещав поговорить о нем

позднее. Речь шла именно о романе. *Роман* – это эпос частной жизни человека. В этом жанре отражаются сложные и противоречивые связи человека с окружающей его действительностью. Однако в романе на первый план выступают не общественные, а личные интересы персонажа, которые могут совпадать с интересами народа, а могут и противоречить им.

История современного европейского романа начинается как раз с романа рыцарского, с которым нам предстоит познакомиться.

Рыцарский роман появился на севере Европы на территории современной французской провинции Бретань. Внешне он был похож на героический эпос средневековья: рыцарские романы вначале были только стихотворными и повествовали о героических подвигах. Но в отличие от эпических поэм роман представлял героев, борющихся за свое личное счастье, ищущих подвигов для достижения славы и благополучия. И враги в рыцарском романе – это враги не народа, а конкретного рыцаря.

Не подумай, пожалуйста, что рыцарский роман – это развлекательный жанр. Вовсе нет. В рыцарском романе ставятся очень серьезные проблемы долга и чести, любви и ненависти, предательства и верности. Но рыцарь стремится проявить благородство, доблесть и верность не потому, что этого требуют от него общенародные интересы. Соперничая с другими рыцарями, он хочет доказать свое превосходство. Наиболее известным автором рыцарских романов был Кретье́н де Труа́.

Роман «Мул без узды» написан автором, явно соперничавшим с Кретьеном, споривши м с ним. И вот перед нами встает проблема. Я уже говорил тебе, что фольклор и литература переплетаются в средневековье очень тесно. Кто автор «Мула без узды»? На первый взгляд ответить на этот вопрос очень просто, ведь сам автор называет свое имя в начале романа: Пайе́н де Мезие́р. Но дело в том, что это не имя, а выпад против Кретьена де Труа (т. е. Кретьена из Труа). Мезие́р – небольшой городок недалеко от Труа, родного города Кретьена, чье имя означает «христианин». А вот имени Пайен нет, ибо в переводе это слово означает «язычник». Итак, автор «Мула без узды», выступая против «Христианина из Труа», называет себя «Язычником из Мезиера». Но скрывается ли за этим псевдонимом один или несколько авторов, или это обработка более раннего, не дошедшего до нас текста? Вот видишь, как не просто подчас разобраться в путях развития словесности. Но что совершенно очевидно – так это связь романа с древней фольклорной традицией. Сюжет этого романа восходит к древним кельтским легендам об одном из рыцарей Круглого стола короля Артура –

Гавейне. Легенда эта называется «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». Вот она связь древних кельтских легенд с литературой «высокого средневековья»[89].

Более того, я хочу показать тебе, что было после появления «Мула без узды» в XIII веке. В XVIII веке сюжет романа используют сразу три автора: французы аббат Англе и Легран д'Осси и немецкий поэт Х. К. Виланд. Как видишь, древняя кельтская легенда продолжает жизнь и в новое время.

Популярность «Мула без узды» у современников и внимание к роману в последующие века не случайны. Этот небольшой роман обладает множеством художественных достоинств.

Во-первых, он очень изящен и соединяет редкую для рыцарских романов демократичность с изысканностью, свойственной этому жанру. Во-вторых, в нем очень хорошо разработан характер Говéна, одного из наиболее популярных рыцарей Круглого стола. В-третьих, в «Муле без узды» легко проследить те черты, которые и сделали роман одним из самых популярных жанров.

На первый взгляд Говен берется за выполнение рыцарского подвига из личных соображений: он хочет поддержать репутацию бесстрашного и сильного рыцаря. Но в результате народ, живущий вокруг замка Виллана, освобождается от власти страшных чудовищ. Личный подвиг оказывается полезным и нужным народу.

Обрати, пожалуйста, внимание на эту особенность «Мула без узды». Для романа как жанра характерно такое совпадение личных стремлений и социальной значимости их проявлений, если только персонаж не пытается добиться собственного благополучия за счет других людей.

Наконец, я должен добавить, что в «Муле без узды» автор мастерски использует прием антитезы. *Антитеза* – это художественное противопоставление характеров, обстоятельств, понятий, положений, создающее эффект резкого контраста.

> *Надеюсь, ты сам сможешь назвать, когда и как используется антитеза в этом рыцарском романе.*
>
> *Подумай и над тем, какие черты и приемы фольклора используются в «Муле без узды».*

Крестьяне часто говорят,
Что мы имеем лучший клад
В вещах, испытанных годами.
А потому должны мы сами
Свое имущество хранить.
Придет пора, – и, может быть,

Оно нам пригодится снова.
Но нынче ценят то, что ново,
Примеров старых не хотят,
Затем что кажется на взгляд
Все новое всегда прекрасней.
Однако часто безопасней
Уже испытанный пример.
И вот Пайен де Мезиер
Идти советует недаром
Путем испытанным и старым.
О том пойдет теперь рассказ,
Как ко двору Артура раз
На муле[90] девушка явилась.
Однажды в Троицу случилось,
Что собран был в Кардойле[91] двор.
Король Артур назначил сбор
Всем рыцарям отважным, знатным,
И те потоком необъятным
На зов его явились вмиг.
Вкруг королевы, как цветник,
Собрались дамы и девицы,
Все пожелавшие явиться,
Чтобы собой украсить двор,
И шел веселый разговор.
Потом наверх ушли бароны[92],
Чтоб посмотреть на луг зеленый
И на густой тенистый сад.
И из окна они глядят
На зеленеющие дали.
И вот когда они стояли,
То чрез окошко видят вдруг,
Что прямо к замку через луг
На муле крупной рысью скачет
Красавица и горько плачет;
Но странно: для такой езды
На муле вовсе нет узды,
А едет девушка свободно.
Бароны долго и бесплодно
Между собою говорят,
Толкуют, судят и рядят,
И вот приходят все к решенью:
Об этом странном приключенье
Все королеве рассказать.
«Вы, Кей[93], должны ее позвать, —

Сказал Говен, – и пригласите
С ней короля; скажите свите,
Пускай поднимутся в наш зал».
И поспешает сенешал
Вниз в королевские покои.
«У нас волнение такое, —
Он молвит, – что мы просим вас
Прийти и рассудить всех нас». —
«Что там стряслось?» – спросил сначала
Король, и вот от сенешала
Ответ он слышит: «В зале там
Я покажу картину вам,
Что нас повергла в изумленье».
А девушка через мгновенье
Остановилась под окном.
Говен навстречу ей бегом,
А вслед за ним и все бароны
Ей низко отдают поклоны,
Но было видно, что она
Тоской глубокой смущена,
Ее глаза полны печали.
Король Артур прекрасной даме
К нему приблизиться велит,
Она с поклоном говорит:
«Мне, сир[94], вам объяснять не надо,
Что в сердце у меня досада,
Печаль моя и так видна.
Могу ли я не быть грустна,
Пока назад мне не вернули
Уздечку, что была на муле?
Я с ней утратила покой.
Но, может быть, здесь есть такой
Великодушный к горю рыцарь,
Который сам не побоится
Уладить горькую беду;
А если он найдет узду,
То я его с любовью встречу
И буду без противоречий
Его покорною женой.
И, если сыщется такой,
Пускай на мула он садится,
Пускай не медля в путь стремится.
Мул к замку приведет его,
Но не добьется ничего

Он в замке мирными путями».
Тут Кей, склонясь, промолвил даме,
Что он поедет за уздой
В какой угодно край чужой;
Пусть только поцелует дама
Его – и он поедет прямо.
И хочет Кей ее обнять.
«Нет, – говорит она, – вам дать
Не соглашусь я поцелуя,
Пока узды не получу я;
Но привезете вы узду —
Тогда на все для вас пойду
И вам отдам я во владенье
Себя и все мое именье».
И должен Кей был отойти.
Она ж велит ему в пути,
Не опасаясь заблудиться,
Во всем на мула положиться.
И вот решает сенешал
Покинуть королевский зал.
Тотчас же – драгоценно время! —
Он продевает ногу в стремя
И шпоры мулу отдает.
И видят все, как он вперед
Поехал быстро, одинокий,
Лишь меч на поясе широкий.
А девушка дрожит от слез;
Она не верит, чтоб привез
Уздечку рыцарь ей обратно.
Не слышит Кей мольбы невнятной,
И быстро едет он вперед,
А мул уверенно идет
Дорогой хорошо знакомой,
Как будто направляясь к дому.
И долго шел долиной мул,
Но, наконец, он в лес свернул —
Большой, таинственный, дремучий.
Дорога становилась круче.
И вдруг из чащи, из кустов
Идет толпа ужасных львов,
И леопарды, и тигрицы,
И это все зверье стремится
Туда, где рыцаря шел путь,
И некуда ему свернуть.

Ему зверями – так их много! —
Совсем загражден дорога,
И рыцаря объемлет страх.
Звон поднялся в его углах,
Судьбу клянет он, что велела
Ему за это взяться дело, —
Из-за него ведь сенешал
В дремучий лес к зверям попал.
Но звери из почтенья к даме
Упали на колени сами
Пред мулом, что ее носил
И неизменно ей служил.
Зверей коленопреклоненье
Являло к даме уваженье,
И по опасному пути
Спокойно может мул пройти:
Так уважают даму звери.
Но Кей едва спасенью верит.
И хочется ему скорей
Убраться ото всех зверей.
Уходят звери всей толпою,
Кей едет узкою тропою,
Которой мул его понес;
Вокруг кустарник дикий рос,
Но это все не отпугнуло
Знакомого с тропинкой мула,
И выбрался из леса он,
Где Кей зверями был смущен.
Лесная кончилась дорога;
Проехал дальше он немного,
И вот ущелье перед ним
Открылось черное, как дым,
И сенешалу стало ясно,
Что путь здесь предстоит опасный,
И вряд ли в мире кто-нибудь,
Свершая этот страшный путь,
Не размышлял о смерти грозной.
Но отступать уж было поздно,
В ущелье должен он войти,
Иного больше нет пути.
И вот, от страха цепенея,
Он едет вниз и видит: змеи,
Тарантулы и пауки,
Ужей огромные клубки,

И, потрясая головами,
Все гады извергают пламя.
И страхом рыцарь был объят,
Но был всего ужасней смрад,
Что испускали эти гады.
Столь отвратительную падаль
Впервые видел сенешал,
И хорошо, что не упал
Он от зловония на месте.
Он думает: с зверями вместе
В лесу остаться б я был рад:
Ведь здесь невыносимый смрад!
Здесь в глубине ущелья смрадной
Зимы дыханье безотрадной,
Здесь посреди ужасной тьмы
Царит ненастие зимы,
Здесь никогда не будет зноя,
Здесь ветер, непрестанно воя,
Несет в дыхании зиму, —
И прямо в грудь летит ему
Зловоньем напоенный ветер.
Не знаю, кто и где бы встретил
Так много мерзости зараз.
И вот, не поднимая глаз,
Проехал он через ущелье —
И на душе опять веселье.
Пред ним зеленый ровный луг,
И душу отпустил испуг;
Он знает, что уже не надо
Бояться умереть от смрада;
Вокруг и чисто и светло.
Снимает с мула он седло,
Чтоб дать для отдыха свободу.
И на лугу он видит воду —
Глубокий, старый водоем.
Все небо отражалось в нем,
А над его водою чистой
Боярышник расцвел душистый,
А средь травы росли цветы.
Отводит мула он в кусты,
Чтоб дать воды ему напиться,
И сам, желая прохладиться
(Так водоем его влечет!),
Из горсти жадно воду пьет.

Затем он мула вновь седлает,
И ровной рысью мул шагает.
Еще не кончен трудный путь,
Еще не скоро отдохнуть
Удастся им, достигнув цели.
Но к вечеру они успели
Доехать до большой реки.
Не переброшено доски
Через бунтующие волны,
И ищет Кей, тревоги полный,
Желанной переправы след.
Но ни моста, ни лодки нет.
И, грустно берег объезжая,
Он увидал, что небольшая
Лежит доска. Он перейдет
По ней, коли ступить дерзнет.
Хотя доска была железной,
Но перейти над черной бездной
У рыцаря не хватит сил.
И вот тогда он рассудил,
Что лучше, если он вернется, —
Иначе умереть придется;
Нет, он вернуться принужден.
«Черт побери, – промолвил он, —
Идти чрез узкую дощечку
Из-за какой-то там уздечки
И так погибнуть ни к чему!..»
Опасной кажется ему
Уже пройденная дорога,
Зато опаснее намного
Чрез эту реку переход.
Нет, лучше он назад пойдет.
И повернул обратно рыцарь
И тою же дорогой мчится,
Какой вперед проехал он.
И вот опять со всех сторон
Зловонные клокочут гады;
Но через эти клубы смрада
Кей быстро едет напролом,
И ноет тело все потом
От боли, как укус, колючей.
Вот Кей въезжает в лес дремучий,
Где звери дикие живут;
И все они к нему идут:

Его едва лишь увидали —
Они б его тотчас пожрали, —
Я глубоко уверен в том, —
Когда бы не был мул при нем,
Которого они любили.
Сам рыцарь был в таком бессилье,
Что отказаться был готов
Он многих сотен городов,
От всяких Павии[95] сокровищ —
Прорваться б только сквозь чудовищ!
Но вот на луг, где был дворец,
Он выезжает наконец.
Король, увидя сенешала,
Сам подошел к окошку зала,
А с ним Говен, мессир[96] Жирфлет,
Мессир Ивен и Геэрьет[97]
И много прочих знаменитых
Баронов королевской свиты.
Как только прибыл сенешал,
Король за девушкой послал.
«Спешите, – говорят бароны, —
Въезжает Кей на луг зеленый,
И за обещанную мзду[98]
Он вашу вам отдаст узду».
Но нет узды, бароны лгали,
И говорит она в печали:
«Так скоро он не мог домой
Вернуться с до́бытой уздой».
И рвет волос кудрявых пряди…
И, видя столько мук во взгляде,
Кто б вместе с ней не зарыдал?
«О, если б Бог мне смерть послал!» —
Она, рыдая, восклицает.
Говен с улыбкой заявляет:
«Прошу подарка я у вас». —
«Какого же, мессир?» – «Сейчас
Слова мои должны вы слушать,
Не плакать, постараться кушать,
Я вашу разрешу беду
И привезу для вас узду». —
«О, неужели, милый рыцарь,
Моя узда мне возвратится?» —
«Даю вам слово». – «Ну, и вам
При всех я обещанье дам

И есть, и спать, и улыбаться».
И тут Говен ей начал клясться,
Что он, не побоясь преград,
Узду ей привезет назад.
Тогда красавица сбежала
По лестнице до входа зала,
Где мул стоял. А Кей домой
Отправился, скорбя душой,
Тревожный, скучный и понурый.
В немилость короля Артура
Он сразу впал, как только весть
Дошла до короля, что честь
Он запятнал позорным делом:
К двору являться уж не смел он.
Рассказ окончен мой о нем.
Теперь я расскажу о том,
Как девушка с Говеном вместе
О радостной сказала вести
И королю и всем, кто был,
О том, что сам Говен решил
Искать уздечку неотступно,
Какой бы замок неприступный
Ее ревниво ни хранил,
Когда б король его пустил.
Король промолвил: «Пусть он едет».
Она ж уверена в победе
И просит рыцаря не ждать.
Но он ее поцеловать
Хоть раз хотел бы пред дорогой.
Ужель такой награды много?
Она, не опуская глаз,
Сама целует в этот раз;
Ей говорит ее сердечко,
Что возвратится к ней уздечка,
Что сможет он ее найти.
Недолго к мулу подойти
И в стремена вскочить Говену;
А девушка вослед смиренно
Молитвы долгие творит:
Пускай Господь его хранит.
Говен уже не медлит боле,
Он на пути в открытом поле
И не забыл взять меч с собой.
Он проезжает луг большой,

Ведущий в лес, где звери злые
Живут как псы сторожевые.
И львы и тигры всей толпой
Выходят перед той тропой,
Которая ведет Говена.
Казалось, гибель несомненна,
Но мул давно зверям знаком,
И вот, удостоверясь в том,
Они упали на колена,
Толпой приветствуя Говена
Во имя дружбы и любви.
(Говен! Ты добрый знак лови,
Уверен будь в своей победе:
Ты за уздой недаром едешь!)
Говен же догадался вдруг,
Что Кей здесь испытал испуг
И что из страха пред зверями
Он мог нарушить слово даме.
Говен смеется. Снова мул
На ту дорогу повернул,
Которой им проехать надо
Чрез пропасть ужаса и смрада.
Но рыцарь едет все быстрей,
Он вовсе не боится змей,
И вот приводит путь знакомый
Его и мула к водоему.
Там было чисто и светло.
Снимает с мула он седло,
Но даже здесь был отдых кратким —
Вперед он едет без оглядки,
Нигде не хочет отдохнуть.
Итак, Говен проделал путь
К реке, чьи воды черны, яры,
Чей бег стремительней Луары[99].
Таких ужасных, злобных рек
Не знает в мире человек.
Она была столь безобразной,
Что я скажу вам без боязни,
Что так черна и глубока
Одна лишь адская река,
И сразу видно: в ней был дьявол,
Хотя он поверху не плавал.
И перейти нельзя реки.
Говен доехал до доски,

Лежавшей над ужасной бездной.
Досочка та была железной,
Но все ж она ему страшна:
Уж очень узкая она.
И вновь он понимает ясно,
Что Кей на этот путь опасный
Никак осмелиться не мог.
Но для Говена помощь – Бог.
И, управляя ловко мулом,
Его на доску повернул он.
Но до того была узка
Для мула с рыцарем доска,
Что над водой висели ноги;
И сердце рыцаря в тревоге:
Вот, выгибаясь от копыт,
Доска трясется и дрожит.
И в переезде этом, право,
Говену много мул помог:
Он без него б упал в поток.
Но в этот раз была удача,
И он поспешно дальше скачет,
Своей обласканный судьбой,
Он едет узенькой тропой,
Его ведущей прямо к замку,
Как будто вставленному в рамку
Благоухающих садов.
Вкруг замка был широкий ров,
Весь до краев водой налитый,
Служа надежною защитой.
И этот ров был окружен
Шестами с четырех сторон[100],
А каждый шест был очень страшен:
Он головою был украшен,
Всего один лишь был пустой.
Говен не оробел душой.
Но как войти? Хоть нет затвора,
Но замок так вертелся скоро,
Как будто мельница в ходу
Или волчок на поводу
Веревки на потеху детям.
Хотел бы въехать он, но этим
Вращеньем замка поражен,
Его откладывает он
И размышляет: «Что за чудо?»

Но нет ответа ниоткуда.
Наверно, был ответ не прост.
И, въехав на подъемный мост,
Говен стоит пред воротами,
И слово, данное им даме,
Отвагу пробуждает в нем:
Пусть замок вертится кругом,
Говен теперь совсем уверен,
Что чрез его проникнет двери.
Но только лишь стена, где вход,
К нему, вращаясь, подойдет,
Как в тот же миг она отходит,
Свой острый взгляд на этом входе
Остановил Говен и ждет,
Чтобы проникнуть в глубь ворот,
А дальше не его забота.
И лишь приблизились ворота,
Он мула сильно подстегнул,
И проскочил в ворота мул;
Но, проходя под воротами,
Брыкнул он задними ногами,
И половина от хвоста
Висеть осталась в воротах.
Проезд их все же был удачен.
И мул, неся Говена, скачет
Вперед по улицам пустым,
Где никого не видно им:
Ни войск, ни женщин, ни ребенка.
Стучат копыта мула звонко;
Весь замок спит иль пусто в нем.
Говен увидел чей-то дом
И мула привязал под крышей;
И смотрит рыцарь: быстро вышел
Какой-то карлик, шляпу снял
И, поклонясь, ему сказал:
«Добро пожаловать, мой рыцарь!»
Говен с ним хочет объясниться
И отвечает на привет:
«Мой милый карлик, дай ответ —
Кто господа твои, кто дама?»
Но карлик замолчал упрямо,
Скорей спеша уйти вперед.
Говен никак не разберет,
Зачем ушел так торопливо

И молча карлик неучтивый:
Не нужно ли его схватить,
Его заставить говорить?
Но почему-то недвижимым
Остался он, и карлик мимо
Прошел, а рыцарь увидал
Под домом каменный подвал,
Лежащий под землей глубоко.
И вот в одно мгновенье ока
В душе решается Говен
Вперед через ограду стен
Пройти во что бы то ни стало.
Но тут он видит: из подвала
Виллан[101] оборванный глядит,
Он волосами весь покрыт.
Его увидя, не на шутку
Лишиться можно бы рассудка.
Он выше, чем густая ель,
Он выше, чем святой Марсель[102].
Висит, как будто у злодея,
Топор отточенный на шее.
Вилланом очень поражен,
Глядит Говен. И сходство он
Находит с маврами в виллане
Или с крестьянами Шампани:
Они черны от солнца там.
Меж тем виллан к Говену сам
С поклоном подошел учтивым,
Сказав: «Желаю быть счастливым».
И на его ужасный вид
Говен внимательно глядит.
«Ты вправду хочешь мне удачи?» —
«Да, – тот ответил, – это значит,
Что буду я считать всегда
Отважным твой приезд сюда.
Но все ж приехал ты напрасно —
Добраться до узды опасно.
Надзор за нею ведь большой,
И вынесешь ты тяжкий бой,
Сражаясь за нее, ей-богу». —
«Брось, милый друг, свою тревогу, —
Сказал Говен, – поможет Бог!
А я скорей бы мертвым лег,
Чем отказаться от уздечки».

Не молвит больше ни словечка
В ответ на эту речь виллан.
Ночной спускается туман.
Говен уснуть с дороги хочет,
Виллан о рыцаре хлопочет,
Его в гостиницу ведет,
Оставя мула у ворот;
Несет неведомо откуда
Говену два больших сосуда
С водой для умыванья рук.
Других не видно было слуг.
И вот Говен за стол садится,
Чтобы едою подкрепиться,
И подает виллан ему,
Как господину своему.
Когда Говен окончил ужин
И больше стол ему не нужен,
Виллан опять его убрал;
Чтоб вымыть руки, воду дал,
Затем Говену стелет ложе,
Где тот заснуть спокойно может, —
Так он заботится о нем.
И говорит ему потом:
«Говен, на мягком ложе этом
Один проспишь ты до рассвета.
Но прежде, чем ты ляжешь спать,
Хотелось мне тебя позвать
Игрой друг друга позабавить.
Я о твоей наслышан славе,
Великий подвиг ты свергли,
Но только ото всей души,
А потому решай свободно!»
И тотчас рыцарь благородный
Ему согласие дает.
Он говорит ему: «Идет!
Не отступлю я. Матерь Божья,
Себя не запятнаю ложью.
Здесь ты хозяин, здесь твой дом».
И молвит тот: «Ты топором
Мне голову срубить обязан;
Ведь рыцарским ты словом связан;
А я, лишь утром возвращусь,
Твою срубить не откажусь.
Ну, принимайся же за дело».

«Идет! – Говен воскликнул смело, —
Я поступлю, как обещал,
Какой бы рок меня ни ждал,
И голову я непременно
Сейчас срублю. Тебе ж Говена
Наутро будет голова». —
«Вот превосходные слова! —
Сказал виллан. – Начнем же, рыцарь!»
И на землю виллан ложится,
И голова удара ждет.
Говен топор его берет
Немедленно, не зная страху,
И рубит голову с размаху.
Тогда виллан встает опять,
Чтоб голову свою поднять,
И сам уходит в глубь подвала.
Говен же, от пути усталый,
Ложится спать, пока рассвет
В окно не бросил первый свет.
Пора вставать, уже не рано.
И снова видит он виллана,
Как будто не был тот убит,
И на груди топор висит.
Говен глазам своим не верит,
Но нет! – виллан стоит у двери
И с головою на плечах.
Но незнаком Говену страх.
И вот виллан к нему навстречу
Подходит с ласковою речью:
«Говен, ты слово дал вчера,
Теперь твоя пришла пора». —
«Ну что ж! Я не нарушу слова;
Вот голова моя готова.
А жаль, что невозможен бой, —
Я поборолся бы с тобой.
Однако рыцарь не предатель».
И, быстро соскочив с кровати,
Говен идти за ним готов.
«Ну что ж, начнем без лишних слов».
И на бревно он, не бледнея,
Кладет, не размышляя, шею.
Виллан же на него кричит
И вытянуть ее велит.
«Как мог, так вытянул, ей-богу!

Да ты руби, не думай много».
Как было б жалко, если б он
Был тут вилланом поражен!
А тот топор уж свой подъемлет,
Не опуская вниз на землю:
Хотел он только попугать
И не желает убивать
За то, что рыцарь держит слово,
За то, что так всегда готов он
Свершить обещанное им.
И, встав, Говен толкует с ним,
Как он узду себе добудет.
«Об этом речь попозже будет, —
Сказал виллан, – а раньше ты
До наступленья темноты,
Не отдыхая, должен драться.
И надлежит тебе сражаться
Сначала с львами на цепях.
В надежных, знающих руках
Твоя уздечка, иль над нами
Пусть адское зажжется пламя.
И так ужасны эти львы,
Что не снесли бы головы
Пятнадцать рыцарей и боле,
И львов они б не побороли.
Но буду я твоим слугой.
Ты подкрепись сперва едой,
Чтобы в бою не устрашиться:
Ведь целый день ты будешь биться
И сытым должен быть вполне». —
«Нет, есть совсем не нужно мне, —
Сказал Говен, – мне только нужен
Хороший меч; я безоружен,
Достань оружье для меня». —
«Тебе я приведу коня,
Давно он на поле пасется;
Оружье для тебя найдется:
Доспехов здесь большой запас.
Но перед этим ты хоть раз
Взгляни на львов: быть может, львами,
Такими страшными зверями,
Ты будешь, рыцарь, устрашен». —
«Пускай святой Пантелион
Поможет мне, – ответил рыцарь, —

Я все равно ведь стану биться.
Скорей меня вооружи».
И стал виллан ему служить,
Доспехи на него надел он —
И шлем как для Говена сделан.
Затем приходит он с конем,
И вмиг Говен уже на нем,
Уж этот конь его не сбросит.
Меж тем виллан ему приносит
Семь нужных для него щитов;
И одного из страшных львов
Приводит к храброму Говену.
А пасть у льва покрыта пеной,
Бежит он бешено вперед,
Свирепо цепь свою грызет
И машет злобной головою.
Но вот, увидя пред собою
Говена, начинает лев
Выказывать ужасный гнев,
Трясет хвостом и землю гложет.
(Его лишь тот осилить сможет,
Кто знает, как рубить мечом.
Но тот раздавлен будет, в ком
Душа червя или козленка!)
И вот виллан ведет в сторонку
На ровную площадку льва.
Не позабыл свои слова
Говен и поднял меч высоко,
А лев разинул пасть широко,
И начался смертельный бой.
Лев лапой в ярости большой
Ударил в грудь, как можно выше,
И щит из рук Говена вышиб.
Но рядом с ним стоит виллан,
И щит другой Говену дан.
Говен берет его поспешно,
И вот теперь удар успешней.
Льва по спине он бьет мечом,
Но кожа толстая на нем,
И не рассечь ее ударом,
И меч скользнул по коже даром,
А лев, закрыв свои глаза,
Вперед несется, как гроза,
И в грудь Говена лапой метит.

И щит летит второй и третий.
Еще четыре есть щита.
«Спеши, спеши, ради Христа»,
Виллан его тревожно просит,
И рыцарь льву удар наносит,
Вонзая в глотку острый меч,
Чтоб все внутри его рассечь,
И льву уж не подняться снова.
«Теперь веди ко мне другого»,
Сказал Говен, и вот второй
Ворвался лев, косматый, злой,
И, о товарище тоскуя,
Он ярость проявил такую,
Что выбил щит он головой.
Но подает виллан другой,
Говена одобряя словом.
А лев, к борьбе всегда готовый,
Опять на рыцаря напал,
И, выбивая щит, порвал
Он на груди Говена латы.
Щит у Говена отнят пятый,
Но, продолжая тяжкий бой,
Лев выбивает и шестой.
Последний щит есть у Говена,
И гибель будто несомненна,
Коль щит отдаст на этот раз.
Но прямо между злобных глаз
Говен мечом пронзает зверя.
И вот, едва глазам он верит, —
Лев мертвый перед ним лежит.
«На этот раз уж он убит, —
Сказал Говен, – теперь ты тоже
Отдать мою уздечку можешь,
И поскорей, прошу о том». —
«Нельзя, клянусь святым отцом[103],
– Сказал виллан, – уже скорее
В твой панцирь от локтей до шеи
Нальется пурпурная кровь.
Тебе советую я вновь
Поесть и снять вооруженье,
Чтоб сил набраться для сраженья».
Говен не хочет отдыхать.
Тогда виллан ведет опять
Его чрез ряд богатых комнат, —

Проходы тайные он помнит, —
Пока не входит в зал, а в нем
Какой-то рыцарь под окном
Лежит, и кровь из ран струится.
«Добро пожаловать, мой рыцарь! —
Говену громко крикнул он. —
Я от болезни исцелен,
И твой приход сюда удачен.
Час нашей битвы предназначен,
Ведь ты, надеюсь, не труслив?» —
«Говен отступит, лишь свершив
Все, что положено судьбою», —
И рыцарь встал, готовясь к бою.
Берет кольчугу, щит и шлем…
(Однако я забыл совсем
Вам рассказать о том, что важно:
Зачем он бился так отважно,
не замечая как бы ран?
Сейчас ответ вам будет дан.
Обычай там велся жестокий,
Что, если из страны далекой
Приедет рыцарь за уздой,
Он с ним вступал сейчас же в бой,
И, никогда не уступая,
Всех в поединке побивая,
Он головы рубил врагам
И их прилаживал к шестам,
Стоявшим около ограды.
Но если б запросил пощады
Сам рыцарь замка, то и он
Был головы б своей лишен,
И новый победивший рыцарь,
Как тот, с другими стал бы биться.)
Оделись рыцари и ждут,
Пока коней им подведут.
Виллан коней ведет горячих,
И через миг уж каждый скачет,
В седло поднявшись без стремян.
И два копья тогда виллан,
Необходимые для боя,
Приносит рыцарям обоим.
У каждого на шее щит,
И каждый бой начать спешит.
Они сначала отъезжают,

Потом, столкнувшись, поднимают
Копье, чтоб поразить сильней,
И чуть не падают с коней.
И копья их совсем разбиты,
И седла сзади сильно сбиты,
И поломались стремена,
И пополам рассечена
От натиска узда из кожи,
И ни один уже не может
Сражаться на коне, и вот
Их битва на земле идет.
Закрывшись крепкими щитами
Так сильно бьют они мечами,
Что искры брызжут из щитов,
И много маленьких кусков
От их ударов отлетают.
Они в бою не уступают
Один другому ни на пядь —
Никто не хочет отступать.
Говену нестерпимо стало,
Что столько времени пропало,
И он одним ударом шлем
Рассек на рыцаре совсем
И разрубил его забрало,
И сил у рыцаря не стало,
И оземь грузно он упал;
Его собой прикрыл вассал.
Говен толкнул его и снова
Уж поднял меч, разить готовый,
Но рыцарь сам сдается в плен,
Крича: «Прости меня, Говен!
Я был безумцем, храбрый рыцарь,
Что захотел с тобой сразиться,
Но до сегодняшнего дня
Никто не побеждал меня.
Лишь ты меня сильнее, право,
За это ты стяжаешь славу.
А я-то думал, что тебе
Висеть придется на столбе,
Который все стоит, пустуя;
Ведь головы-то сам рублю я
Всем приезжающим сюда,
Чья цель – пропавшая узда, —
Их головы торчат на палках.

Мне и твоей не стало б жалко,
Но только ты меня сильней».
Говен уходит поскорей,
С себя снимает меч и латы
И говорит слуге: «Лохматый,
Пора б теперь узду отдать!» —
«С уздой придется подождать, —
Виллан в ответ сказал Говену, —
Двух змей[104] я приведу на смену.
Себя к сраженью приготовь.
Из них порой струится кровь,
И пламя в их клокочет пасти,
Но коль на них готов напасть ты,
То панцирь ты сними-ка свой;
Я принесу тебе другой,
Покрепче и из лучшей стали.
Поблизости хранится в зале
Немало шлемов, копий, лат
От тех, чьи головы торчат
Там, на шестах, у нас при входе».
И вот виллан ему находит
Кольчугу новую и шлем —
Они пришлись ему совсем.
И, крепкий щит надев на шею,
Говен кричит слуге: «Скорее
Своих чудовищ приводи!»
…А тот твердит: «До полдня надо
Тебе прикончить этих гадов,
Но только к ним ведь ни за что
Не приближается никто;
Один лишь я приставлен к змеям». —
«Ну что ж, и я тогда посмею
На них взглянуть», – Говен сказал.
Тогда немедленно вассал
За злыми гадами уходит
И в зал обеих змей приводит,
И у Говена тотчас щит
От их огня кругом горит.
Говен, отвагою пылая,
Мечом их головы пронзает, —
Об этом книги говорят[105], —
И головы долой летят.
Не знаю, что сказать об этом:
Полуденным сияло светом

На небе солнце, а в пыли
Две мертвых корчились змеи,
Разрубленные им на части.
Ему на лоб из мерзкой пасти
Попали смрадный гной и кровь.
И вот виллан уж хочет вновь
Убрать оружие из зала
(Его снимал Говен усталый),
Как вдруг к ним карлик входит в зал,
Который рыцаря встречал
Намедни у ворот приветом,
Но рыцаря вопрос ответом
Не удостоив, был таков.
«Говен, – сказал он, – будь готов,
Ждет госпожа тебя к обеду.
Ты угощения отведай,
А с нею разделив еду,
Получишь ты свою узду
И без помехи и без боя».
На предложение такое
Говен согласие дает,
Но пусть виллан его ведет —
Ему во всем он крепко верит.
И вот они подходят к двери,
Его слуга ведет вперед,
Чрез много комнат он идет
И, наконец, вступает прямо
В ту залу, где сидела дама,
Та, от которой к ним посол
К обеду звать его пришел.
Говена на пороге зала
Увидев, дама тотчас встала,
Сказав Говену: «В добрый час!
Хоть и пришлось мне из-за вас
Такие претерпеть потери, —
Ведь из-за вас погибли звери,
Все звери из-за вас мертвы, —
Но все ж хочу я, чтобы вы
Со мной обед мой разделили,
Я не слыхала, чтобы были
На свете рыцари храбрей».
На ложе он садится к ней —
И здесь поверить мне должны вы,
Что было ложе не из ивы,

Не из осины сплетено:
Сверкало серебром оно
С узором тонкой позолоты;
На нем бесценнейшей работы
Сукно, расшитое шелками,
И золотом, и жемчугами;
Но, чтобы все изобразить,
Мне надо б было говорить
Без устали в теченье года.
Виллан и карлик даме воду,
Чтоб вымыть руки, подают
И ценный золотой сосуд
И полотенце в зал приносят.
Присесть Говена дама просит;
Им карлик служит за столом,
И со слугой они вдвоем
Их угощают молчаливо.
А дама кажется счастливой.
С собою рыцаря она
Сажает, ласкою полна,
С ним пьет из одного сосуда.
Из одного вкушает блюда.
Радушье оценил барон.
Здесь замолчать я принужден
И больше не скажу ни слова.
И вот, когда уж все готово,
Уносит стол один из слуг,
А дама требует для рук
Воды, – виллан приносит воду.
Говен давно уж на свободу
Из замка рвется убежать,
И даму просит он отдать
Ему уздечку во владенье.
«Сир, – говорит она, – именье
И всю себя я вам отдам
За то, что приходилось вам
Из-за моей сестры сражаться:
Мы – сестры, я могу признаться.
А если б вы остались здесь,
Я отдала б вам замок весь,
Вы мне бы господином стали,
Вам замки б все принадлежали,
А их должно быть пятьдесят».
Говен в ответ: «Я был бы рад,

Но должен я, клянусь вам честью,
О всем случившемся известье
Скорее к королю принесть,
Была тому порукой честь.
И потому прошу вас, дама,
Узду мне возвратите прямо,
Я в вашей долго был стране,
Нельзя здесь дольше медлить мне;
Но я за ваше предложенье
Благодарю вас, без сомненья». —
«Не будем спорить об узде;
Вон на серебряном гвозде
Она висит», – сказала дама.
Узду Говен снимает прямо,
И мула вновь ведет вассал.
Говен тотчас его взнуздал
И с дамой хочет попрощаться.
Тогда виллану постараться
Она велит, чтобы Говен
Спокойно выехал из стен;
Чтоб лучше выехать Говену,
Пускай он остановит стены.
Говен свой подвиг совершил,
И вот виллан остановил
Вращенье замка. Недвижимо
Он стал. Говен проехал мимо
Ворот и, посмотрев назад,
Увидел: улицы кишат
Веселым, пляшущим народом;
Как будто получив свободу,
Танцует радостно народ
И песни радостно поет,
И даже ангельские рати,
Наверно, не могли б сдержать их.
Весельем каждый обуян.
На воротах сидит виллан,
И смотрит он вослед Говену.
Его Говен спросил чрез стену,
Откуда взялся весь народ:
Ведь в первый раз он у ворот
Не встретил малого ребенка;
Теперь там распевают звонко,
Как будто собрались на пир.
Виллан в ответ ему: «Мессир,

Их раньше так пугали звери,
Что прятались они в пещере
От этих диких, злых зверей,
А если был кто похрабрей
И выходил наверх работать,
То было трудною заботой
Его заставить не сбежать,
Уговорить, что разорвать
Не могут львы его на части.
Но вы спасли их от напасти,
Пришли вы злых зверей убить
И ярким светом озарить
Людей, томившихся в потемках,
И вот они смеются громко,
И радости предела нет».
Весьма понятно, что ответ
Говену был большой утехой,
И по дороге он поехал,
Что привела его к реке
К железной узенькой доске.
Ее он переехал с мулом;
Потом дорога повернула
В ущелье, где среди камней
Гнездилось много страшных змей.
Но, миновав ущелье смрада,
В лесную въехал он прохладу,
Прибежище лесных зверей,
И, мула увидав, скорей
Они бегут встречать Говена,
И припадает на колена
Толпа зверей, чтоб каждый смог
И рыцаря и мула ног
Коснуться нежными губами.
Говен спешит скорее к даме.
(Быть со зверями – недосуг!)
И выезжает мул на луг
Зеленый, солнцем весь залитый.
А в это время вышла с свитой
И королева, – все хотят
Из окон поглядеть на сад.
И вот, смотря из окон зала,
Толпа придворная болтала,
А королева видит вдруг:
Говен уж проезжает луг.

Сказала рыцарям и дамам;
Они бегут навстречу прямо
К нему, и каждый очень рад
Тому, что едет он назад.
Но больше всех известью рада
Та девушка, которой надо
Обратно получить узду,
И вот она кричит ему
(А он стоит у входа в залу):
«Пусть вам Господь пошлет немало
Каких желаете утех
И днем и ночью без помех!» —
«И вам того же я желаю», —
Говен ответил ей, слезая.
Она ж, припав к его устам,
Ему промолвила: «Я вам
Отдать поистине хотела б
В награду душу всю и тело;
Ведь я же знаю, что узда
В мои бы руки никогда
Через другого не попала.
И рыцарских голов немало
Торчит на палках над водой —
Никто не овладел уздой».
И тут Говен ей без смущенья
Свои поведал приключенья:
Про лес и про долину змей,
Про удивительный ручей,
Где рос боярышник душистый,
Где было все светло и чисто,
Про реку, цветом как свинец,
И про вертящийся дворец;
Про то, как были львы убиты
И рыцарь свержен знаменитый,
Как он побился об заклад,
Как двух он змей убил подряд;
Про то, как карлик поклонился,
А после молча удалился;
Про то, как снова он пришел
Звать к госпоже своей за стол,
А госпожа была сестрою
Той, что послала за уздою;
Про то, как он добыл узду;
Про то, как видел на мосту,

Когда из замка уезжал он,
Толпу, которая плясала,
И как назад проехать мог
Он без задержек и тревог.
Он рассказал все приключенья,
А дама просит разрешенья
Уехать, наконец, домой.
Король и рыцари толпой,
И королева с ними вместе,
Ей говорят, что в этом месте
Она бы с ними жить смогла
И среди «Круглого стола»
Найти по сердцу господина.
«Господь свидетель мой единый, —
Так отвечала им она, —
Я здесь остаться не вольна,
Как я сама бы ни хотела».
И мула привести велела,
И села на седло опять.
И сам король сопровождать
Ее хотел; но провожатых
Не хочет девушка. Заката
Приходит время, мрак встает.
Она прощается, и вот
Она и мул уж в лес свернули.
Рассказ про Девушку на муле,
Покинувшую вдруг дворец,
Здесь обретает свой конец.

Вопросы и задания

1. Какие идеалы рыцарского поведения утверждает это произведение?

2. Для чего в это произведение вводится образ сенешаля Кея?

3. *Перечисли волшебные предметы и детали, встречающиеся в тексте.*

4. Какие признаки позволяют назвать это произведение литературным, а не фольклорным?

5. Охарактеризуй жанр произведения, указав его признаки.

6. Как в произведении используется прием градации (усиления)?

7. Какую роль в произведении играет авантюра?

8. Для чего вводится образ виллана, какую позицию он занимает по отношению к Говену?

9. Подготовь самостоятельно сопоставительную характеристику Говена и Роланда, назови их сходные и различные черты, укажи, какой из этих двух персонажей ближе к народному идеалу.

Чудо Георгия о Змие

После принятия христианства на Руси в X веке появилась духовная литература. Наряду с каноническими (освященными православной Церковью трудами) получили распространение также произведения, в которых рассказывается о христианских святых и мучениках, переосмысливаются отдельные библейские сюжеты. Одним из популярных жанров становится христианская легенда. Она очень тесно связана с фольклором. Важнейшей задачей этого жанра является утверждение православных ценностей, народного идеала примерами из жизни святых и мучеников, именно поэтому этот жанр пользовался огромной популярностью в народной среде.

Перед тобой очень красивая и мудрая христианская легенда о подвигах одного из самых почитаемых на Руси святых – великомученика Георгия Победоносца. Его именем назван самый почетный воинский орден России – Георгиевский крест, его изображение украшает герб столицы нашего государства – Москвы.

Легенда рассказывает об одном из подвигов святого. Но она очень полно раскрывает образ Георгия. Повествование строится на противопоставлении царя Гевала и Георгия. Первый – «отвернулся от Бога» и оказался бессильным выполнить свои

обязанности не только перед своим народом, но даже перед своей семьей. Святой же силой своей Веры и Божьего слова побеждает Змия, освобождает целый народ от Зла, причем наибольшим Злом оказывается не Змий, а покоряющие душу человека неверие и страх.

Обрати внимание на то, как высоко ценится в этом произведении Слово, владея которым Георгий не нуждается в другом оружии.

Чудо со змеем, бывшее со Святым Великомучеником Георгием

Благослови, отче!

Как изреку ужасную эту и преславную тайну? Что возглашу и о чем подумаю? Как передам и поведаю удивительную эту и преславную молву? Ибо грешный я человек, но надеюсь на милосердие святого и великого мученика и страстотерпца Христова Георгия; возвещаю вам чудо это, самое дивное из всех чудес его.

Был в древние времена город, под названием Гевал, в стороне палестинской, и был он очень большой, и множество людей в нем жило; и все поклонялись идолам, почитая их согласно преданиям и по царскому повелению, отвернулись они от Бога, и Бог отвернулся от них.

Около города этого было большое озеро, весьма полноводное. По вере и по делам их воздал им Бог: появился огромный змей в этом озере и, выходя из озера того, жителей города этого поедал. Некоторых свистом своим умерщвлял, других же, удушив, утаскивал в озеро. И была скорбь великая, и плач неутешный в городе том из-за этого зверя.

Собрались однажды все жители этого города и пошли к царю своему, говоря:

– Что будем делать – ведь погибаем от этого змея?

Ответил им царь:

– Все, что сказали мне боги, то вам возвещаю, и давайте обдумаем это: каждый из вас ежедневно сына своего иль дочь свою пусть отдаст на съедение змею в черед свой, пока не наступит и мой срок. Отдам и я единственную мою дочь.

И угоден был замысел этот всем жителям, и, отвечая, сказали они царю:

– Воистину, о царь, сердце твое в руках богов; хвалу же им вознесем за то, что вложили в тебя эту мысль.

И, удалившись, поочередно исполнили царское повеление, начиная с верховных вождей и до самых незнатных, ежедневно

отдавая детей своих в пищу змею на берегу озера, тот сына своего, другой же дочь свою, рыдая и алча[106] безмерно. Выходил змей, и уносил их, и поедал.

Когда же все жители отдали своих детей, снова придя, сказали царю:

– Господин, все мы отдали своих детей одного за другим, каждый из нас по очереди. Что повелишь ты теперь?

И, отвечая, сказал царь:

– Отдам и я единственную мою дочь, а затем, что откроют мне бессмертные боги, так и решим.

Призвав единственную свою дочь, обрядил царь ее в багряницу[107] и, поцеловав и горько оплакав, повелел отвести на погибель к змею. И, отведя, оставили ее у озера.

Святой же и великий мученик, страдалец за веру Христову Георгий, чтимый Небесным Царем воин, который жил и по смерти, сияя великими чудесами, по Божьему соизволенью желая спасти нас, гибнущих, и избавить город нагл от этой напасти, в тот же час оказался на месте том в виде простого воина, идущего с боя и спешащего в родные места. Увидев на берегу озера деву, великий и славный мученик Георгий спросил ее, так говоря:

– Зачем здесь стоишь ты, дева? Она же ответила ему:

– Отойди, господин мой, отсюда, скорее отойди, чтоб не погибнуть жестоко.

Отвечая, святой Георгий сказал деве:

– О чем говоришь ты, девица? Разбойники здесь или что другое?

Девушка же сказала:

– Змей страшный здесь есть, гнездящийся в озере этом; теперь же тебя умоляю, господин мой, уйди отсюда: я вижу приятный твой вид, и младость, и блеск, и красоту лица твоего, и тебя умоляю, отойди отсюда скорее, чтобы не погибнуть жестоко.

Спросил ее святой и великий мученик Георгий:

– А ты почему здесь сидишь, не уходишь?

Ответила девушка:

– Многое могла бы я тебе поведать и рассказать, говоря о себе, но как бы змей не пришел и со мною тебя не похитил.

И сказал ей святой и великий мученик Георгий:

– Говори мне правду, девица, не бойся – не оставлю тебя.

И отвечала ему девушка дрожа:

– Видишь ли, господин мой, как город этот велик, и очень красив, и процветает во всем: потому и не хочет отец мой уйти и оставить город этот. Однако живет здесь змей, огромный и страшный безмерно, в озере этом, и поедает много людей; и порешили жители вместе с царем, отцом моим, и давали они

ежедневно, каждый в черед свой, детей своих змею на съеденье; дошел черед и до царя, отца моего, и меня, хоть имел он одну-единственную дочь, но не желая нарушить повеление свое, повелел и меня отдать на съедение змею. И вот, господин мой, все я тебе рассказала; уходи отсюда скорей, пока не явился тот змей и тебя не похитил.

Услышав же это, великий мученик и страдалец за веру Христову Георгий деве сказал:

– Не бойся, девица!..

И тут же, на небо воззрев, помолился раб Божий, так говоря:

– Безначальный, живоносный, Бог мира всего, не имеющий ни конца, ни начала, создавший времена и годы, солнце в течение дней и луну в освещение ночи, внимавший святым своим апостолам, передавший им дух свой святой, выслушай и меня, недостойного раба твоего, и покажи на мне прежние твои милости, и повергни лютого этого зверя к ногам моим, пусть видят и пусть все поверят, что ты лишь один – Бог, и, кроме тебя, другого не знаем.

И только сказал так святой и великий мученик Георгий, раздался голос с небес, говорящий:

– Георгий, дерзай, не останется тщетным твой глас, когда ты попросишь.

Внезапно девушка вскричала, говоря:

– Беги, человек, отсюда: вот ведь змей свища идет.

И тут же, отпрянув слегка, страдалец за веру Христову святой Георгий увидел, как из взбурлившего озера явился огромный змей, поднял голову свою, точно свод, и раскрыл пасть, будто пропасть, и с ревом пошел на святого и на деву. Но тотчас, знамение Христово начертав на земле, святой Георгий сказал:

– Во имя Иисуса Христа, сына Божия, покорись, жестокий зверь, и ступай вслед за мною.

И сразу же силою Божьей и великого мученика и страдальца за веру Христову Георгия подломились колени у страшного змея. И сказал святой и великий мученик Георгий девушке:

– Сними пояс твой и поводья коня моего и свяжи ими голову змея, влеки его и иди в город.

Она и сделала то, что велел ей святой и великий мученик за веру Христову Георгий. И шел вслед за нею страшный тот змей, волочась по земле, как овца на закланье. Девушка же вела его, радуясь и веселясь.

Царь же, отец ее, и мать ее в тот день рыдали и плакали очень о деве этой. Но, внезапно увидев девицу, ведущую змея, и чудотворца святого, великого мученика и страстотерпца Георгия, идущего впереди, испугавшись ужасно, пустились бежать. Святой

же и великий мученик за веру Христову и чудотворец Георгий воскликнул громким голосом, говоря:

– Не бойтесь! Если веруете в Христа, в которого верую я, то увидите ныне спасенье свое.

Царь же, выйдя навстречу ему, сказал ему:

– Как зовут тебя, мой господин? Он же ответил:

– Георгием зовут.

Тогда воскликнули люди все как один, говоря:

– Тобою веруем в единого Бога-вседержителя и в единого сына его, Господа нашего Иисуса Христа, и в святой животворный дух.

Тогда святой и великий чудотворец Георгий, протянув руку, извлек меч свой и отрубил голову лютому зверю. Увидев все это, царь и все жители тотчас подошли и поклонились ему, Богу хвалу воздавая и угоднику его великому чудотворцу Георгию. И повелел царь построить церковь во имя многославного и великого мученика и страдальца за веру Христову Георгия и украсил ту церковь золотом и серебром и дорогими каменьями. И повелел поминать его в месяц апрель в двадцать третий день.

Святой и великий мученик за веру Христову Георгий, увидев их веру, что всей душой уверовали они в Господа нашего Иисуса Христа, сказал им:

– Покажу вам и новое чудо, знаменье и силу Господа Бога моего. И, когда была завершена эта церковь и окончили ее мастера, послал им свой щит и велел повесить его над святым алтарем. Силой и действием Духа Святого и доныне висит в воздухе, недержимы и никем, этот щит, во все времена и года на веру неверным. Таковы удивительные и достославные чудеса преславного и великого чудотворца и мученика за веру Христову Георгия. И не только эти таинства совершаются святым его именем, но также исцеления многие Бог совершает по молитвам его всем, приходящим с верой в церковь его святую: хромые ходят, слепые прозревают, глухие слышат, страдающие от нечистых духов освобождаются, и большая радость бывает всегда от чудесных его деяний…

Вопросы и задания

1. Как утверждается в легенде святость Георгия Победоносца?

2. Почему именно спасенной царевне доверил Георгий привести в Гевал плененного зверя? Какие человеческие

качества утверждаются в образе царевны?

3. Почему царь называет Георгия «своим господином»?

4. За что был наказан народ Гевала?

5. Для чего оставил в Гевале висящим в воздухе свой щит Георгий?

6. С какими известными фольклорными персонажами имеет сходство Змий?

7. Подготовьте пересказ этой легенды.

8. Самостоятельно подготовьте сопоставительную характеристику Георгия и царя Гевала; что у них общего и в чем их различие?

Повесть о Евпатии Коловрате Отрывок из «Повести о разорении Рязани Батыем [108]». Перевод Д. Лихачева

Средневековая русская словесность была необычайно разнообразна. Наши предки стремились сохранить память о наиболее примечательных деяниях и выдающихся людях. Ты уже знаешь, как создавались образы народных богатырей в былинах. Но тебе надо знать, что образы эти рождены не фантазией сказителей, а самим русским народом.

С древнейших времен на Руси создавались летописи. *Летопись* – это жанр средневековой русской литературы, письменный свод описаний реальных, легендарных и вымышленных событий. Летописи создавались, чтобы сохранить память о деяниях и событиях прошлого, свидетелем которых был сам летописец (составитель летописи), о чем он услышал или прочел в других книгах. Древнейшая дошедшая до нас летопись «Повесть временных лет», созданная в Киеве Нестором, восходит к XII веку, но содержит в себе сведения и о гораздо более ранних периодах.

Уже в ранних летописях начали появляться самостоятельные повествования, на основе которых возник жанр *военной повести.* Этот жанр воспевал ратные подвиги не только князей, но и доблестных дружинников, с оружием в руках отстаивающих дело, которые они считали правыми.

В 1236 году началось нашествие на Русь монголов, предводительствуемых ханом Батыем. В 1237 году их полчища напали на русский город Рязань, взяли и разорили его. Но нелегко далась врагу победа, и в суровой битве под стенами Рязани многие русские воины проявили силу и отвагу.

Об этом скорбном и героическом событии безымянным автором была написана «Повесть о разорении Рязани Батыем в

1237 году». Одна из частей этого произведения рассказывает о подвигах Евпатия Коловрата, мужественного и сильного воина, любящего родную землю и ненавидящего ее врагов.

Создатель «Повести о разорении Рязани Батыем», несомненно, очень хорошо знал и любил русские былины. Посмотри, как смело он вводит в свой рассказ о Евпатии Коловрате былинные приемы повествования. Попробуй сам назвать их, прочитав это произведение.

Да и облик Евпатия Коловрата напоминает богатырей героического эпоса. Роднит его с этими богатырями и беззаветная любовь к Родине, и ратное мастерство.

Но есть в «Повести» и отличия от былин. Во-первых, в ней отчетливо различается голос повествователя, оценивающего подвиги Коловрата. А во-вторых, отношение к герою здесь выражает и его злейший враг – Батый, восхищающийся этим человеком.

* * *

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю попленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божьи до основания разорить. И некто из вельмож рязанских, по имени Евпатий Коловрат, был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловредного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую: города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И примчался во град Рязань и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распалялся в сердце своем. И собрал небольшую дружину – 1700 человек, соблюденных[109] Богом вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешалися все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек их татарскими. Татарам почудилось, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился. И едва поймали татары из полка Евпатиева пять

человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры и какой земли и что мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, а витязи мы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу-рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича[110] своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, желая живым его взять. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полы[111] до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых победил, одних на-полы рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами[112], и князьями, и санчакбеями[113], – и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю мурзы, князи и санчакбеи: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются – один с тысячею и два с 10 тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, смотря на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной моей орды побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, – держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватали на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Вопросы и задания

1. Какие черты определяют характер Евпатия Коловрата?

2. Как в повести изображается русское войско? Чем

объясняются причины его поражений?

3. Для чего вводится в повесть образ Батыя?

4. Какую художественную роль играет в повести прямая речь?

5. Подготовь пересказ повести.

6. Сравни образы Евпатия Коловрата и образы былинных богатырей и самостоятельно подготовь сообщение на тему: «Отличие образа Евпатия Коловрата от фольклорных».

Народные традиции в литературе

Я должен признаться тебе в одной маленькой хитрости. Рассказывая о том, как древний кельтский сюжет, положенный в основу «Мула без узды», использовался в дальнейшем, я намеренно ограничился упоминанием только XVIII века. Ты, быть может, подумал, что позже писатели перестали обращаться к сокровищнице древних мифов и легенд? Ничего подобного!

И в XIX, и в XX веке сохраняется тяга писателей к устному народному творчеству. В подтверждение этой мысли я предлагаю тебе замечательное произведение, написанное в конце XIX века.

Оно принадлежит английскому писателю Роберту Льюису Стивенсону, чей знаменитый роман «Остров сокровищ» ты уже, возможно, читал. Я имею в виду балладу «Вересковый мед». Баллада Р. Л. Стивенсона тоже основана на древней кельтской легенде, восходящей к далекому прошлому, когда кельтское племя пиктов (отличавшихся маленьким ростом), жившее на территории современной Шотландии, было завоевано другим кельтским племенем ско́ттов, захвативших земли пиктов.

> *Обрати внимание, как поэт использует старинную легенду для утверждения мысли о свободолюбии народа. И конечно же раз речь зашла о балладе, проследи, как построен в ней диалог и какими художественными средствами передает поэт характеры персонажей.*

Я также хочу напомнить тебе о содержании первого урока волшебства и попросить тебя посмотреть, *какие эпитеты и тропы использует Р. Л. Стивенсон в балладе.*

Роберт Льюис Стивенсон

Вересковый[114] мед
Перевод С. Маршака

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино,

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом
Лежал живой на мертвом
И мертвый – на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных
В горах родной земли
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы

Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле,
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил —
Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался —
Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал —
Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод,
А я научу шотландцев
Готовить старинный мед!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик…
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик: —

Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна —
Мой вересковый мед!

Вопросы и задания

1. Какие душевные качества роднят пиктов с фольклорными героями?

2. Можно ли объяснить жестокость старого пикта к мальчику?

3. Как в балладе показана безжалостность шотландского короля?

4. Сколько раз и для чего используется в балладе прием антитезы?

5. Подготовь выразительное чтение баллады.

Былинные мотивы в русской поэзии

Многие поколения русских поэтов используют былинные мотивы в своем творчестве. При этом русские поэты конечно же знали, что былины – это фольклорный жанр далекого прошлого, поэтому ни один из великих русских поэтов не пытался создать литературную былину. Да и зачем? Ведь в их распоряжении уже был поэтический жанр, прекрасно передающий особенности народного поэтического взгляда на мир. Ты, без сомнения, уже догадался, что речь идет о балладе.

Литературная баллада легко справилась с новой нагрузкой, не утратив характерных жанровых черт, но расширив свой художественный мир за счет былинных мотивов.

Попробуй найти эти мотивы в известных тебе балладах.

Давай обратимся к конкретным примерам. Имя Алексея Константиновича Толстого тебе уже известно. Этот поэт проникновенно передает состояние души русского народа. Ему принадлежит много баллад с историческим, легендарным и былинным содержанием. Сейчас ты будешь читать его балладу «Илья Муромец». Само название сразу же устанавливает связь со знакомой тебе русской былиной. Заметь, поэт вовсе не стремится передать содержание какой-либо былины. Напротив, из множества былин он выбирает один-единственный эпизод – ссору русского богатыря с князем Владимиром. Он не описывает ни самой ссоры, ни того, что за ней последовало. В балладу вошло как раз то, что опущено в былине: момент, когда Илья Муромец, уезжая из Киева на богатырскую заставу, изливает горечь обиды на князя своему коню.

По существу, содержанием баллады А. К. Толстого является ворчание обиженного богатыря, но как замечательно использует этот прием поэт! Во-первых, раскрывается характер Ильи Муромца. Обида – лишь проявление чувства собственного достоинства. Она не связана ни с завистью, ни с жадностью. Богатырь прекрасно знает, что его место не на пиру, а на границе, откуда может появиться враг. Там место любого богатыря, посвятившего себя защите Родины. Скептическое отношение Ильи Муромца к другим витязям – не проявление превосходства, а сознание того, что нельзя сохранить силу на княжеских пирах.

Во-вторых, из рассказа Ильи выясняется довольно полная картина тяжелого ратного труда воинов.

И, наконец, в-третьих, этот прием позволяет создать именно балладу, а не былину. Ты догадался почему?

> *А теперь скажи, как и для чего вводится в балладу пейзаж: и какими языковыми средствами пользуется поэт для создания образа богатыря.*

«Змей» Николая Степановича Гумилева, поэта рубежа XIX и XX столетий, тоже баллада, включающая в себя традиционный русский былинный мотив о Змее, похищающем русских девушек. В балладе Н. С. Гумилева в соответствии с былинной традицией образ Змея соотносится с монголо-татарским игом. В центре баллады монолог-сетование Змея, не понимающего, отчего русские девушки предпочитают смерть неволе. Патриотизм русских былин усиливается в балладе тем, что рассказ о нем вложен в уста Змея. А богатырский мотив русских былин реализуется Н. С. Гумилевым в последнем четверостишии, где появляется образ былинного богатыря Вольги Всеславича, выступающего против Змея.

> *Обрати внимание, как создается поэтический художественный мир легендарной былинной Руси в строках, предшествующих монологу Змея.*

К образу Ильи Муромца обращается и Иван Алексеевич Бунин, великий русский писатель и поэт XX века. Он создает поэтическое переложение былины, в которой тяжелая ноша защитника Русской земли с плеч сказочного героя перекладывается на его «меньшого брата», обычного человека, крестьянского сына. В этой балладе как бы совершается переход от «былинных времен» к земным заботам. Обрати внимание на последнюю строфу этого произведения! Переход этот закрепляется и самой формой стихотворения – от былины к

литературной балладе.

Заметь и еще одну особенность этого произведения: прямая речь здесь вкладывается только в уста Святогора, Илья же отвечает лишь действием, изменением своего настроения. Вот какой необычный диалог возникает в балладе И. А. Бунина!

Четвертая из представленных здесь баллад принадлежит уже знакомому тебе поэту Дмитрию Борисовичу Кедрину. Основой баллады послужил не былинный сюжет, а исторические события: пленение и героическая гибель ростовского князя Василька. «Князь Василько Ростовский» создан в XX веке, и его автор опирался на традицию не только былинного повествования, но и на литературные баллады, включающие в себя былинные мотивы, в частности баллады А. К. Толстого.

Д. Б. Кедрин, подобно древним авторам, сам создает легенду о мученике-патриоте Василько Ростовском.

Подумай о том, какие литературные приемы использует поэт и что роднит это произведение с былинами.

Познакомившись со всеми балладами, сопоставь их друг с другом. Отметь, какие изобразительно-выразительные средства используют авторы для создания картин Древней Руси и образов положительных и отрицательных персонажей.

Алексей Константинович Толстой

Илья Муромец

1

Под броней с простым набором[115],
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,

Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то,
Как ты проживешь?

4

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут – полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь;

Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стою,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрине[116].
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —

Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

Вопросы и задания

1. Какие художественные средства использует автор для создания образа Ильи?

2. Соответствует ли характер Ильи в балладе характеру былинного Ильи Муромца?

3. Почему в этом произведении не упоминаются богатырские подвиги Ильи?

4. Какие художественные приемы использует автор, чтобы показать крестьянское происхождение богатыря?

5. Диалогической или монологической является в балладе речь Ильи?

6. Как в этой балладе проявляется прием антитезы?

7. Какую художественную роль играет в этом произведении пейзаж?

8. Как проявляется в балладе авторская позиция?

9. Укажи, какие фольклорные мотивы использует поэт в этом произведении.

10. Назови основные жанровые признаки баллады, проявляющиеся в этом произведении.

11. Подготовь выразительное чтение баллады.

Иван Алексеевич Бунин

Святогор и Илья

На гривастых конях на косматых,
На златых стременах на разлатых,
Едут братья, меньшой и старшой,
Едут сутки, и двое, и трое,
Видят в поле корыто простое,
Наезжают – ан гроб, да большой:

Гроб глубокий, из дуба долбленный,
С черной крышей, тяжелой, томленой,
Вот и поднял ее Святогор,
Лег, накрылся и шутит: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божий простор!»

Обнял крышку Илья, усмехнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинул кверху… Да нет, погоди!
«Ты мечом!» – слышен голос из гроба.
Он за меч, – занимается злоба,
Загорается сердце в груди, —

Но и меч не берет: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов,
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гро́бного склепа
Святогору во веки веков!

Кинул биться Илья – Божья воля,
Едут прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу… Отняла
Русской силы земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела!

Вопросы и задания

1. Почему в балладе Святогор был лишен «Божьего простора»?

2. Какими предстают в балладе характеры Святогора и Ильи Муромца?

3. Как используется в балладе фантастика?

4. Какие эпитеты использует поэт, какова их художественная роль?

5. Подготовь выразительное чтение баллады.

6. Подготовь сообщение о характерах Ильи Муромца в балладах А. К. Толстого и И. А. Бунина, сравнив сходные и отличные черты создаваемых поэтами образов.

Николай Степанович Гумилев

Змеи

Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись[117] тогда,
Чуда чудные деялись сами…

Позабыв Золотую Орду[118],
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.

Только девушки видеть луну
Выходили походкою статной —
Он подхватывал быстро одну,
И взмывал, и стремился обратно.

Как сверкал, как слепил и горел
Медный панцирь под хищной луною,
Как серебряным звоном летел
Мерный клекот над Русью лесною:

«Я красавиц таких, лебедей
С белизною такою молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной.

Но еще ни одна не была
Во дворце моем пышном, в Лагоре[119]:

Умирают в пути, и тела
Я бросаю в Каспийское море.

Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятьях моих
На торжественном княжеском ложе?

И порой мне завидна судьба
Парня с белой пастушечьей дудкой
На лугу, где девичья гурьба
Так довольна его прибауткой».

Эти крики заслыша, Вольга
Выходил и поглядывал хмуро,
Надевал тетиву на рога
Беловежского старого тура[120].

Вопросы и задания

1. Охарактеризуй жанр этого произведения и укажи его признаки.

2. Объясни смысл названия произведения. Почему оно не названо, например, «Вольга»?

3. Какими художественными средствами Н. С. Гумилев придает своему произведению патриотическое звучание?

4. Как в этом произведении создается образ Змея?

5. Объясни идейный смысл последнего катрена (четверостишия).

6. Почему русские девушки предпочитают смерть неволе в чертогах Змея?

7. Сколько голосов звучит в этом произведении?

8. Объясни смысл первого катрена и его значение в произведении.

9. Назови наиболее важные эпитеты и метафоры, используемые в этом произведении, и объясни их значение.

10. Сформулируй идею этого произведения.

11. Подготовь выразительное чтение баллады наизусть.

12. Подготовь сообщение на тему: «Образ Змея в

христианской легенде и у Н. С. Гумилева». Нарисуй словесный портрет Змея.

Дмитрий Борисович Кедрин

Князь Василько Ростовский

Ужель встречать в воротах
С поклонами беду?..
На Сицкое болото[121]
Батый привел орду.

От крови человечьей
Подтаяла река,
Кипит лихая сеча
У княжья городка.

Врагам на тын[122] по доскам
Взобраться нелегко:
Отважен князь Ростовский,
Кудрявый Василько

В округе все, кто живы,
Под княжью руку встал.
Громят его дружины
Насильников-татар.

Но русским великанам
Застлала очи мгла,
И выбит князь арканом
Из утлого седла.

Шумят леса густые,
От горя наклонясь…
Перед косым Батыем
Стоит плененный князь.

Под ханом знамя наше
На холм постелено,
Хан из церковной чаши
Пьет сладкое вино.

Прихлебывая брагу,

Он молвит толмачу[123]: —
Я князя за отвагу
Помиловать хочу.

Пусть вытрет ил болотный,
С лица обмоет грязь:
В моей охранной сотне
Отныне служит князь!

Не помня зла былого,
Недавнему врагу
Подайте чашку плова,
Кумыс и курагу…

Но, духом тверд и светел,
Спокойно и легко
Насильникам ответил
Отважный Василько:

– Служить тебе не буду,
С тобой не буду есть.
Одно звучит повсюду
Святое слово: месть!

Под нашими ногами
Струится кровь: она,
Монгольский хан поганый,
Тобой отворена!

Лежат в снегу у храма
Три мертвые жены.
Твоими нукерами[124]
Они осквернены!

В лесу огонь пожара
Бураном размело.
Твои, Батый, татары
Сожгли мое село!

Забудь я Русь хоть мало,
Меня бы прокляла
Жена, что целовала,
И мать, что родила!..

Батый, привычный к лести,
Нахмурился: – Добро!
Возьмите и повесьте
Невежу за ребро!..

Бьют кочеты на гумнах
Крылами в полусне,
А князь на крюк чугунный
Подвешен на сосне.

Молчит земля сырая,
Подмога далеко,
И шепчет, умирая,
Бесстрашный Василько:

– Не вымоюсь водою
И тканью не утрусь,
А нынешней бедою
Сплотится наша Русь!

Сплотится Русь и вынет
Единый меч. Тогда,
Подобно дыму, сгинет,
Батый, твоя орда!..

И умер князь кудрявый…
Но с той лихой поры
Поют герою славу
Седые гусляры.

Вопросы и задания

1. В чем основа «бесстрашия» Василька?

2. Какое лирическое чувство является главным в балладе?

3. Какая идея воплощена в последних словах Василька?

4. Как изображена в балладе жестокость захватчиков?

5. На чем построено в балладе противопоставление Василька и Батыя?

6. Подготовь выразительное чтение баллады.

7. Подготовь сообщение на тему: «Монголо-татарское нашествие в произведениях русской словесности».

Сокровища книжных полок

Узнав о том, как расправился Илья Муромец с Соловьем-разбойником, ты, возможно, захочешь узнать о подвигах и других былинных богатырей. Издано множество сборников русских былин, где описываются не только подвиги известных тебе Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Микулы Селяниновича, Никиты Кожемяки, но и рассказывается об удали и находчивости других героев и, можешь себе представить, даже героинь!

Народное творчество всегда привлекало внимание писателей. Еще в XII веке было создано неизвестным автором одно из самых прекрасных произведений мировой культуры – «Слово о полку Игореве», вобравшее в себя многие черты народного эпоса. Со временем ты познакомишься с этим произведением, прочитаешь его во всей его первоначальной красоте. «Слово о полку Игореве» само вдохновляло многих последующих художников. Композитор А. П. Бородин написал оперу «Князь Игорь», а прекрасный поэт XX века Н. А. Заболоцкий сделал стихотворное переложение этого произведения, которое я советую тебе прочитать. А вот «Роман о Тристане и Изольде» восстанавливает древние кельтские истоки французской и английской литературы. В XIX веке французский ученый-филолог Ж. Бедье изучил все сохранившиеся отрывки и варианты старинной легенды о любви, которую пронесли через всю свою жизнь Тристан и Изольда. На основе собранных материалов он написал свое произведение. Здесь тесно переплелись рыцарские подвиги, любовные переживания, благородство, доблесть и недостойная зависть.

Поэтические творения народа действительно бессмертны, в этом ты лишний раз можешь убедиться, если прочтешь роман современной английской писательницы М. Стюарт «Полые холмы». Как и Ж. Бедье, она обращается к старинным кельтским легендам о короле Артуре и волшебнике Мерлине, создавая на их основе поэтическое повествование об идеальном короле-рыцаре.

На протяжении всего XVIII века и большей части XIX века белые поселенцы, захватившие Североамериканский континент, боролись с коренными жителями – индейцами, вытесняя их с собственных земель. Во второй половине XIX века американский поэт Г. Лонгфелло создает «Песнь о Гайавате», поэму, в которой излагаются древние мифы североамериканских индейцев. В начале XX века И. А. Бунин перевел эту поэму на русский язык, и ты можешь познакомиться с подвигами могучего и мудрого Гайаваты.

Любопытно, что в конце XIX века другой американский

писатель, Д. Харрис на основе мифов и сказок американских индейцев создает известный тебе сказочный эпос о Братце Кролике и Братце Лисе («Сказки дядюшки Римуса»). Любовь народа к мифам неисчерпаема. Разве только в прошлом люди создавали рассказы о волшебниках и чародеях? Возьми книгу современной американской писательницы У. Ле Гуин «Маг Земноморья», и ты узнаешь, как стал великим чародеем мальчик Джед.

Житийная литература

В средневековой Руси была распространена житийная литература. *Жития* – это повествовательный жанр, описание жизни лиц, причисленных православной церковью к святым.

Имя Александра Ярославича, жившегов XIII веке и прозванного за блестящую победу над шведскими захватчиками Невским[125], известно всем. О нем написаны книги и сняты кинофильмы. После смерти князь Александр Ярославич был причислен церковью к лику святых. Много было на Руси славных ратников и мужественных князей, но не всем им выпала такая честь. В житии перед тобой предстанет человек, выполняющий предначертания Бога, святой, который и после своей смерти остается заступником русского народа.

Житие Александра Невского
Перевод И. Еремина

По воле Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божьего, я, ничтожный, грешный и неразумный, начинаю описывать жизнь князя Александра Ярославича, внука Всеволода. Слышал я о нем от отцов своих и сам был свидетелем деяний его, а потому рад был поведать о его праведной и славной жизни, – но, как сказал Приточник[126]: «В лукавую душу не входит премудрость», ибо «становится она на высоких местах, стоит посреди дорог, сидит у ворот мужей сильных». Хотя и прост я умом, но молитвой святой госпожи Богородицы и помощью святого князя Александра начну так.

Родился князь Александр по Божьей воле от отца – благочестивого, кроткого и милостивого, великого князя Ярослава, от матери – благочестивой Феодосии, – как сказал

Исайя-пророк: «Говорит Господь: «Я ставлю князей, я возвожу их на престол». И воистину так: не княжил бы он без повеленья Божья. Рост его был выше других людей, голос его – как труба в народе, лицо его – как у Иосифа[127], которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью силы Самсона[128]. И дал ему Бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспасиана, который пленил всю Иудейскую землю; некогда, во время осады города Атапаты, вышедшие из города жители победили полк его, и остался Веспасиан один, и прогнал войско их к городским воротам, и насмеялся над дружиной своей, и укорил ее, говоря: «Оставили вы меня одного». Так и князь Александр, – везде побеждая, был непобедим. И вот пришел некто знатный от западной страны, от тех, что зовут себя «слугами Божьими», желая повидать дивную силу его, как в древности царица Южская[129] приходила к Соломону, желая наслушаться премудрости его. Так и этот, по имени Андреяш[130], повидав князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и городов, но не видал нигде такого ни во царях царя, ни во князьях князя».

И слышал это король от страны Полуночной[131], о таком мужестве князя Александра Ярославича, и подумал: «Пойду завоюю землю Александрову». И собрал он войско большое, наполнил многие корабли полками своими и пошел в силе великой, злопыхая духом ратным. И когда дошел до реки Невы, шатаясь от безумия, послал он послов к князю Александру в Новгород Великий и сказал, гордясь: «Уже я здесь, хочу попленить землю твою, – если можешь, обороняйся».

Князь же Александр, когда услышал слова эти, распалился сердцем, вошел в церковь святой Софии, пал на колено перед алтарем и стал молиться со слезами Богу: «Боже прехвальный и праведный, Боже крепкий и великий. Боже вечный, сотворивший небо и землю, поставивший пределы народам и приказавший им жить, не переступая чужой земли!» И вспомнил песнь псаломскую[132] и сказал: «Суди, Господи, и рассуди распрю мою с обидящими меня, побори борющихся со мною; возьми оружие и щит и восстань на помощь мне». И окончив молитву, встал и поклонился архиепископу, архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же пошел из церкви, утирая слезы. И начал он крепить[133] дружину свою и сказал: «Не в силе Бог, но в правде. Помянем песнопевца Давида, который сказал: «Эти – оружием, иные – конями, мы же именем Господа Бога нашего хвалимся; поверженные, они пали, мы же восстали и стоим прямо». И сказав это, пошел на врагов с небольшой дружиной, не дожидаясь, когда соберется вся его сила, уповая на

святую Троицу.

Жалостно слышать, что отец Александра, великий Ярослав, не знал о беде, приключившейся его милому сыну, что не успел Александр вовремя послать весть отцу: враги уже приближались, и даже новгородцы многие не успели собраться, потому что князь торопился в поход.

И встретился он с врагами в воскресенье[134], на память святых отцов собора Халкидонского и на память святых Кирика и Улиты и святого Владимира – крестителя земли Русской. И крепко верил он в помощь святых мучеников Бориса и Глеба. Был там некий муж, старейшина земли Ижорской[135], по имени Пелгуй; ему был поручен дозор утренний морской. Был он крещен и жил среди рода своего, остававшегося в язычестве; при крещении дано было ему имя Филипп. И жил он богоугодно, в среду и в пятницу соблюдая пост. И сподобил его Бог увидеть видение необычайное. Какое – кратко расскажем.

Увидел он вражеское войско, идущее против князя Александра, и решил рассказать князю о станах их и укреплениях. Всю ночь не спал он, стоял на берегу моря и следил за путями. Когда стало светать, услышал он шум страшный на море и увидел судно, плывущее по морю, а посреди судна – Бориса и Глеба в одеждах червленых, держащих руки на плече друг у друга. А гребцы сидели словно мглою одеты. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему, князю Александру». Видя это видение и слыша беседу эту святых мучеников, стоял Пелгуй в трепете, пока не скрылось судно от глаз его.

Когда вскоре пришел князь Александр, Пелгуй с радостью встретил его и ему одному поведал о видении. Князь же ему сказал: «Никому не рассказывай об этом». И решил он напасть на врагов в шестом часу дня. И была крепкая сеча с римлянами[136]; побил он бесчисленное множество врагов и самого короля ранил в лицо острым своим копьем.

Здесь же в полку Александровом явились шесть мужей храбрых и сильных, которые бились вместе с ним крепко. Один – Гаврило, по прозвищу Алексич; увидев короля, которого тащили под руки, напал он на судно, въехал по доске до самого корабля, и побежали все от него, затем оборотились и с доски, по которой всходили на корабль, сбросили его с конем в море; он же с помощью Божьей выбрался из моря невредимым и снова напал на них и бился крепко с самим воеводою среди полков их. Другой же – новгородец, по имени Збыслав Якунович; этот не раз нападал на врагов, не имея страха в сердце своем и сражаясь одним топорком, и многие пали от его топорка; дивился князь

Александр Ярославич силе его и храбрости. Третий – Яков, родом полочанин, был он ловчим[137] у князя; этот напал на полк вражеский с мечом и мужественно бился, и похвалил его за это князь. Четвертый же – новгородец, по имени Миша; был он пеш и с дружиною своею потопил три корабля римлян. Пятый – из младшей дружины князя, именем Савва; этот наехал на большой шатер королевский златоверхий и подрубил столп шатерный; полки же Александровы очень радовались, когда увидели, как развалился этот шатер. Шестой же из слуг князя – по имени Ратмир; пешего окружили его враги, и от многих ран пал он и скончался. Обо всем этом слышал я от господина моего, князя Александра, и от других, кто в сече той участвовал. Было же в то время дивное чудо, подобное тому, какое было в древности при Езекии-царе, когда напал на Иерусалим Сеннахирим, царь ассирийский, желая взять в плен святой город Иерусалим: внезапно с неба спустился ангел Господень и избил 185 тысяч войска ассирийского; когда встали утром, нашли множество трупов. Так же было и после победы Александра, когда победил он короля; по обе стороны реки Ижоры, где полки Александровы пройти не могли, нашли множество побитых архангелом Божьим; оставшиеся побежали, а трупы мертвецов своих покидали на корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя Творца. На второй же год после этой победы Александра опять пришли те же из западной страны и построили город в земле Александровой[138]. Великий князь Александр немедля пошел на них, город срыл до основания, одних избил, других с собою привел, а иных помиловал и отпустил, ибо был он милостив без меры.

После победы Александра, когда победил он короля, на третий год зимой пошел он на землю Немецкую с большим войском – да не хвалятся они: «Посрамим народ славянский». Ведь уже взяли они город Псков[139] и тиунов[140] своих там понасажали. Князь Александр тиунов тех схватил, город Псков освободил от пленения, а землю их повоевал и пожег, много, без числа взял пленных, а других порубил. Собрались тогда немцы и, похваляясь, сказали: «Пойдем победим Александра, поймаем его руками». Когда стали они приближаться, стражи князя Александра проведали это. Князь Александр собрал войско и пошел навстречу врагам. И встретились они на Чудском озере – многое множество. Отец же его Ярослав послал ему в помощь брата его меньшего, князя Андрея, с большой дружиной. Много было и у князя Александра храбрых мужей, как в древности у царя Давида; крепкие и сильные, как у Давида-царя, мужи Александровы преисполнились духа ратного: сердца их были –

как сердца львов, и сказали они: «О княже наш славный, дорогой, время настало нам головы свои сложить за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал: «Суди, Господи, и рассуди распрю мою, от народа велеречивого[141] избави меня, помоги мне, Господи, как помог ты в старые годы Моисею[142] на Амалика и прадеду моему Ярославу[143] на окаянного Святополка». Была тогда суббота. Когда взошло солнце, полки сошлись. И затрещали копья, и звон мечей раздался, и была сечь столь злая, что лед на озере задвигался, льда не было видать, весь покрылся он кровью. И это слышал я от очевидца: «Видели мы на небе полк Божий, пришедший на помощь князю Александру». И победил Александр врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство. Так гнали и рубили врагов полки Александровы, словно неслись они по воздуху: некуда было тем бежать. Прославил тут Бог великого князя Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина в Иерихоне[144]. И того, кто похвалялся «руками поймаем великого князя Александра», предал Бог в руки его. И не нашлось никого, кто бы мог ему воспротивиться.

И возвратился князь Александр после победы со славою великою. Многое множество пленных было с ним; подле коней вели тех, кого называют они «рыцарями». Когда подошел князь Александр к Пскову, встретили его у города игумены[145] со крестами и попы в ризах, многие жители городские, хваля Бога и славя господина великого князя Александра: «Помог ты, Господи, Давиду кроткому победить иноплеменников и верному князю нашему Александру крестным оружием и рукою его освободить город Псков от иноязычных!»

О неразумные псковичи! Если забудете об этом до правнучат Александровых, уподобитесь тем иудеям, которые в пустыне питались манною и печеными перепелами и которые забыли об этом, как забыли и Бога, освободившего их от египетской неволи.

И прославлено было имя Александра во всех странах – до моря Понтийского[146] и до гор Араратских, по обе стороны моря Варяжского[147] и до Рима.

В то время умножился народ литовский, и начали они тревожить область Александрову. Он же стал их избивать. Случилось ему однажды выехать на них, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей и воевод, одних побил, других забрал в плен. Слуги же его привязали насильников к хвостам коней своих. И стали они бояться имени его.

В это же время объявился в стране восточной некий царь сильный[148], и покорил ему Бог многие народы от востока до запада. Прослышав про Александра, славного и храброго, послал тот царь к нему послов и приказал сказать: «Александр, разве не

знаешь, что Бог покорил мне многие народы! Ты ли один не хочешь покориться силе моей? Если хочешь уберечь землю свою, немедля приходи ко мне и увидишь славу царства моего». Князь же Александр после смерти отца своего пришел во Владимир с большим войском, и был грозен приезд его. Прошла весть об этом до устья Волги, и стали моавитянки[149] пугать детей своих: «Александр едет!» Посоветовался князь с дружиной, благословил его епископ Кирилл, и поехал он к тому царю. Посмотрел на него царь Батый, подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, нет князя подобного ему в отечестве его». И отпустил его с великой честью.

Потом же царь Батый разгневался на брата его меньшего, на князя Андрея, и послал на него своего воеводу Невруя, и разорял тот землю Суздальскую. Когда Невруй был взят в плен, великий князь Александр Ярославич церкви в Суздале восстановил, город отстроил, людей разбежавшихся вернул в дома их. Сказал о таких пророк Исайя: хороший князь – тих, приветлив, кроток и смирен – тем Богу подобен, не ищет богатства, сирот и вдовиц судит по правде, милостив, добр к домочадцам своим и гостеприимен к иноземцам. И за это исполняет Бог землю его богатством и славою и продлевает дни его.

Некогда же пришли послы из Рима от папы и так говорили князю Александру Ярославичу: «Папа наш сказал: «Слышал я, что ты князь славный и храбрый и что земля твоя велика. Того ради послал я к тебе от 12 моих кардиналов двух искуснейших, Агалдада и Гемонта, да послушаешь ученья их о законе Божьем». Князь же Александр подумал с мудрецами своими и так ему ответил: «От Адама до потопа и до разделения народов и до Авраама, от Авраама до прохода Израиля через море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царства Соломона до Августа и до рождества Христова, до распятия и воскресения, от воскресения и восшествия на небо до Константина-царя, от первого собора до седьмого – об всем этом я хорошо знаю». И добавил: «Учения вашего мы не примем». Они же возвратились восвояси.

Благословил Бог дни великого князя Александра Ярославича, ибо любил он иереев и монахов, митрополита же почитал, как самого Творца. Было тогда насилие великое от поганых язычников: сгоняли они христиан, приказывая ходить с ними в походы. Великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей от беды, а брата своего меньшего Ярослава и своего сына Дмитрия послал с новгородцами в западные страны и все полки свои отпустил с ними. Пошел же Ярослав с племянником своим и большим войском и взял город Юрьев Немецкий[150], и вернулся

назад со множеством пленников и с великою честью. Князь же Александр, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Новгороде Нижнем и пробыл здесь несколько дней, а когда дошел до Городка – разболелся.

О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать ты кончину господина своего! Как не выпадут зеницы[151] твои вместе со слезами! Как не разорвется сердце от горькой печали! Отца человек может забыть, а доброго господина забыть не может: хотел бы живым вместе с ним в гроб лечь. Великий же князь Александр, ревнуя по Господе крепко, оставил царство земное и, желая небесного, принял ангельский образ[152], а потом сподобил его Бог воспринять и высший чин – схиму[153]. И так с миром предал Господу дух свой, скончался месяца ноября в 14-й день[154], на память святого апостола Филиппа.

Сказал тогда митрополит Кирилл людям: «Дети мои, разумейте, – закатилось солнце земли Суздальской». Игумены же, и священники, и дьяконы, черноризцы[155], богатые и нищие, весь народ тогда громко воскричал: «Уже погибаем!» Святое же тело его понесли ко Владимиру. Митрополит со всем чином церковным, князья, и бояре, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ теснился, желая приступить ко гробу его. Был плач великий и крик и стон такой, какого еще никогда не было, – от крика и стона этого земля дрогнула. Случилось тогда дивное чудо, достойное памяти. По окончании святой службы над телом князя подошли ко гробу Кирилл-митрополит и его эконом Севастьян и хотели разогнуть руку князя, чтобы вложить в нее прощальную грамоту. Князь же, как живой, сам протянул руку и принял грамоту из руки митрополита. Страх и ужас напали тогда на всех. И положили честное тело его в церкви Рождества Богородицы месяца ноября в 23-й день, на память святого епископа Амфилохия, со псалмами и песнопениями, славя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Вопросы и задания

1. Как в житии представлен облик Александра – человека и государственного деятеля?

2. Какой период жизни князя лег в основу жития?

3. Как в произведении утверждается мысль о святости князя?

4. Какие его деяния причисляют его к лику святых?

5. Какую роль играет в житии образ повествователя?

6. Как проявляется в житии патриотизм автора?

7. Какую художественную роль играет в житии прямая речь?

8. Подготовь выразительное чтение жития.

9. На основе прочитанного жития подготовь рассказ о деяниях князя Александра Невского.

Читательская лаборатория
Как научиться различать фольклорное и литературное произведения

Главное отличие литературы от фольклора состоит в том, что это – авторское творчество, воплощающее нравственно-эстетический идеал конкретного человека. Напомним, фольклорное произведение – плод устного народного творчества, созданный на основе общенародного идеала.

Первое правило. Чтобы научиться различать фольклорное и литературное произведения, необходимо после внимательного чтения и исследования текста убедиться в наличии позиции конкретного автора на страницах произведения или ее отсутствии.

Ответим на вопрос: «Житие Александра Невского» – произведение фольклорное или литературное?» Наша общая задача – «увидеть» присутствие или отсутствие автора в тексте этого произведения. Давай учиться это делать.

Авторское «я» в «Житии Александра Невского» появляется в самом начале повествования: «…я, ничтожный, грешный и неразумный, начинаю описывать жизнь князя Александра Ярославича, внука Всеволода». Дальнейшая работа с текстом позволяет нам собрать материал для характеристики автора-повествователя: он был лично знаком с князем Александром, «сам был свидетелем деяний его», «слышал о нем от отцов»… «и от других, кто в сече участвовал». Есть в тексте и самооценка автора: «Хотя и прост я умом…»

Присутствие автора в тексте можно определить по повествованию, которое ведется от авторского «я».

В литературном произведении, даже если автор не является его героем и авторское мнение не высказывается напрямую, оно все равно есть. Только выражено неявно, скрыто. Например, через описание внешности героя.

Найдите в тексте портрет князя Александра. *Как в описании внешности князя выражено авторское к нему отношение?* «Рост его был выше других людей, голос его – **как труба в народе…»** Авторское сравнение, то есть сравнение, использованное только этим автором, позволяет автору-повествователю выразить свою мысль о силе героя. Общеизвестно, что Александр Невский был сильным человеком, а индивидуальное, авторское отношение нашло свое выражение в том, как об этой силе сказано. В другом авторском произведении об этой силе было бы сказано по-

другому. Приведем еще несколько примеров проявления авторского отношения к герою: «Князь же Александр, когда услышал слова эти, **распалился сердцем…»** «Он же пошел из церкви, **утирая слезы».** Наиболее эмоционально авторское отношение к герою звучит в авторском слове о кончине князя Александра: «О горе тебе, бедный человек!.. Как не разорвется сердце от горькой печали… хотел бы живым в гроб лечь».

Присутствие автора в тексте заявляет о себе и явным выражением авторского отношения к герою. Отсюда **второе правило.** Чтобы научиться отличать литературное произведение от фольклорного, надо установить, есть ли явно выраженное отношение автора к героям и событиям.

В отличие от фольклорного, в литературном произведении дается авторская оценка героя. Авторская оценка, как правило, выражена прямо и дает ответ на вопрос: какой он, главный герой произведения? Например: «Великий князь Александр немедля пошел на них, город срыл до основания, одних избил, других с собой привел, а иных помиловал и отпустил, ибо он был **милостив без меры».**

Присутствие автора в тексте проявляется также в индивидуальной авторской оценке, выраженной в оценочном суждении о герое или событии. Твоя задача, найти в тексте эти оценки. **Это правило третье.**

Авторское отношение и авторская оценка являются наиболее очевидным проявлением авторской позиции в тексте художественного произведения. Авторская позиция – система авторских ценностей, которые утверждаются или отвергаются автором. В самом начале жития читаем: **«…рад был поведать** о его праведной и славной жизни». В этих словах – выражение авторской позиции по отношению к жизни князя Александра. Возможность рассказать о таком человеке – это радость, счастье и честь. Жизнь Александра, его подвиги в защиту родной земли и русского народа, чудеса после его кончины – все это, безусловно, ценно для земли Русской, веры православной, а потому ценно и для самого автора.

Выражением авторской позиции в «Житии Александра Невского» является и цитирование Священного Писания, которое использует автор в своем повествовании о князе Александре и его великих деяниях.

Нагла работа с текстом позволяет сделать вывод: «Житие Александра Невского» – произведение литературное, хотя мы и не знаем имени его автора.

Итак, в фольклорном произведении, созданном коллективным творчеством, выражается общее, присущее многим

представление о жизни; выражается, как правило, в устоявшихся характеристиках, оборотах речи, приемах построения художественного мира произведения. В литературном произведении в авторском отношении к героям и событиям, в авторской оценке и авторской позиции писатель проявляет свою индивидуальность. Это только надо увидеть, а мы теперь умеем это делать.

Четвертый урок волшебства

Литература как поэтическая память народа

Ты наверняка обратил внимание, что писатели часто обращаются к историческому прошлому, а читатели охотно берут книги, созданные авторами, жившими давным-давно. Нередко повествование о далеких временах захватывает нас больше, чем рассказ о современной жизни. В этом тоже скрывается тайна.

История человечества весьма длительна и богата разнообразными событиями. Подумай, что было, если бы каждое последующее поколение осваивало бы всю сумму знаний и опыта, накопленную их предшественниками, да еще и стремилось бы внести свою лепту. Какая голова выдержала бы такое обилие информации? Какой учебник смог бы вместить все необходимые сведения? Какой учитель сумел бы научить пользоваться этими сокровищами?

С другой стороны, если бы человечество не передавало свой опыт от поколения к поколению, людям всякий раз приходилось бы заново совершать одни и те же открытия, повторяя массу

одних и тех же ошибок.

Противоречие это было бы совершенно неразрешимым, если бы не существовало искусство, так как искусство обладает удивительной способностью сохранять человеческий опыт в художественной форме. Словесность – это, кроме всего прочего, историческая память народа.

Вспомни-ка произведения, о которых мы говорили совсем недавно: в «Песни о Роланде» сохраняется память о битве в Ронсевальском ущелье, былины Киевского цикла рассказывают о героической борьбе русского народа в период, когда еще не началось летописание. Р. Л. Стивенсон обращается к кельтскому прошлому своей родины…

Нет необходимости убеждать тебя в том, что ты уже сам узнал достаточно хорошо. Но я хочу предупредить тебя о необходимости четкого разграничения мифотворчества и литературного осмысления исторических процессов.

Историческая память литературы невозможна без вмешательства творческого воображения автора и использования художественной условности. Литература ведь не наука, а один из видов искусства. Автор может вводить в повествование вымышленные персонажи, может соединять вместе разные исторические события, может использовать в произведении не только легенды, но и мифы. Однако его свобода ограничена. Если о каком-то событии нам ничего не известно, кроме легендарных сведений, автор вправе опираться на легенду. Но если в его распоряжении есть исторические источники или свидетельства очевидцев, он опирается на них. Смешно и глупо было бы, рассказывая о войне 1812 года, утверждать, что русские войска на Бородинском поле возглавлял Добрыня Никитич.

Чтобы избежать подобных ошибок, писатель использует принцип историзма. Суть историзма заключается в том, что автор, опираясь на все находящиеся в его распоряжении данные, создает художественный мир, в котором историческое событие существовало бы не само по себе, а как результат каких-то предшествовавших ему событий. Кроме того, само изображенное событие еще не завершает исторический процесс, но готовит какие-то новые события. Именно так в литературе устанавливается связь времен.

Запомни все это, пожалуйста, хорошенько, а чтобы тебе легче было понять мой урок, поясню его примерами. Обратимся к балладе Р. Л. Стивенсона «Вересковый мед». Почему шотландский король позволяет себе так резко разговаривать с пиктами? Потому что он уже завоевал их земли и истребил тех, кто оказывал ему сопротивление. Вот что предшествовало допросу

пиктов. А что будет в дальнейшем? Нетрудно понять, что невозможно обратить в рабство народ, который предпочитает смерть неволе. И действительно, пикты были все истреблены, но не покорились. Еще один пример. В балладе А. К. Толстого Илья Муромец, отправляющийся в дозор, очень хорошо дает понять, что произойдет, когда богатырские заставы останутся без него и его старых соратников. Сможет ли «молодежь» Владимира, предпочитающая пиры ратной службе, уберечь рубежи Руси?

Мы с тобой хорошо знаем, что в словесном искусстве недостаточно точно изложить какие-либо факты. Нужно, чтобы они заинтересовали читателя, пробудили в нем сочувствие. Необходимо, чтобы он почувствовал себя участником изображаемых событий. А значит, автор стремится создать такой художественный мир произведения, чтобы в нем царила атмосфера исторического прошлого.

Представь себе, например, палаты царя Ивана Грозного. Сам царь в джинсах и ветровке смотрит видеомагнитофон, а его бояре рассуждают о космической станции. Такое возможно только в пародии или сатирическом произведении.

Совсем другое дело, если автор опишет лавки в палатах, соболью шубу царя, лампаду, теплящуюся перед иконой… Умение подобрать необходимые слова и детали для создания в художественном мире произведения атмосферы прошлого называется *историческим колоритом.*

Для создания исторического колорита авторы не только используют достоверные источники, но вводят в повествование историзмы и архаизмы. *Историзмы* – это названия предметов и явлений прошлого: бояре, меч, прялка, сбор дани и т. п. *Архаизмы* – это устаревшие слова и обороты речи. Вот, например, слова Ильи Муромца в балладе А. К. Толстого: «Но обнес меня ты чарой в очередь мою…» Здесь рядом с историзмом «чара» соседствует архаизм «обнес» в значении «не дал». Эти слова способствуют созданию исторического колорита в балладе.

А теперь подумай, какие средства создания исторического колорита ты можешь отметить в уже знакомых тебе произведениях из нашей магической книги.

Николай Михайлович Карамзин

Николай Михайлович Карамзин был удивительно образованным и одаренным человеком. Он стал одним из первых русских профессиональных журналистов, и его журнал «Вестник Европы» читали все, кто интересовался литературой того времени (а творчество Н. М. Карамзина падает на последние годы XVIII и первые годы XIX века), он писал стихи и прозу, а среди его учеников и друзей был А. С. Пушкин.

Н. М. Карамзин очень любил свою Родину и серьезно изучал ее прошлое. Итогом этого изучения явилась многотомная «История государства Российского», труд, оказавший огромное воздействие на всех прогрессивных людей XIX столетия и использовавшийся в качестве научного источника многими русскими писателями, в том числе и А. С. Пушкиным.

Увлечение русской историей повлияло на собственные сочинения Н. М. Карамзина, в чем ты легко убедишься, прочитав «Наталью, боярскую дочь». В этом произведении писатель обращается к образам предков, когда-то живших на Руси. Но он пишет не историческое произведение, опирающееся на конкретные исторические факты, а с помощью воображения создает художественный мир, в котором причудливо переплетаются черты народной сказки, легенды и приключенческой повести. Обрати внимание, в самом начале повествования автор не случайно обращается к образу «бабушки своего дедушки», которая в «царстве воображения» якобы поведала эту историю. Воспроизводя какие-то детали и приметы исторического прошлого, автор тем не менее опирается именно на устное предание, а испытания, выпадающие на долю героев, отдаленно напоминают испытания, через которые должны пройти герои народных сказок, чтобы обрести свое счастье.

В то же время ты легко почувствуешь, что и Наталья, и Алексей не только говорят тем же языком, что и повествователь, но и многие их мысли и чувства скорее похожи на мысли и чувства человека конца XVIII века. Не торопись осуждать за это автора. В таком построении художественного мира произведения и проявляется главная задача писателя.

Выяснить, когда происходят события, далеко не просто. Н. М. Карамзин, очень хорошо знавший русскую историю, не пожелал точно обозначить время действия для того, чтобы своим повествованием связать прошлое и настоящее, напомнить читателям о благородстве души и патриотизме их предков, вызвать чувство гордости за них. В то время, когда писал

Н. М. Карамзин, многие говорили об отсталости России и советовали учиться у Запада. Да и самого автора «Натальи, боярской дочери» упрекали в увлечении всем английским. Прочитай повнимательнее Н. М. Карамзина, и ты увидишь, насколько неразумны эти упреки. Писатель призывает гордиться своей Родиной, ее прошлым, ее национальными традициями.

> А на вопрос, почему следует гордиться своими предками, я думаю, ты сумеешь ответить и сам, если задумаешься над тем, *в чем проявляется патриотизм Алексея? Чем заслужил уважение царя и бояр Матвей? Какими принципами руководствуются все главные персонажи в своих поступках?*

Наталья, боярская дочь

Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали? По крайней мере я люблю сии времена; люблю на быстрых крыльях воображения летать в их отдаленную мрачность, под сению давно истлевших вязов искать брадатых моих предков, беседовать с ними о приключениях древности, о характере славного народа русского и с нежностию целовать ручки у моих прабабушек, которые не могут насмотреться на своего почтительного правнука, не могут наговориться со мною; надивиться моему разуму, потому что я, рассуждая с ними о старых и новых модах, всегда отдаю преимущество их подкапкам[156] и шубейкам перед нынешними bonnets á la…[157] и всеми галло-албионскими[158] нарядами, блистающими на московских красавицах в конце осьмого-надесять[159]века. Таким образом (конечно понятным для всех читателей), старая Русь известна мне более, нежели многим из моих сограждан, и если угрюмая Парка[160] еще несколько лет не перережет жизненной моей нити, то наконец не найду я и места в голове своей для всех анекдотов[161] и повестей, рассказываемых мне жителями прошедших столетий. Чтобы облегчить немного груз моей памяти, намерен я сообщить любезным читателям одну быль или историю, слышанную мною в области теней, в царстве воображения, от бабушки моего дедушки, которая в свое время почиталась весьма красноречивою и почти всякий вечер сказывала сказки царице NN. Только страшусь обезобразить повесть ее; боюсь, чтобы старушка не примчалась на облаке с того света и не наказала меня клюкою

своею за худое риторство[162]… Ах нет! Прости безрассудность мою, великодушная тень, – ты неудобна[163] к такому делу! В самой земной жизни своей была ты смирна и незлобна, как юная овечка; рука твоя не умертвила здесь ни комара, ни мушки, и бабочка всегда спокойно отдыхала на носу твоем: итак, возможно ли, чтобы теперь, когда ты плаваешь в море неописанного блаженства и дышишь чистейшим эфиром неба, – возможно ли, чтобы рука твоя поднялась на твоего покорного праправнука? Нет! Ты дозволишь ему беспрепятственно упражняться в похвальном ремесле марать бумагу, взводить небылицы на живых и мертвых, испытывать терпение своих читателей и, наконец подобно вечно зевающему богу Морфею[164], низвергать их на мягкие диваны и погружать в глубокий сон… Ах! В самую сию минуту вижу необыкновенный свет в темном моем коридоре, вижу огненные круги, которые вертятся с блеском и треском и, наконец, – о чудо! – являют мне твой образ, образ неописанной красоты, неописанного величества! Очи твои сияют, как солнцы; уста твои алеют, как заря утренняя, как вершины снежных гор при восходе дневного светила, – ты улыбаешься как юное творение в первый день бытия своего улыбалось, и в восторге слышу сладкогремящие слова твои: «Продолжай, любезный мой праправнук!» Так, я буду продолжать, буду; и, вооружась пером, мужественно начертаю историю Натальи, боярской дочери. Но прежде должно мне отдохнуть; восторг, в который привело меня явление прапрабабушки, утомил душевные мои силы. На несколько минут кладу перо – и сии написанные строки да будут вступлением или предисловием!

В престольном граде славного Русского царства, в Москве белокаменной, жил боярин Матвей Андреев, человек богатый, умный, верный слуга царский и, по обычаю русских, великий хлебосол. Он владел многими поместьями и был не обидчиком, а покровителем и заступником своих бедных соседей, – чему в наши просвещенные времена, может быть, не всякий поверит, но что в старину совсем не почиталось редкостию. Царь называл его правым глазом своим, и правый глаз никогда царя не обманывал. Когда ему надлежало разбирать важную тяжбу, он призывал к себе в помощь боярина Матвея, и боярин Матвей, кладя чистую руку на чистое сердце, говорил: «Сей прав (не по такому-то указу, состоявшемуся в таком-то году, но) по моей совести», – и совесть его была всегда согласна с правдою и с совестию царскою. Дело решалось без замедления: правый подымал на небо слезящее око благодарности, указывая рукою на доброго государя и доброго боярина, а виновный бежал в густые леса сокрыть стыд своей от человеков.

Еще не можем мы умолчать об одном похвальном обыкновении боярина Матвея, обыкновении, которое достойно подражания во всяком веке и во всяком царстве, а именно, в каждый дванадесятый[165] праздник поставлялись длинные столы в его горницах, чистыми скатертьми накрытые, и боярин, сидя на лавке подле высоких ворот своих, звал к себе обедать всех мимоходящих бедных[166] людей, сколько их могло поместиться в жилище боярском; потом, собрав полное число, возвращался в дом и, указав место каждому гостю, садился сам между ими. Тут в одну минуту являлись на столах чаши и блюда, и ароматической пар горячего кушанья, как белое тонкое облако, вился над головами обедающих. Между тем хозяин ласково беседовал с гостями, узнавал их нужды, подавал им хорошие советы, предлагал свои услуги и наконец веселился с ними, как с друзьями. Так в древние патриархальные времена, когда век человеческий был не столь краток, почтенными сединами украшенный старец насыщался земными благами со многочисленным своим семейством – смотрел вокруг себя и, видя на всяком лице, во всяком взоре живое изображение любви и радости, восхищался в душе своей. После обеда все неимущие братья, наполнив вином свои чарки, восклицали в один голос: «Добрый, добрый боярин и отец Наш! Мы пьем за твое здоровье! Сколько капель в наших чарках, столько лет живи благополучно!» Они пили, и благодарные слезы их капали на белую скатерть.

Таков был боярин Матвей, верный слуга царский, верный друг человечества. Уже минуло ему шестьдесят лет, уже кровь медленнее обращалась в жилах его, уже тихое трепетание сердца возвещало наступление жизненного вечера и приближение ночи – но доброму ли бояться сего густого, непроницаемого мрака, в котором теряются дни человеческие? Ему ли страшиться его тенистого пути, когда с ним доброе сердце его, когда с ним добрые дела его? Он идет вперед бестрепетно, наслаждается последними лучами заходящего светила, обращает покойный взор на прошедшее и с радостным – хотя темным, но не менее того радостным – предчувствием заносит ногу в оную неизвестность. – Любовь народная, милость царская были наградою добродетели старого боярина; но венцом его счастия и радостей была любезная Наталья, единственная дочь его. Уже давно оплакал он мать ее, которая заснула вечным сном в его объятиях, но кипарисы супружеской любви[167] покрылись цветами любви родительской – в юной Наталье увидел он новый образ умершей, и, вместо горьких слез печали, воссияли в глазах его сладкие слезы нежности. Много цветов в поле, в рощах и на лугах зеленых, но нет подобного розе; роза всех прекраснее; много было

красавиц в Москве белокаменной, ибо царство Русское искони почиталось жилищем красоты и приятностей, но никакая красавица не могла сравняться с Натальею – Наталья была всех прелестнее. Пусть читатель вообразит себе белизну италиянского мрамора и кавказского снега: он все еще не вообразит белизны лица ее – и, представя себе цвет зефировой любовницы[168], все еще не будет иметь совершенного понятия об алости щек Натальиных.

Я боюсь продолжать сравнение, чтобы не наскучить читателю повторением известного, ибо в наше роскошное время весьма истощился магазин[169] пиитических уподоблений красоты, и не один писатель с досады кусает перо свое, ища и не находя новых. Довольно знать и того, что самые богомольные старики, видя боярскую дочь у обедни, забывали класть земные поклоны, и самые пристрастные матери отдавали ей преимущество перед своими дочерями. Сократ[170] говорил, что красота телесная бывает всегда изображением душевной. Нам до́лжно поверить Сократу, ибо он был, во-первых, искусным ваятелем (следственно, знал хорошо красоту душевную). По крайней мере наша прелестная Наталья имела прелестную душу, была нежна, как горлица, невинна, как агнец[171], мила, как май месяц; одним словом, имела все свойства благовоспитанной девушки, хотя русские не читали тогда ни Локка «О воспитании»[172], ни Руссова «Эмилия»[173] – во-первых, для того что сих авторов еще и на свете не было, а во-вторых, и потому, что худо знали грамоте – не читали и воспитывали детей своих, как натура[174] воспитывает травки и цветочки, то есть поили и кормили их, оставляя все прочее на произвол судьбы; но сия судьба была к ним милостива и за доверенность, которую имели они к ее всемогуществу, награждала их почти всегда добрыми детьми, утешением и подпорою их старых дней.

Один великий психолог, которого имени я, право, не упомню, сказал, что описание дневных упражнений человека есть вернейшее изображение его сердца. По крайней мере я так думаю и с дозволения моих любезных читателей опишу, как Наталья, боярская дочь, проводила время свое от восхода до заката красного солнца. Лишь только первые лучи сего великолепного светила показывались из-за утреннего облака, изливая на тихую землю жидкое, неосязаемое золото, красавица наша пробуждалась, открывала черные глаза свои и, перекрестившись белою атласною, до нежного локтя обнаженною рукою, вставала, надевала на себя тонкое шелковое платье, камчатную телогрею и с распущенными темно-русыми волосами подходила к круглому окну высокого своего терема, чтобы взглянуть на прекрасную

картину оживляемой натуры, – взглянуть на златоглавую Москву, с которой лучезарный день снимал туманный покров ночи и которая, подобно какой-нибудь огромной птице, пробужденной гласом утра, в веянии ветерка стряхивала с себя блестящую росу, – взглянуть на московские окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, которая, как сизый, кудрявый дым, терялась от глаз в неизмеримом отдалении и где жили тогда все дикие звери севера, где страшный рев их заглушал мелодии птиц поющих. С другой стороны являлись Натальину взору сверкающие изгибы Москвы-реки, цветущие поля и дымящиеся деревни, откуда с веселыми песнями выезжали трудолюбивые поселяне на работы свои, – поселяне, которые и по сие время ни в чем не переменились, так же одеваются, так живут и работают, как прежде жили и работали, и среди всех изменений и личин представляют нам еще истинную русскую физиогномию. Наталья смотрела, опершись на окно, и чувствовала в сердце своем тихую радость; не умела красноречиво хвалить натуры, но умела ею наслаждаться; молчала и думала: «Как хороша Москва белокаменная! Как хороши ее окружности!» Но того не думала Наталья, что сама она в утреннем своем наряде была всего прекраснее. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидениями, красила нежные щеки ее алейшим румянцем, солнечные лучи играли на белом лице и, проницая сквозь черные, пушистые ресницы, сияли в глазах ее светлее, нежели на золоте. Волосы, как темно-кофейный бархат, лежали на плечах и на белой полуоткрытой груди, но скоро прелестная скромность, стыдясь самого солнца, самого ветерка, самых немых стен, закрывала ее полотном тонким. Потом будила она свою няню, верную служанку ее покойной матери: «Вставай, мама[175]! – говорила Наталья. – Скоро заблаговестят к обедне». Мама вставала, одевалась, называла свою барышню раннею птичкою, умывала ее ключевою водою, чесала ее длинные волосы белым костяным гребнем, заплетала их в косу и украшала голову наглей прелестницы жемчужною повязкою. Таким образом снарядившись, дожидались они благовеста и, заперев замком светлицу свою (чтобы в отсутствие их не закрался в нее какой-нибудь недобрый человек), отправлялись к обедне. «Всякий день?» – спросил читатель. Конечно, – таков был в старину обычай – и разве зимою одна жестокая вьюга, а летом проливной дождь с грозою могли тогда удержать красную девицу от исполнения сей набожной должности. Становясь всегда в уголке трапезы, Наталья молилась Богу с усердием и между тем исподлобья посматривала направо и налево. В старину не было ни клобов, ни маскарадов, куда ныне ездят себя казать и других

смотреть; итак, где же, как не в церкви, могла тогда любопытная девушка поглядеть на людей? После обедни Наталья раздавала всегда несколько копеек бедным людям и приходила к своему родителю с нежною любовию поцеловать его руку. Старец от радости, видя, что дочь его день ото дня становится лучше и милее, и не знал, как благодарить Бога за такой неоцененный дар, за такое сокровище. Наталья садилась подле него или шить в пяльцах, или плести кружево, или сучить шелк, или низать ожерелье. Нежный родитель хотел смотреть на работу ее, но вместо того смотрел на нее самое и наслаждался безмолвным умилением. Читатель! Знаешь ли ты по собственному опыту родительские чувства? Если нет, то вспомни по крайней мере, как любовались глаза твои пестрою гвоздичкою или беленьким ясмином[176], тобою посаженным, с каким удовольствием рассматривал ты их краски и тени и сколь радовался мыслию: «Это – мой цветок; я посадил его и вырастил!», вспомни и знай, что отцу еще веселее смотреть на милую дочь и веселее думать: «Она – моя!» После русского сытного обеда боярин Матвей ложился отдыхать, а дочь свою с ее мамою отпускал гулять или в сад, или на большой зеленый луг, где ныне возвышаются Красные ворота с трубящею Славою[177]. Наталья рвала цветы, любовалась летающими бабочками, питалась благоуханием трав, возвращалась домой весела и покойна и принималась снова за рукоделье. Наступал вечер – новое гулянье, новое удовольствие; иногда же юные подруги приходили делить с нею часы прохлады[178]и разговаривать о всякой всячине. Сам добрый боярин Матвей бывал их собеседником, если государственные или нужные домашние дела не занимали его времени. Седая борода его не пугала молодых красавиц; он умел забавлять их приятным образом и рассказывал им приключения благочестивого Владимира и могучих богатырей российских.

Зимою, когда нельзя было гулять ни в саду, ни в поле, Наталья каталась в санях по городу и ездила по вечеринкам, на которые собирались одни девушки, тешиться и веселиться и невинным образом сокращать время. Там мамы и няни выдумывали для своих барышень разные забавы: играли в жмурки, прятались, хоронили золото, пели песни, резвились, не нарушая благопристойности, и смеялись без насмешек, так что скромная и целомудренная дриада могла бы всегда присутствовать на сих вечеринках. Глубокая полночь разлучала девушек, и прелестная Наталья в объятиях мрака наслаждалась покойным сном, которым всегда юная невинность наслаждается.

Так жила боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ее наступила; травка зазеленелась, цветы расцвели в поле,

жаворонки запели – и Наталья, сидя поутру в светлице своей под окном, смотрела в сад, где с кусточка на кусточек порхали птички и, нежно лобызаясь своими маленькими носиками, прятались в густоту листьев. Красавица в первый раз заметила, что они летали парами – сидели парами и скрывались парами. Сердце ее будто бы вздрогнуло – как будто бы какой-нибудь чародей дотронулся до него волшебным жезлом своим! Она вздохнула – вздохнула другой и в третий раз – посмотрела вокруг себя – увидела, что с нею никого не было, никого, кроме старой няни (которая дремала в углу горницы на красном весеннем солнышке), – опять вздохнула, и вдруг бриллиантовая слеза сверкнула в правом глазе ее, – потом и в левом – и обе выкатились – одна капнула на грудь, а другая остановилась на румяной щеке, в маленькой нежной ямке, которая у милых девушек бывает знаком того, что Купидон[179] целовал их при рождении. Наталья подгорюнилась – чувствовала некоторую грусть, некоторую томность в душе своей; все казалось ей не так, все неловко; она встала и опять села, наконец, разбудив свою маму, сказала ей, что сердце у нее тоскует. Старушка начала крестить милую свою барышню и с некоторыми набожными оговорками[180] бранить того человека, который взглянул на прекрасную Наталью нечистым глазом или похвалил ее прелести нечистым языком, не от чистого сердца, не в добрый час, ибо старушка была уверена, что ее сглазили и что внутренняя тоска ее происходит не от чего другого. Ах, добрая старушка! Хотя та и долго жила на свете, однако ж многого не знала; не знала, что и как в некоторые лета начинается у нежных дочерей боярских; не знала… Но, может быть, и читатели (если до сей минуты они все еще держат в руках книгу и не засыпают), – может быть, и читатели не знают, что за беда случилась вдруг с наглею героинею, чего она искала глазами в горнице, отчего вздыхала, плакала, грустила. Известно, что до сего времени веселилась она, как вольная пташка, что жизнь ее текла, как прозрачный ручеек стремится по беленьким камешкам между злачных, цветущих бережков; что ж сделалось с нею? Скромная Муза, поведай!..

С небесного лазоревого свода, а может быть, откуда-нибудь и повыше, слетела, как маленькая птичка колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху и влетела в Натальино нежное сердце – потребность любить, любить, любить!!! Вот вся загадка; вот причина красавицыной грусти – и если она покажется кому-нибудь из читателей не совсем понятною, то пусть требует он подробнейшего изъяснения от любезнейшей ему осьмнадцатилетней девушки.

С сего времени Наталья во многом переменилась – стала не

так жива, не так резва – иногда задумывалась, – и хотя по-прежнему гуляла в саду и в поле, хотя по-прежнему проводила вечера с подругами, но не находила ни в чем прежнего удовольствия. Так человек, вышедший из лет детства, видит игрушки, которые составляли забаву его младенчества, – берется за них, хочет играть, но, чувствуя, что они уже не веселят его, оставляет их со вздохом. Красавица наша не умела самой себе дать отчета в своих новых, смешанных, темных чувствах. Воображение представляло ей чудеса. Например, часто казалось ей (не только во сне, но даже и наяву), что перед нею, в мерцании отдаленной зари, носится какой-то образ, прелестный, милый призрак, который манит ее к себе ангельскою улыбкою и потом исчезает в воздухе. «Ах! – восклицала Наталья, и простертые руки ее медленно опускались к земле. Иногда же воспаленным мыслям ее представлялся огромный храм, в который тысячи людей, мужчин и женщин спешили с радостными лицами, держа друг друга за руку. Наталья хотела также войти в него, но невидимая рука удерживала ее за одежду, и неизвестный голос говорил ей: «Стой в притворе[181] храма; никто без милого друга не входит в его внутренность». Она не понимала сердечных своих движений, не знала, как толковать сны свои, не разумела, чего желала, но живо чувствовала какой-то недостаток в душе своей и томилась. Так, красавицы! ваша жизнь с некоторых лет не может быть счастлива, если течет она, как уединенная река в пустыне, а без милого пастушка целый свет для вас пустыня, и веселые голоса подруг, веселые голоса птичек кажутся вам печальными отзывами уединенной скуки. Напрасно, обманывая самих себя, хотите вы пустоту души своей наполнить чувствами девической дружбы, напрасно избираете лучшую из подруг своих в предмет нежных побуждений вашего сердца! Нет, красавицы, нет! Сердце ваше желает чего-то другого: оно хочет такого сердца, которое не приближалось бы к нему без сильного трепета, которое вместе с ним составляло бы одно чувство, нежное, страстное, пламенное, – а где найти его, где? Конечно, не в Дафне, конечно, не в Хлое[182], которые вместе с вами могут только горевать, тайно или явно – горевать и крушиться, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите в хладной дружбе, но что найдете – или в противном случае вся жизнь ваша будет беспокойным, тяжелым сном, – найдете в тени миртовой[183] беседки, где сидит теперь в унынии, в тоске милый юноша с светло-голубыми или черными глазами и в печальных песнях жалуется на вашу наружную жестокость. Любезный читатель! Прости мне сие отступление! Не один Стерн[184] был рабом пера своего. Обратимся снова к нашей повести.

Боярин Матвей скоро приметил, что Наталья стала пасмурнее: родительское сердце его потревожилось. Он расспрашивал ее с нежною заботливостию о причине такой перемены и, наконец, заключив, что дочь его не может, отправил нарочного гонца к столетней тетке своей, которая жила в темноте Муромских лесов, собирала травы и коренья, обходилась[185] более с волками и медведями, нежели с людьми русскими, и прослыла если не чародейкою, то по крайней мере велемудрою старушкою, искусною в лечении всех недугов человеческих. Боярин Матвей описал ей все признаки Натальиной болезни и просил, чтобы она посредством своего искусства возвратила внуке[186] здравие, а ему, старику, радость и спокойствие. Успех сего посольства[187] остается в неизвестности; впрочем, нет большой нужды и знать его. Теперь должны мы приступить к описанию важнейших приключений.

Время и в старину так же скоро летело, как ныне, и между тем как наша красавица вздыхала и томилась, год перевернулся на оси своей: зеленые ковры весны и лета покрылись пушистым снегом, грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дохнула вьюгами на Русское царство, то есть зима наступила, и Наталья по своему обыкновению пошла однажды к обедне. Помолившись с усердием, она не нарочно обратила глаза свои к левому крылосу[188] – и что же увидела? Прекрасный молодой человек, в голубом кафтане с золотыми пуговицами, стоял так, как царь среди всех прочих людей, и блестящий проницательный взор его встретился с ее взором. Наталья в одну секунду вся закраснелась, и сердце ее, затрепетав сильно, сказало ей: «Вот он!..» Она потупила глаза свои, но ненадолго; снова взглянула на красавца, снова запылала в лице своем и снова затрепетала в своем сердце. Ей казалось, что любезный призрак, который ночью и днем прельщал ее воображение, был не что иное, как образ сего молодого человека, – и потому она смотрела на него, как на своего милого знакомца. Новый свет воссиял в душе ее, как будто бы пробужденной явлением солнца, но еще не пришедшей в себя после многих несвязных и замешанных сновидений, волновавших ее в течение долгой ночи. «Итак, – думала Наталья, – итак, подлинно есть на свете такой милый красавец, такой человек – такой прелестный юноша?.. Какой рост! Какая осанка! Какое белое, румяное лицо! А глаза, глаза у него как молния; я, робкая, боюсь глядеть на них. Он на меня смотрит, смотрит очень пристально – даже и тогда, когда молится. Конечно, и я знакома ему; может быть, и он, подобно мне, грустил, вздыхал, думал, думал и видел меня, – хотя темно, однако ж видел так, как я видела его в душе моей».

Читатель должен знать, что мысли красных девушек бывают очень быстры, когда в сердце у них начинает ворошиться то, чего они долго не называют именем и что Наталья в сии минуты чувствовала. Обедня показалась ей очень коротка. Няня десять раз дергала ее за камчатную телогрею[189] и десять раз говорила ей: «Пойдем, барышня; все кончилось». Но барышня все еще не трогалась с места, для того и прекрасный незнакомец стоял как вкопанный подле левого крылоса; они посматривали друг на друга и тихонько вздыхали. Старая мама, по слабости зрения своего, ничего не видала и думала, что Наталья читает про себя молитвы и для того нейдет из церкви. Наконец дьячок загремел ключами: тут красавица опомнилась и, видя, что церковь хотят запирать, пошла к дверям, а за нею и молодой человек – она влево, он направо. Наталья раза два обступилась, раза два роняла платок и должна была ворочаться назад; незнакомец оправлял кушак[190] свой, стоял на одном месте, смотрел на красавицу и все еще не надевал бобровой шапки своей, хотя на дворе было холодно.

Наталья пришла домой и ни о чем больше не думала, как о молодом человеке в голубом кафтане с золотыми пуговицами. Она была не печальная, однако ж и не очень весела, подобно такому человеку, который наконец узнал, в чем состоит его блаженство, но имеет еще слабую надежду им насладиться. За обедом она не ела, по обыкновению всех влюбленных, – ибо для чего не сказать нам прямо и просто, что Наталья влюбилась в незнакомца? «В одну минуту? – скажет читатель. – Увидев в первый раз и не слыхав от него ни слова?» Милостивые государи! Я рассказываю, как происходило самое дело: не сомневайтесь в истине; не сомневайтесь в силе того взаимного влечения, которое чувствуют два сердца, друг для друга сотворенные! А кто не верит симпатии, тот поди от нас прочь и не читай нашей истории, которая сообщается только для одних чувствительных душ, имеющих сию сладкую веру!

Когда боярин Матвей после обеда заснул (не на вольтеровских креслах[191], так, как ныне спят бояре, а на широкой дубовой лавке), Наталья пошла с нянею в светлицу свою, села под любимым окном, вынула из кармана белый платок, хотела что-то сказать, но раздумала – взглянула на окончины, расписанные морозом, – оправила жемчужную повязку на голове своей и потом, смотря себе на колени, тихим и немного дрожащим голосом спросила у няни, каков показался ей молодой человек, бывший у обедни? Старушка не понимала, о ком говорит она. Надлежало изъясниться, но легко ли это для стыдливой девушки? «Я говорю о том, – продолжала Наталья, – о том,

который – который был всех лучше». Няня все еще не понимала, и красавица принуждена была сказать, что он стоял подле левого крылоса и вышел из церкви за ними. «Я не приметила его», – холодно отвечала старушка, и Наталья тихонько пожала прекрасными своими плечиками, удивляясь, как можно было его не приметить!

На другой день Наталья пришла всех ранее к обедне и вышла всех позже из церкви, но красавца в голубом кафтане там не было – на третий день также не было, и чувствительная боярская дочь не хотела ни пить, ни есть, перестала спать и насилу ходить могла, однако ж старалась таить внутреннее свое мучение как от родителя, так и от няни. Только по ночам лились слезы ее на мягкое изголовье. «Жестокий, – думала она, – жестокий! Зачем скрываешься от глаз моих, которые тебя всеминутно ищут? Разве ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру – и ты не выронишь ни слезки на гробе злосчастной!» Ах! Для чего самая нежнейшая, самая пламеннейшая из страстей родится всегда с горестию, ибо какой возлюбленный не вздыхает, какой влюбленный не тоскует в первые дни страсти своей, думая, что его не любят взаимно?

На четвертый день Наталья опять пришла к обедне, несмотря на слабость свою, ни на жестокий мороз, ни на то, что боярин Матвей, приметив накануне необыкновенную бледность ее лица, просил ее беречь себя и не выходить со двора в холодное время. Еще никого не было в церкви. Красавица, стоя на своем месте, смотрела на двери. Вошел первый человек – не он! Вошел другой – не он! Третий, четвертый – все не он! Вошел пятый, и все жилки затрепетали в Наталье – это он, тот красавец, которого образ навсегда в душе ее впечатлелся! От сильного внутреннего волнения она едва не упала и должна была опереться на плечо няни своей. Незнакомец поклонился на все четыре стороны, а ей особливо, и притом гораздо ниже и почтительнее, нежели прочим. Томная бледность изображалась на его лице, но глаза его сияли еще светлее прежнего; он смотрел почти беспрестанно на прелестную Наталью (которая от нежных чувств стала еще прелестнее) и вздыхал так неосторожно, что она приметила движение груди его и, невзирая на свою скромность, угадывала причину. Любовь, надеждою оживляемая, алела в сию минуту на щеках милой нашей красавицы, любовь сияла в ее взорах, любовь билась в ее сердце, любовь подымала руку ее, когда она крестилась. Час обедни был для нее одною слаженною секундою. Все стали выходить из церкви; она вышла после всех, а с нею и молодой человек. Вместо того чтобы идти опять в другую сторону, он пошел уже следом за Натальею, которая поглядывала

на него и через правое и через левое плечо свое. Чудное дело! Любовники никогда не могут насмотреться друг на друга, подобно как алчный корыстолюбец[192] не может никогда насытиться золотом. У ворот боярского дому Наталья в последний раз взглянула на красавца и нежным взором сказала ему: «Прости, милый незнакомец!» Калитка хлопнула, и Наталье послышалось, что молодой человек вздохнул; по крайней мере она сама вздохнула. Старушка няня была на сей раз приметливее и, не дождавшись еще ни слова от Натальи, начала говорить о незнакомом красавце, который провожал их от церкви. Она хвалила его с великим жаром, доказывала, что он похож на ее покойного сына, не сомневалась в знатном роде его и желала барышне своей такого супруга. Наталья радовалась, краснелась, задумывалась, отвечала «да!», «нет!», и сама не знала, что отвечала.

На другой, на третий день опять ходили к обедне, видели, кого видеть желали, – возвращались домой и у ворот говорили нежным взором: «Прости!» Но сердце красной девушки есть удивительная вещь: чем оно довольно ныне, тем недовольно завтра – все более и более, и желаниям конца нет. Таким образом, и Наталье показалось уже мало того, чтобы смотреть на прекрасного незнакомца и видеть нежность в глазах его; ей захотелось слышать его голос, взять его за руку, быть поближе к его сердцу и проч. Что делать? Как быть? Такие желания искоренять трудно, а когда они не исполняются, красавице бывает грустно. Наталья опять принялась за слезы. Судьба, судьба! Ужели ты не сжалишься над нею? Ужели захочешь, чтобы светлые глаза ее от слез померкли? Посмотрим, что будет.

Однажды вечером, когда боярина Матвея не было дома, Наталья увидела в окно, что калитка их растворилась – вошел человек в голубом кафтане, и работа выпала из рук Натальиных – ибо сей человек был прекрасный незнакомец. «Няня! – сказала она слабым голосом. – Кто это?» Няня посмотрела, улыбнулась и вышла вон.

«Он здесь! Няня усмехнулась, пошла к нему, верно, к нему– ах, Боже мой! Что будет?» – думала Наталья, смотрела в окно и видела, что молодой человек вошел уже в сени. Сердце ее летело к нему навстречу, но робость говорила ей: «Останься!» Красавица повиновалась сему последнему голосу только с мучительным принуждением, с великою тоскою, ибо всего несноснее противиться влечению сердца. Она вставала, ходила, бралась за то и за другое, и четверть часа показалась ей годом. Наконец дверь растворилась, и скрып ее потряс Натальину душу. Вошла няня – взглянула на барышню, улыбнулась и – не сказала ни

слова. Красавица также не начинала говорить и только одним робким взором спрашивала: «Что, няня? Что?» Старушка как будто бы веселилась ее смущением, ее нетерпением – долго молчала и спустя уже несколько минут сказала ей: «Знаешь ли, барышня, что этот молодой человек болен?» – «Болен? Чем?» – спросила Наталья, и цвет в лице ее переменился. «Очень болен, – продолжала няня, – у него так болит сердце, что, бедный, не может ни пить, ни есть, бледен как полотно и насилу ходит. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эту болезнь, и для того он прибрел ко мне, плачет горькими слезами и просит, чтобы я помогла ему. Поверишь ли, барышня, что у меня слезы на глазах навернулись? Такая жалость!» – «Что же, няня? Дала ли ты ему лекарство?» – «Нет; я велела подождать». – «Подождать? Где?» – «В наших сенях». – «Можно ли? Там превеликий холод; со всех сторон несет, а он болен!» – «Что ж мне делать? Внизу у нас такой чад, что он может угореть до смерти; куда ж его ввести, пока изготовлю лекарство? Разве сюда? Разве прикажешь ему войти в терем? Это будет доброе дело, барышня; он человек честный – станет за тебя Богу молиться и никогда не забудет твоей милости. Теперь же батюшки нет дома – сумерки, темно – никто не увидит, и беды никакой нет: ведь только в сказках мужчины бывают страшны для красных девушек! Как думаешь, сударыня?» Наталья (не знаю отчего) дрожала и прерывающимся голосом отвечала ей: «Я думаю… как хочешь… ты лучше моего знаешь». Тут няня отворила дверь – и молодой человек бросился к ногам Натальиным. Красавица ахнула, и глаза ее на минуту закрылись; белые руки повисли, и голова приклонилась к высокой груди. Незнакомец осмелился поцеловать ее руку, в другой, в третий раз – осмелился поцеловать красавицу в розовые губы, в другой, в третий раз, и с таким жаром, что мама испугалась и закричала: «Барин! Барин! Помни уговор!» Наталья открыла черные глаза свои, которые прежде всего встретились с черными глазами незнакомца, ибо они в сию минуту были к ним всего ближе; и в тех и в других изображались пламенные чувства, любовию кипящее сердце. Наталья с трудом могла приподнять голову, чтобы вздохом облегчить грудь свою. Тогда молодой человек начал говорить – не языком романов, но языком истинной чувствительности; сказал простыми, нежными, страстными словами, что он увидел и полюбил ее, полюбил так, что не может быть счастлив и не хочет жить без взаимной ее любви. Красавица молчала; только сердце и взоры говорили – но недоверчивый незнакомец желал еще словесного подтверждения и, стоя на коленях, спросил у нее: «Наталья, прекрасная Наталья! Любишь ли меня? Твой ответ решит судьбу мою: я могу быть

счастливейшим человеком на свете или шумящая Москва-река будет гробом моим». – «Ах, барышня! – сказала жалостливая няня. – Отвечай скорее, что он тебе нравен! Ужели захочешь погубить его душу[193]?» – «Ты мил сердцу моему, – произнесла Наталья нежным голосом, положив руку на плечо его. – Дай Бог, – промолвила она, подняв глаза на небо и обратив их снова на восхищенного незнакомца, – дай Бог, чтоб я была столько же мила тебе!» Они обняли друг друга; казалось, что дыхание их остановилось. Кто видал, как в первый раз целомудренные любовники обнимаются, а как в первый раз добродетельная девушка целует милого друга, забывая в первый раз девическую стыдливость, пусть тот вообразит себе сию картину; я не смею описывать ее, – но она была трогательна – самая старая няня, свидетельница такого явления, выронила капли две слез и забыла напомнить любовнику об уговоре, но богиня непорочности присутствовала невидимо в Натальином тереме.

После первых минут немого восторга молодой человек, смотря на красавицу, залился слезами. «Ты плачешь?» – сказала Наталья нежным голосом, приклонив голову свою к его плечу. «Ах! Я должен открыть тебе мое сердце, прелестная Наталья[194], – отвечал он. – Оно еще не совершенно уверено в своем счастии». – «Что ж ему надобно?» – спросила Наталья и с нетерпением ожидала ответа. «Обещай, что ты исполнишь мое требование». – «Скажи, скажи, что такое? Исполню, все сделаю, что велишь мне!» – «В нынешнюю ночь, когда зайдет месяц, – в то время, как поют первые петухи, – я приеду в санях к вашим воротам, ты должна ко мне выйти и ехать со мною; вот чего от тебя требую!» – «Ехать? В нынешнюю ночь? Куда?» – «Сперва в церковь, где мы обвенчаемся, а потом туда, где я живу». – «Как, без ведома отца моего? Без его благословения?» – «Без его ведома, без его благословения, или я погиб!» – «Боже мой!.. Сердце у меня замерло. Уехать тихонько из дому родительского? Что ж будет с батюшкою? Он умрет с горя, и на душе моей останется страшный грех. Милый друг! Для чего нам не броситься к ногам его? Он полюбит тебя, благословит и сам отпустит нас в церковь». – «Мы бросимся к ногам его, но через некоторое время. Теперь он не может согласиться на брак нагл. Самая жизнь моя будет в опасности, когда меня узнают». – «Когда тебя узнают? Тебя, милого душе моей?.. Боже мой! Как люди злы, если ты говоришь правду! Только я не могу поверить. Скажи мне, как тебя зовут?» – «Алексеем». – «Алексеем? Я всегда любила это имя. Что ж беды, если тебя узнают?» – «Все будет тебе известно, когда ты согласишься сделать меня счастливым. Прелестная, милая Наталья! Время проходит, мне нельзя быть долее с тобою. Чтобы

родитель твой, которого я сам люблю и почитаю за добрые дела его, – чтобы родитель твой не сокрушался и не почитал дочери своей погибшею, я напишу к нему письмо и уведомлю, что ты жива и что он может скоро увидеть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь: жизни моей или смерти?» – При сих словах, произнесенных твердым голосом, он встал и смотрел огненными, пламенными глазами на красавицу. «Ты меня спрашиваешь? – сказала она с чувствительностью. – Разве я не обещала тебе повиноваться? С самого младенчества привыкла я любить моего родителя, потому что и он любит меня, очень, очень любит (тут Наталья обтерла платком слезы свои, которые одна за другой капали из глаз ее), – тебя знаю недавно, а люблю еще больше: как это случилось, не знаю». Алексей обнял ее с новым восхищением, снял золотой перстень с руки своей, надел его на руку Наталье, сказал: «Ты моя!» – и скрылся, как молния. Старушка няня проводила его со двора.

Вместе с читателем мы искренно виним Наталью, искренно порицаем ее за то, что она, видев только раза три молодого человека и услышав от него несколько приятных слов, вдруг решилась бежать с ним из родительского дому, не зная куда, – поручить судьбу свою незнакомому человеку, которого, по собственным речам его, можно было счесть подозрительным, – а что всего более – оставить доброго, чувствительного, нежного отца… Но такова ужасная любовь! Она может сделать преступником самого добродетельнейшего человека! И кто, любив пламенно в жизни своей, не поступил ни в чем против строгой нравственности, тот – счастлив, счастлив тем, что страсть его не была в противоположности с добродетелью, – иначе последняя признала бы слабость свою и слезы тщетного раскаяния полились бы рекою. Летописи человеческого сердца уверяют нас в сей печальной истине.

Что принадлежит до няни, то молодой человек (после того, как он увидел Наталью в церкви) нашел способ переговорить с нею и склонил на свою сторону разными пышными обещаниями и подарками. Увы! Люди, а особливо под старость, бывают падки на серебро и золото. Старушка забыла то, что она более сорока лет служила беспорочно и верно в доме боярина Матвея, – забыла и продала себя незнакомцу. Однако ж, по остатку честности, взяла с него слово жениться на прекрасной Наталье и до того времени не употреблять во зло ее любви и невинности.

Наталья, по уходе своего любовника, стояла несколько минут неподвижно; на лице ее видны были знаки сильных душевных движений, но не сомнения, не колебимости, – ибо она уже решилась! И хотя тихий голос из глубины сердца, как будто бы из

отдаленной пещеры, спрашивал ее: «Что ты делаешь, безрассудная?», но другой голос, гораздо сильнейший, в том же самом сердце отвечал за нее: «Люблю!»

Няня возвратилась и старалась успокоить Наталью, говоря ей, что она будет супругою молодого красавца и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего. «Забыть? – прервала Наталья, вслушиваясь в последние слова. – Нет! Я буду помнить моего родителя, буду всякий день об нем молиться. К тому же он сказал, что мы скоро бросимся к ногам батюшкиным, – не так ли, няня?» – «Конечно, барышня! – отвечала старушка. – А что он сказал, то будет». – «Верно, будет!» – сказала Наталья, и лицо ее стало веселее.

Боярин Матвей возвратился домой поздно и, думая, что дочь его уже спит, не зашел к ней в терем. Полночь приближалась – Наталья думала не обо сне, а об милом друге, которому навеки отдала она сердце свое и которого с нетерпением ожидала к себе. Еще месяц сиял на небе – месяц, которым прежде глаза ее всегда веселились, теперь он стал ей неприятен; теперь думала красавица: «Как медленно катишься ты по круглому небу! Зайди скорее, месяц, светлый! Он, он приедет за мною, когда ты сокроешься!» – Луна опустилась – уже часть ее зашла за круг земной – мрак в воздухе сгустился – петухи запели – месяц исчез, и серебряным кольцом брякнули в барские ворота. Наталья вздрогнула: «Ах, няня! Беги, беги скорее; он приехал!» Через минуту явился молодой человек, и Наталья бросилась в его объятия. «Вот письмо к твоему родителю», – сказал он, показав бумагу. «Письмо к моему родителю? Ах! Прочти его! Я хочу слышать, что ты написал». Молодой человек развернул бумагу и прочитал следующие строки: «Я люблю милую дочь твою более всего на свете – ты не согласился бы отдать ее за меня – она едет со мною – прости нас! – Любовь всего сильнее – может быть, со временем я буду достоин называться зятем твоим». Наталья взяла письмо, и хотя не умела читать, однако ж смотрела на него, и слезы лились из глаз ее. «Напиши, – сказала она, – напиши еще, что я прошу его не плакать, не крушиться и что эта бумага мокра от слез моих; напиши, что я не вольна сама в себе и чтобы он или забыл, или простил меня».

Молодой человек вынул из кармана перо и чернильницу – написал, что говорила Наталья, и оставил письмо на столе. Потом красавица, надев лисью шубу свою, помолившись Богу, взяв с собою тот образ, которым благословила ее покойная мать, и подав руку счастливому любовнику, вышла из терема, сошла с высокого крыльца, со двора, – взглянула на родительский дом, обтерла последние слезы, села в сани, прижалась к милому и

сказала: «Вези меня куда хочешь!» Кучер ударил по лошадям, и лошади помчались, но вдруг раздался жалобный голос: «Меня покинули, меня, бедную, несчастную!» Молодой человек оглянулся и увидел бегущую няню, которая оставалась на минуту в светлице, чтобы прибрать некоторые из драгоценных Натальиных вещей, и которую наши любовники совсем было забыли. Лошадей удержали, посадили старушку, снова поскакали и через четверть часа выехали из Москвы. На правой стороне дороги, вдали, светился огонек; туда поворотили, и Наталья увидела деревянную, низенькую церковь, занесенную снегом. Алексей (читатель не забыл имени молодого человека) – Алексей ввел любовницу свою во внутренность сего ветхого храма, освещенного одною маленькою, слабо горящею лампадою. Там встретил их старый священник, согбенный бременем лет, и дрожащим голосом сказал им: «Я долго ждал вас, любезные дети! внук мой уже заснул». Он разбудил мальчика, в углу церкви спавшего, поставил любовников перед налой и начал их венчать. Мальчик читал, пел, что надобно, с удивлением глядел на жениха и невесту и дрожал при всяком порыве ветра, который шумел в худое окно церкви. Алексей и Наталья молились усердно и, произнося обет свой, смотрели друг на друга с умилением и сладкими слезами. По совершении обряда престарелый священник сказал новобрачным: «Я не знаю и не спрашиваю, кто вы, но именем великого Бога, которого нам и мрак ночи и глум бури проповедует (в сие мгновение страшно зашумел ветер), – именем непостижимого, ужасного для злых, для добрых милосердного, обещаю вам благоденствие в жизни, если вы будете всегда любить друг друга, ибо любовь супружеская есть любовь святая, Божеству приятная, и кто соблюдает ее в чистом сердце – в нечистом же она жить не может, – тот приятен Всевышнему. Грядите[195] с миром и помните слова мои!» Новобрачные приняли благословение от старца, поцеловали руку его, поцеловали друг друга, вышли из церкви и поехали. Ветер заносил дорогу, но резвые кони летели, как молния, – ноздри их дымились, пар вился столбом, и пушистый снег от копыт их подымался вверх облаками. Скоро путешественники наши въехали в темноту леса, где совсем не было дороги. Старушка няня дрожала от страха, но прекрасная Наталья, чувствуя подле себя милого друга, ничего не боялась. Молодой супруг отводил рукою все ветви и сучья, которые грозили уколоть белое лицо супруги его. Он держал ее в своих объятиях, когда сани опускались во глубину сугробов, и жаркими поцелуями удалял холод от нежных роз, которые цвели на устах ее. Около четырех часов ездили они по лесу, пробираясь сквозь ряды высоких дерев.

Уже лошади начинали утомляться и с трудом вытаскивали ноги свои из глубин снежных; сани двигались медленно, и наконец Наталья, пожав руку своего любезного, тихим голосом спросила у него: «Скоро ли мы приедем?» Алексей посмотрел вокруг себя, на вершины дерев, и сказал, что жилище его недалеко. В самом деле, через несколько минут выехали они на узкую равнину, где стоял маленький домик, обнесенный высоким забором. Навстречу к ним вышли пять или шесть человек с пуками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, которые висели у них на кушаках. Старушка няня, видя сие дикое, уединенное жилище, посреди непроходимого леса, видя сих вооруженных людей и приметив на лицах их нечто суровое и свирепое, пришла в ужас, сплеснула руками и закричала: «Ахти! Мы погибли! Мы в руках у разбойников!»

Теперь мог бы я представить страшную картину глазам читателей – прельщенную невинность, обманутую любовь, несчастную красавицу во власти варваров, убийц, женою атамана разбойников, свидетельницею ужасных злодейств и, наконец, после мучительной жизни, издыхающую на эшафоте[196] под секирою правосудия, в глазах несчастного родителя; мог бы представить все сие вероятным, естественным, и чувствительный человек пролил бы слезы горести и скорби – но в таком случае я удалился бы от исторической истины, на которой основано мое повествование. Нет, любезный читатель, нет! На сей раз побереги слезы свои – успокойся – старушка няня ошиблась – Наталья не у разбойников!

Наталья не у разбойников!.. Но кто же сей таинственный молодой человек, или, говоря языком оссианским[197], сын опасности и мрака, живущий в глубине лесов? Прошу читать далее.

Наталья потревожилась восклицанием няни, схватила Алексея за руку и, смотря ему в глаза с некоторым беспокойством, но с полною доверенностию к любимцу души своей, спросила: «Где мы?» Молодой человек взглянул с гневом на старушку, потом, устремив нежный взор на милую Наталью, отвечал ей с улыбкою: «Ты у добрых людей – не бойся». Наталья успокоилась, ибо тот, кого она любила, велел ей успокоиться!

Вошли в домик, разделенный на две половины. «Здесь живут люди мои, – сказал Алексей, указывая направо, – а здесь – я». В первой горнице висели мечи и бердыши[198], шишаки и панцири, а в другой стояла высокая кровать и перед иконою Богоматери горела лампада. Наталья тут же поставила и свой образ, помолилась и, взглянув умильно на Алексея, низехонько поклонилась ему, как хозяину в доме. Молодой супруг снял с

красавицы лисью шубу, дыханием своим отогрел ее руки, посадил ее на дубовую лавку, смотрел на прелестную и плакал от радости. Милая Наталья вместе с ним плакала, ибо нежность и счастие имеют также слезы свои…

Красавица забыла любопытство, или, лучше сказать, она совсем не имела его, зная то, что милый душе ее не может быть злым человеком. Ах! Если бы все люди, сколько их было тогда в русском царстве, в один голос сказали Наталье: «Алексей – злодей!», она бы с тихою улыбкою отвечала им: «Нет!.. Сердце мое знает его лучше, нежели вы; сердце мое говорит, что он всех любезнее, всех добрее. Я вас не слушаю».

Но Алексей сам говорить начал. «Любезная Наталья! – сказал он. – Тайна жизни моей должна тебе открыться. Воля Всевышнего соединила нас навеки; ничто уже не может разорвать союза нашего. Супруг не должен ничего скрывать от супруги своей. Итак, знай, что я сын несчастного боярина Любославского». – «Любославского? Возможно ли? Батюшка сказывал мне, что он пропал без вести». – «Его уже нет на свете! Выслушай. Ты не помнишь, но, конечно, слыхала о тех волнениях и бунтах, которые лет за тринадцать перед сим возмущали спокойствие нашего царства. Некоторые из знатнейших честолюбивых бояр восстали против законной власти юного государя, но скоро гнев Божеский наказал мятежников – рассеялись, как прах, многочисленные их сообщники, и кровь главных бунтовщиков пролилась на Лобном месте[199]. Родитель мой по некоторому подозрению, но совершенно ложному, взят был под стражу. Он имел неприятелей, злых и коварных; представили доказательства мнимой его измены и согласия с мятежниками; отец мой клялся в своей невинности, но обстоятельства осуждали его, и рука Вышнего Судии готова была подписать ему смерть… надежда исчезла в душе невинного – один Всевышний мог спасти его – и спас. Верный друг отворил ему дверь темницы – и родитель мой скрылся, взяв с собою самых усерднейших слуг и меня, двенадцатилетнего сына своего. В пределах России не было для нас безопасности: мы удалились в ту сторону, где река Свияга вливается в величественную Волгу и где многочисленные народы поклоняются лжепророку Магомету – народы суеверные, но страннолюбивые. Они приняли нас дружески, и мы около десяти лет жили с ними, не имели ни в чем недостатка, но беспрестанно горевали о своем отечестве; сидели на высоком берегу Волги и, смотря на ее волны, несущиеся от стран Российских, проливали жаркие слезы; всякая птица, летевшая с запада[200], казалась нам милее; всякую птицу, на запад летевшую, провожали мы глазами и – вздохами. Между тем отец мой ежегодно посылал в Москву

тайного гонца и получал письма от своего друга, которые всегда подавали ему надежду, что невинность наша рано или поздно откроется и что мы с честию можем возвратиться в отечество. Но скорбь иссушила сердце моего родителя, силы его исчезали, и глаза покрывались густым мраком. Без ужаса чувствовал он приближение конца своего – благословил меня – и, сказав: «Бог и друг нагл не оставят тебя», умер в моих объятиях. Не буду говорить тебе о горести бедного сироты; несколько месяцев глаза мои не просыхали. – Я уведомил друга нашего о моем несчастии; в ответе своем, изъявляя душевную скорбь о кончине невинного страдальца, умершего в стране иноплеменных и погребенного в земле нехристианской, сей благодетельный друг звал меня в Россию. «Верстах в сорока от Москвы, – писал он, – в дремучем, непроходимом лесу построил я уединенный домик, не известный никому, кроме меня и надежных людей моих. Там будешь ты жить до времени в совершенной безопасности. Посланный знает сие место». Я изъявил благодарность мою гостеприимным жителям волжских берегов, простился с зеленою могилою родителя моего, поцеловал и оросил слезою каждый цветочек, каждую травку, на ней растущую, возвратился с верными слугами в пределы России, облобызал отечественную землю – ив густоте темного леса, на узкой равнине, наглел сей пустынный домик, где ты теперь со мною, любезная Наталья. Здесь встретил меня седой старец и сказал дрожащим голосом: «Ты сын боярина Любославского! Господин мой, верный друг его – тот, кто хотел быть вторым отцом твоим и строил для тебя сие жилище, – скончался! Но он помнил о сироте при кончине своей. Здесь найдешь все нужное для жизни; найдешь сокровища: они твои». Я поднял глаза на небо; молчал – и слезы мои катились градом. «Кто будет моим помощником? – думал я. – Моим наставником? Я один в свете!.. Всевышний! Ты – кому поручил меня родитель мой! Не оставь бедного!»

Я поселился в пустыне[201]; видел у себя множество серебра и золота, но нимало им не утешался. Через несколько дней захотелось мне побывать в царственном граде, где никто не мог узнать меня. Старый служитель моего благодетеля указал мне на деревах разные меты, которые вели к большой Московской дороге и которые никому, кроме нас, не могли быть понятны. Я увидел блестящие главы церквей, народное множество, огромные домы, все чудеса великого града, и радостные слезы сверкнули в глазах моих. Златые дни младенчества, дни невинности и забавы, проведенные мною в русской столице, представились моим мыслям как веселое сновидение. Я искал нашего бывшего дому и нашел одни пустые стены, в которых порхали летучие мыши…

Хладный ужас разлился по моей внутренности.

Потом я часто бывал в Москве, останавливаясь в одной тихой гостинице и называя себя иногородным купцом, часто видал государя, отца народного, часто слыхал о благодеяниях родителя твоего, когда бояре, собираясь на площади против соборной церкви, рассказывали друг другу все добрые и похвальные дела, украшавшие столицу. Возвращаясь в пустыню, я сражался с дикими зверями, которых мы должны были истреблять для собственной нашей безопасности, но часто, выпуская из рук добычу, упадал на землю и проливал слезы. Везде было мне грустно – в пустом лесу и среди народа. С горестию ходил я по улицам царственного града и, смотря на людей, которые встречались со мною, думал: «Они идут к родным и ближним; их дожидаются; им будут рады – мне идти не к кому, меня никто не дожидается, никто о сироте не думает!» Иногда хотелось мне броситься к ногам государя, уверить его в невинности отца моего, в моей верности к царю благочестивому и поручить его милосердию судьбу мою; но какая-то могущественная невидимая рука не допускала меня исполнить сего намерения.

Пришла мрачная осень, пришла скучная зима; лесное уединение сделалось для меня еще несноснее. Я чаще прежнего стал ездить в город и – увидел тебя, прекрасная Наталья! Ты показалась мне ангелом Божиим… – Нет! Говорят, что сияние ангелов ослепляет глаза человеческие и что на них нельзя смотреть долго, а мне хотелось беспрестанно глядеть на тебя. Я видал прежде многих красавиц, дивился их прелестям и часто думал: «Господь Бог не сотворил ничего лучше красных московских девушек», но глаза мои на них смотрели, а сердце молчало и не трогалось – они казались мне чужими. Ты же первым взглядом привлекла к себе душу мою, которая тотчас полюбила твою, как родную свою. Мне хотелось броситься и прижать тебя к моей груди так крепко, чтобы ничто уже не могло разлучить нас. Ты ушла, и мне показалось, что красное солнце закатилось и ночь наступила. Я стоял на улице и не чувствовал снега, который на меня сыпался; наконец я пришел в себя – стал расспрашивать и, узнав, кто ты, возвратился в свою гостиницу и размышлял о милой дочери боярина Матвея. Батюшка часто говаривал мне о любви, которую почувствовал он к матери моей, увидев ее в первый раз, и которая не давала ему покоя до самого того времени, как их повели в церковь. «Со мною то же делается, – думал я, – и мне нельзя быть ни покойным, ни счастливым без милой Натальи. Но как надеяться? Любимый царский боярин захочет ли выдать дочь свою за такого человека, которого отец почитается преступником? Правда, если бы она

полюбила меня… с нею и пустыня лучше Москвы белокаменной. Может быть, ошибаюсь – только мне показалось, что она взглядывала на меня ласково… Но я, верно, ошибаюсь. Как этому быть? Такое счастие не вдруг приходит!» Наступила ночь – и прошла, но глаза мои сном не смыкались. Ты беспрестанно была передо мною или в душе моей – крестилась белою рукою своею и прятала ее под соболью шубейку. На другой день почувствовал я сильную боль в голове и превеликую слабость, которая заставила меня около двух суток пролежать на постели». – «Так! – прервала Наталья. – Так! Я это знала; сердце мое тосковало недаром. Ни на другой, ни на третий день не было тебя у обедни».

«Однако ж и самая болезнь не мешала мне о тебе думать. Один из слуг моих был в доме твоего родителя, виделся с твоею нянею и уговорил ее прийти ко мне в гостиницу. Я открыл старушке любовь мою, просил, кланялся, уверял в моей благодарности – наконец она согласилась быть мне помощницею. Прочее ты знаешь. Я видел тебя в церкви – иногда льстился[202] быть любимым, примечая в глазах твоих нежную умильность и краску на лице твоем, когда встречались наши взоры, – наконец решился узнать судьбу мою – упал к ногам твоим, и бедный сирота стал счастливейшим человеком в свете. Мог ли я после твоего признания расстаться с тобою? Мог ли жить под другим кровом и всякий час беспокоиться и всякий час думать: «Жива ли она? Не угрожают ли ей какие опасности? Не тоскует ли ее сердце? Ах! не сватается ли за прекрасную какой-нибудь жених, богатый и знатный?» Нет, нет! Мне оставалось умереть или жить с тобою! Священник загородной церкви, который нас венчал, был не подкуплен, а упрошен мною: слезы мои тронули старца.

Теперь известно тебе, кто супруг твой; теперь совершились все мои желания. Грусть, скука! Простите! Для вас уже нет места в уединенном моем домике. Милая Наталья любит меня, милая Наталья со мною! Но я вижу томность в глазах твоих, тебе надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходит, и скоро утренняя заря покажется на небе».

Алексей поцеловал Натальину руку. Красавица вздохнула. «Ах! Для чего нет с нами батюшки! – сказала она, прижавшись к сердцу супруга. – Когда мы с ним увидимся? Когда он благословит нас? Когда я при нем поцелую тебя, сердечного друга моего?» – «Тот, – отвечал Алексей, – тот милостивый Бог, который дал мне тебя, верно, все для нас сделает. Положимся на него: он пошлет нам случай упасть к ногам твоего родителя и принять его благословение».

Сказав сии слова, он встал и вышел в переднюю горницу. Там сидели люди его с нянею, которая (уверившись, что они не

разбойники и что длинные ножи служат им только обороною от лесных зверей) перестала бояться, познакомилась с ними и с любопытством старой женщины расспрашивала о молодом их господине, о причине пустыннической жизни его и проч., и проч. Алексей пошептал на ухо одному человеку, и через минуту никого не осталось в передней: старушку схватили под руки и увели в другую половину. Молодой супруг возвратился к своей любезной – помог ей раздеться – сердца их бились – он взял ее за белую руку… Но скромная муза моя закрывает белым платком лицо свое – ни слова!.. Священный занавес опускается, священный и непроницаемый для глаз любопытных!

А вы, счастливые супруги, блаженствуйте в сердечных восторгах под влиянием звезд небесных, но будьте целомудренны в самых высочайших наслаждениях страсти своей! Невинная стыдливость да живет с вами неразлучно – и нежные цветы удовольствия не завянут никогда на супружеском ложе вашем! Уже солнце взошло высоко на небе и рассыпало по снегу миллионы блестящих диамантов[203], но в спальне наших супругов все еще царствовало глубокое молчание, старушка мама давно встала, раз десять подходила к двери, слушала и ничего не слыхала; наконец вздумала тихонько постучаться и сказала довольно громко: «Пора вставать – пора вставать!» Через несколько минут дверь отперли. Алексей был уже в голубом кафтане своем, но красавица лежала еще на постели и долго не могла взглянуть на старушку, стыдясь – неизвестно чего. Розы на щеках ее немного побледнели, в глазах изображалась томная слабость – но никогда Наталья не была так привлекательна, как в сие утро. Она оделась с помощью своей няни, помолилась Богу со слезами и дожидалась супруга своего, который между тем занимался хозяйством, приказывал готовить обед и прочее, что нужно в домашнем быту. Когда он возвратился к любезной супруге, она с нежностию обняла его и сказала тихим голосом: «Милый друг! Я думаю о батюшке. – Ах! Он, верно, тоскует, плачет, сокрушается!.. Мне бы хотелось об нем слышать, хотелось бы знать…» Наталья не договорила, но Алексей понял ее желание и немедленно отправил в Москву человека, чтобы наведаться о боярине Матвее.

Но мы предупредим сего посланного и посмотрим, что делается в царственном граде. Боярин Матвей долго ждал к себе поутру милой своей Натальи и наконец пошел в ее терем. Там все было пусто, все в беспорядке. Он изумился – увидел на столике письмо, развернул его, прочитал – не верил глазам своим – прочитал в другой раз – хотел еще не верить, – но дрожащие ноги его подогнулись, – он упал на землю. Несколько минут

продолжалось его беспамятство. Образумившись, приказал он людям вести себя к государю. «Государь! – сказал трепещущий старец – Государь!..» Он не мог говорить и подал царю Алексеево письмо. Чело благочестивого монарха помрачилось гневом. «Кто сей недостойный соблазнитель? – сказал он. – Но везде найдет его грозная рука правосудия». Сказал, и во все страны Русского царства отправились гонцы с повелением искать Наталью и ее похитителя.

Царь утешал боярина, как своего друга. Вздохи и слезы облегчили стесненную грудь несчастного родителя, и чувство гнева в сердце его уступило место нежной горести. «Бог видит, – сказал он, взглянув на небо, – Бог видит, как я любил тебя, неблагодарная, жестокая, милая Наталья!.. Так, государь! Она и теперь мила мне более всего на свете!.. Кто увез ее из родительского дому? Где она? Что с нею делается?.. Ах! На старости лет моих я побежал бы за нею на край света!.. Может быть, какой-нибудь злодей обольстил невинную и после бросит, погубит ее… Нет! Дочь моя не могла полюбить злодея!.. Но для чего же не открыться родителю?.. Кто бы он ни был, я обнял бы его как сына. Разве государь меня не жалует? Разве он не стал бы жаловать и зятя моего?.. Не знаю, что думать!.. Но ее нет!.. Я плачу: она не видит слез моих – умру: она не затворит глаз отца, который полагал в ней жизнь и душу свою!.. Правда, без воли Всевышнего ничего не делается; может быть, я заслужил наказание руки его… Покоряюсь без роптания!.. Об одном прошу тебя, Господи: будь ей отцом милосердным во всякой стране. Пусть умру в горести – лишь бы дочь моя была благополучна!.. Нельзя, чтобы она не любила меня, нельзя… (Тут боярин Матвей взял письмо и снова прочитал его.) Ты плакала; эта бумага мокра от слез твоих; я буду хранить ее на моем сердце как последний знак любви твоей. Ах! Если ты ко мне возвратишься хотя за час до моей смерти… Но как угодно Всевышнему! Между тем отец твой, сирота на старости, будет отцом несчастных и горестных; обнимая их, как детей своих, – как твоих братии, – он скажет им со слезами: «Друзья! молитесь о Наталье». – Так говорил боярин Матвей, и чувствительный царь был тронут до глубины сердца.

Отныне, добрый боярин, жизнь твоя покрывается мраком печали – увы! и самая добродетель не может нас предохранить от горести! Беспрестанно будешь ты думать о милой сердца твоего – вздыхать и сидеть, подгорюнившись, перед широкими воротами своего дому! Никто, никто не принесет тебе вести о прелестной Наталье! Царские гонцы возвратятся, и вздох их будет ответом на вопросы твои. Сядут бедные за столы нищелюбивого боярина, но хлеб его покажется им горек – ибо они увидят скорбь на лице

своего благодетеля!

Между тем Алексеев посланный возвратился в пустыню с известием, что боярин Матвей был во дворце царском и что во всей России велено искать его пропавшей дочери. Наталья хотела знать более и спрашивала, что написано было на лице родителя ее, когда он шел из дворца государева, вздыхал ли он, плакал ли, не произносил ли тихонько ее имени? Посланный не мог отвечать ни да, ни нет, ибо он хотя и видел боярина, но смотрел на него не проницательными глазами нежной дочери. «Для чего, – сказала Наталья, – для чего не могу я превратиться в невидимку или в маленькую птичку, чтобы слетать в Москву белокаменную, взглянуть на родителя, поцеловать руку его, выронить на нее слезу горячую и возвратиться к милому моему другу!» – «Ах, нет! Я не пустил бы тебя! – отвечал Алексей. – Почему знать, что бы могло с тобою случиться? Нет, мой друг! Я не могу и вздумать о разлуке – а ты можешь!» Наталья почувствовала нежную укоризну и оправдалась перед супругом улыбкою, слезами и поцелуем.

Теперь надлежало бы мне описывать счастие юных супругов и любовников, сокрытых лесным мраком от целого света, но вы, которые наслаждаетесь подобным счастием, скажите, можно ли описать его? – Наталья и Алексей, живучи в своем уединении, не видали, как текло или летело время. Часы и минуты, дни и ночи, недели и месяцы сливались в пустыне их, как струи речные, не различаемые глазом человеческим. Ах! Удовольствия любви бывают всегда одинаковы, но всегда новы и бесчисленны. Наталья просыпалась и – любила; вставала с постели и – любила; молилась и – любила; что ни думала – все любила и всем наслаждалась. Алексей тоже, и чувства их составляли восхитительную гармонию.

Но читатель не должен думать, чтобы они в уединенной жизни своей только смотрели друг на друга и сидели от утра до вечера, поджав руки, – нет! Наталья принялась за рукоделье, за пяльцы и скоро вышила разными шелками и разными узорами две прекрасные ширинки[204]: первую для милого супруга, чтобы он утирал ею белое лицо свое, а другую для любезного родителя. «Когда-нибудь мы поедем к нему!» – говорила красавица и тихонько вздыхала. Что принадлежит до Алексея, то он, сидя подле своей супруги, рисовал пером разные ландшафты и картинки – любовался тем, что нравилось Наталье, и старался поправить то, что ей казалось несовершенным. Так, любезный читатель! Алексей умел рисовать, и притом весьма не худо, ибо сама природа выучила его сему искусству. Он видел образ кудрявых дерев в реках прозрачных и вздумал означать тень сию на бумаге; опыт был удачен, и скоро чертежи его сделались

верными копиями натуры: не только дерева, но и другие предметы изображались им с величайшею точностию. Красавица смотрела на движение руки его и дивилась, как он мог одними чертами пера своего представлять разные виды: то рощу дубовую, то башни московские, то дворец государев. Но Алексей уже не сражался с дикими зверями, ибо они (как будто бы из уважения к прекрасной Наталье, новой обитательнице их дремучего леса) не приближались к жилищу супругов и ревели только в отдалении. Таким образом прошла зима, снег растаял, реки и ручьи зашумели, земля опушилась травкою, и зеленые пучочки распустились на деревьях. Алексей выбежал из своего домика, сорвал первый цветочек и принес его Наталье. Она улыбнулась, поцеловала своего друга – ив самую сию минуту запели в лесу весенние птички. «Ах, какая радость! Какое веселье! – сказала красавица. – Мой друг! Пойдем гулять!» Они попели и сели на берегу реки. «Знаешь ли, – сказала Наталья супругу своему, – знаешь ли, что прошедшею весною не могла я без грусти слушать птичек? Теперь мне кажется, будто я их разумею и одно с ними думаю. Посмотри: здесь, на кусточке, поют две птички – кажется, малиновки – посмотри, как они обнимаются крылышками; они любят друг друга так, как я люблю тебя, мой друг, и как ты меня любишь! Не правда ли?» Всякий может вообразить себе ответ Алексеев и разные удовольствия, которые весна принесла с собою для наших пустынников.

Но нежная дочь, наслаждаясь любовию, не забывала и своего родителя. Алексей должен был всякую неделю два или три раза посылать в Москву человека наведываться о боярине Матвее. Вести привозились одинакие: боярин делал добрые дела, печалился, кормил бедных и говорил им: «Друзья! Помолитесь о Наталье!» Наталья вздыхала и смотрела на образ.

Однажды возвратился посланный с великою поспешностию. «Государь! – сказал он Алексею. – Москва в смятении. Свирепые литовцы восстали на Русское царство. Я видел, как жители престольного града собирались перед дворцом государевым и как боярин Матвей, именем царя православного, ободрял воинов; я видел, как толпы народные бросали вверх шапки свои, восклицая в один голос: «Умрем за царя-государя! Умрем за отечество или победим литовцев!» Я видел, как русское воинство в ряды становилось, как сверкали его мечи, и бердыши, и копья булатные. Завтра выйдет оно в поле под начальством воевод храбрейших». Сердце Алексеево затрепетало, кровь закипела – он схватил со стены меч отца своего – взглянул на супругу – и меч упал на землю – слезы покатились в глазах его. Наталья взяла его за руку и не говорила ни слова. «Любезная Наталья! – сказал

Алексей по некотором молчании. – Ты желаешь возвратиться в дом к своему родителю?»

НАТАЛЬЯ. С тобою, мой друг, с тобою! Ах, я не смела говорить тебе; только мне всегда казалось, что мы напрасно скрываемся от батюшки. Увидя нас, он так обрадуется, что все забудет, а я возьму за руку тебя и его, заплачу от радости и скажу: «Вот они; вот те, которых люблю – теперь я совершенно счастлива!»

АЛЕКСЕЙ. Но мне надобно заслужить прежде милость царскую. Теперь есть к тому случай.

НАТАЛЬЯ. Какой же, мой друг?

АЛЕКСЕЙ. Ехать на войну, сразиться с неприятелями Русского царства и победить. Царь увидит тогда, что Любославские любят его и верно служат своему отечеству.

НАТАЛЬЯ. Поедем, мой друг! Лишь бы ты был со мною: я всюду готова.

АЛЕКСЕЙ. Что ты говоришь, милая Наталья? Там летают смертоносные стрелы, там рубятся мечами: как тебе ехать со мною?

НАТАЛЬЯ. Итак, ты хочешь меня оставить? Хочешь моей смерти? Потому что я не могу жить без тебя. Давно ли, мой друг, давно ли говорил ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ехать один, и еще туда, где летают стрелы? Кто защитит тебя?.. Нет, ты возьмешь меня с собою – или бедная Наталья не мила уже сердцу твоему?

Алексей обнял свою супругу. «Поедем, – сказал он, – поедем и умрем вместе, если так Богу угодно! Только на войне не бывает женщин, милая Наталья!» Красавица подумала, улыбнулась, пошла в спальню и заперла за собою дверь. Через несколько минут вышел оттуда прекрасный отрок[205]…

Алексей изумился, но скоро узнал в сем юном красавце любезную дочь боярина Матвея и бросился целовать ее. Наталья оделась в платье своего супруга, которое носил он, будучи тринадцати или четырнадцати лет. «Я меньшой брат твой, – сказала она с усмешкою, – теперь дай мне только меч острый и копье булатное, шишак, панцирь и щит железный – увидишь, что я не хуже мужчины». Алексей не мог нарадоваться своим милым героем, выбрал ему самое легкое оружие, нарядил его в панцирь, сделанный из медных колец (на которых было подписано: «С нами Бог: никто же на ны[206]!»)[207], вооружил людей своих, готовых умереть за любезного господина, надел латы покойного отца своего – и через несколько часов в пустынном домике осталась одна Натальина мама с двумя стариками.

А мы оставим на несколько времени супругов наших, в

надежде, что небо не оставит их и будет им защитою в опасностях там, где летают смертоносные стрелы, где мечи сверкают, как молнии, где копья трещат и ломаются, где кровь человеческая льется реками, где герои умирают за свое отечество и делаются бессмертными. Возвратимся в Москву – там началась нагла история, там должно ей и кончиться.

Увы! Какая пустота в столице российской! Все тихо, все печально. На улицах не видно никого, кроме слабых старцев и женщин, которые с унылыми лицами идут в церковь молить Бога, чтобы он отвратил грозную тучу от Русского царства, даровал победу православным воинам и рассеял сонмы литовские. Добросердечный, чувствительный царь стоит на высоком крыльце своем и с нетерпением ожидает вести от начальников воинства, пошедшего навстречу врагам многочисленным. Боярин Матвей неразлучен с царем благочестивым. «Государь! – говорит он. – Надейся на Бога и на храбрость своих подданных, храбрость, которая отличает их от всех иных народов. Страшно разят мечи российские; тверда, подобно камню, грудь сынов твоих – победа будет всегда верною их подругою». Так говорил боярин; думал о благе отечества – и тосковал о своей дочери.

В поту, в пыли прискакал вестник – царь встречает его на половине крыльца и дрожащею рукою развертывает письмо военачальников… Первое слово есть победа! «Победа!» – восклицает он в радости. «Победа!» – восклицают бояре, «Победа!» – народ повторяет, и во всем царственном граде раздавался один голос: победа! и во всех сердцах было одно чувство: радость! Начальники доносили государю обо всем с величайшею подробностию. Сражение было самое жестокое. Уже первый ряд русского воинства, теснимый бесчисленным множеством литовцев, начинал колебаться и хотел уступить врагу сильнейшему; но вдруг, как гром, загремел голос: «Умрем или победим!», и в то же мгновение от рядов российских отделился молодой воин и с мечом в руке бросился на неприятелей; за ним бросились и другие; все воинство двинулось и, восклицая «Умрем или победим!», устремилось, как буря, на литовцев, которые, невзирая на великое число свое, скоро побежали и рассеялись. «Мы не можем, – писали начальники, – восхвалить по достоинству того юного воина, которому принадлежит вся честь победы и который гнал, разил неприятелей и собственною рукою пленил их предводителя. Повсюду следовал за ним брат его, прекрасный отрок, и закрывал его щитом своим. Он не хочет объявить имени своего никому, кроме тебя, государя. Побежденные литовцы спешат из пределов России, и скоро воинство твое возвратится со славою во град Москву. Мы сами представим царю непобедимого

юношу, спасителя отечества и достойного всей твоей милости».

Царь с нетерпением ожидал своих героев и выехал встретить их в поле, вместе с боярином Матвеем и с другими чиновниками. В Москве никого не осталось; слабые старцы, забыв слабость, спешили за город навстречу к своим детям; супруги и матери, неся младенцев или ведя их за руки, спешили туда же. Первый ряд воинства показался – второй и третий; разноцветные знамена веяли над оными: воины шли с обнаженными мечами, ровным шагом; назади ехали конные – впереди начальники, под сению трофеев. Увидели государя, и восклицания «Победа и здравие царю российскому!» – загремели в воздухе. Воеводы упали перед ним на колени. Он поднял их и сказал с улыбкою милости: «Благодарю вас именем отечества». – «Государь! – отвечали они. – Мы старались исполнить должность свою! Но Бог даровал нам победу рукою сего юного воина». Тут юный воин, стоявший подле них с потупленным взором, преклонил колено. «Кто ты, храбрый юноша? – спросил государь, простирая к нему правую руку свою. – Имя твое должно быть славно в пределах Русского царства». – «Государь! – отвечал юноша. – Сын осужденного боярина Любославского, скончавшего дни свои в стране иноверных, приносит тебе свою голову». Царь поднял глаза на небо. «Благодарю тебя, Боже, – сказал он, – что ты посылаешь мне случай хотя отчасти загладить неправосудие и злобу людей и за страдание невинного отца наградить достойного сына! Так, храбрый юноша! Невинность родителя твоего открылась – к несчастию, поздно! Увы! Я был тогда незрелым отроком, и боярин Матвей еще не имел места в совете моем. Злые бояре оклеветали Любославского; один из них, кончая недавно жизнь свою, признался в несправедливости доносов, по которым осудили невинного. Видишь слезы мои. Будь же другом царя своего, первым по боярине Матвее!» – «Итак, память отца моего, – сказал Алексей, – чиста от поношения!.. Но я – я винен перед тобою, государь великий! Я увез дочь боярина Матвея из родительского дому!» Царь удивился. «Где же она?» – спросил он с нетерпением. – Но боярин уже нашел дочь свою; прекрасная Наталья, в одежде воина, бросилась в его объятия; шишак спал с головы ее, и русые волосы по плечам рассыпались. Изумленный, восхищенный родитель не смел верить сему явлению, но сердце чувствительного старца сильным трепетом своим уверяло его, что милая нашлася. Едва мог он перенести радость свою и упал бы на землю, если бы другие бояре не поддержали его. Долго не говорил он ни слова, опустив голову на плечо Наталье, наконец назвал ее именем, как будто бы желая видеть, откликнется ли она, – назвал ее своею милою, прекрасною, – и при каждом

ласковом слове сиял новый луч радости на лице его, которое так долго было печальным! Казалось, будто язык его учился произносить давно забытые имена: столь медленно он их выговаривал! И повторял столь часто! Наталья целовала его руки. «Ты меня так же любишь! – говорила она. – Так же любишь!», и теплые ручьи слез договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало в тишине и в молчании. Государь был тронут сердечно, взял Алексея за руку и подвел его к боярину. «Вот, – сказала Наталья, – вот – супруг мой! Прости его, родитель мой, и люби так, как меня любишь!» Боярин Матвей поднял голову, посмотрел на Алексея и подал ему дрожащую руку свою. Молодой человек хотел броситься перед ним на колена, но старец прижал его к своему сердцу вместе с милою дочерью…

ЦАРЬ. Они достойны друг друга и будут твоим утешением в старости.

«Она дочь моя, – сказал боярин Матвей прерывающимся голосом, – он сын мой… Господи! Дай мне умереть в их объятиях!»

Старец снова прижал их к своему сердцу. Читатель вообразит себе все последующее. – Старушку няню привезли в город, боярин Матвей простил ее и, призвав к себе того священника, который венчал Алексея и Наталью, хотел, чтобы он снова благословил их в его присутствии. Супруги жили счастливо и пользовались особенною царскою милостию. Алексей оказал важные услуги отечеству и государю, услуги, о которых упоминается в разных исторических рукописях. Благодетельный боярин Матвей дожил до самой глубокой старости и веселился своею дочерью, своим зятем и прекрасными детьми их. Смерть явилась ему в виде юнейшего и любезнейшего внука его, он хотел обнять милого отрока – и скончался. Больше я ничего не слыхал от бабушки моего дедушки; но за несколько лет перед сим, прогуливаясь осенью по берегу Москвы-реки близ темной сосновой рощи, нашел надгробный камень, заросший зеленым мохом и разломанный рукою времени, – с великим трудом мог я прочитать на нем следующую надпись: «Здесь погребен Алексей Любославский с своею супругою». Старые люди сказывали мне, что на сем месте была некогда церковь – вероятно, самая та, где венчались нагни любовники и где они захотели лежать и по смерти своей.

Вопросы и задания

1. Каково идейное звучание произведения Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь»?

2. Есть ли в этом произведении отрицательные персонажи? Прав ли был Алексей, склонив Наталью к побегу из отцовского дома? Как оценивает этот поступок автор?

3. О чем свидетельствует интерьер лесной избушки Алексея Любославского?

4. Как в этом произведении показывается любовь Натальи к отцу и Алексею?

5. Из скольких частей состоит произведение? Назови их.

6. Охарактеризуй язык этого произведения. Какими художественными средствами создается исторический колорит в этом произведении?

7. Охарактеризуй жанр этого произведения, укажи его признаки.

8. С какой целью в начале произведения приводится рассуждение повествователя о «бабушке своего дедушки»?

9. Как складываются взаимоотношения Алексея Любославского с царем? С какой целью рассказывает об этих взаимоотношениях автор?

10. Какие препятствия приходится преодолевать героям?

11. Самостоятельно подготовь устный рассказ об истории семьи Любославских.

Александр Сергеевич Пушкин

О литературе нельзя говорить, не обращаясь постоянно к творчеству Александра Сергеевича Пушкина.

А. С. Пушкин живо интересовался историей русского народа. Он хорошо знал труды известных историков того времени и, как я уже говорил тебе, был учеником и другом Н. М. Карамзина. Интересовали А. С. Пушкина и подлинные свидетельства о далеком прошлом славян: он неоднократно перечитывал старинную летопись, называвшуюся «Повесть временны́х лет», составленную монахом Нестором. Из этой летописи и почерпнул поэт сюжет для произведения, с которым тебе предстоит познакомиться. А называется это произведение «Песнь о вещем Олеге».

Поэта поразила легенда о предсказании кудесника (или волхва, так в Древней Руси называли языческих жрецов) киевскому князю Олегу и об осуществлении этого пророчества в тот момент, когда князь уже был уверен, что опасность миновала.

Поэт описывает времена, когда на Руси существовало язычество (в «Песни» упоминается даже имя бога Перуна, главы славянских богов, славянского Зевса-громовержца, покровителя воинов, оружия и войн со времен военных походов на Балканы в VI веке) и были очень распространены суеверия, но тема предсказания и его осуществления продолжала волновать людей.

Я не случайно обратил твое внимание, что «Песнь» построена по принципу баллады, хотя и с былиной она имеет много общего. В ней есть сюжет, она состоит из определенных частей: вступления, где перед тобой возникает картина едущего по полю князя, основной части, в которой разворачивается действие, и концовки, показывающей наследников князя и пирующую «на бреге» дружину.

И все-таки это баллада. Будь внимателен, и ты найдешь и сразу же увидишь характерный признак баллады: ведущую роль диалога. Вся основная часть состоит из диалогов: князя с кудесником, обращения князя к своему коню и др. И еще одна особенность. Имя князя сопровождают два определения: «могучий» и «вещий». Первое позволяет выделить Олега среди обычных людей, второе указывает на его столкновение лицом к лицу с судьбой. «Вещим» называется и язык волхва.

Песнь о вещем Олеге

Как ныне сбирается вещий Олег

Отмстить неразумным хазарам[208]:
Их села и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам[209];
С дружиной своей, в цареградской броне[210],
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну[211] старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах[212] и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий[213] на светлом челе[214].

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава – отрада;
Победой прославлено имя твое:
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ[215], и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы…
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,

То мчится по бранному полю.
И холод и сеча[216] ему ничего…
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся – однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное[217] стремя.
Прощай, утешайся – да помни меня.
Вы, отроки-други[218], возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана…
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они…

«А где мой товарищ? – промолвил Олег. —
Скажите, где конь мой ретивый[219]?
Здоров ли? Все так же легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть[220] бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».

И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне[221], уже недалекой,
Не ты под секирой[222] ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Вопросы и задания

1. Определи жанр стихотворения.

2. Как устанавливается связь времен в произведении?

3. Как создается исторический и национальный колорит в произведении?

4. Какими художественными средствами придает поэт своему произведению патриотическое звучание?

5. Почему «Песнь» начинается с упоминания набега «неразумных хазар»?

6. Охарактеризуй образ Олега в стихотворении.

7. Объясни значение эпитетов «вдохновенный» и «послушный Перуну одному», применяемых к кудеснику.

8. Сформулируй идею произведения.

9. Самостоятельно подготовь выразительное чтение «Песни» наизусть.

Читательская лаборатория
Как определить основную тему произведения

Как бы ты ответил на вопрос «О чем баллада А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»?». Ответы могут быть самыми разными: произведение о ратных подвигах князя Олега, о мудрости кудесников, о смерти князя Олега от своего коня. В каждом из этих ответов есть определенная доля правильного понимания того, о чем рассказано в этом произведении, что стало предметом повествования в балладе, то есть темой.

Как правило, в любом произведении изображается широкий круг событий, действуют несколько персонажей, поэтому можно говорить не просто о теме, а о тематике произведения. Мы же будем учиться определять **основную, главную тему** художественного произведения.

Для того чтобы верно понять основную тему произведения, ты прежде всего должен **определить, о каком событии речь идет на протяжении всего произведения, какое событие является объединяющим в произведении.**

Главным событием, определившим судьбу князя Олега в пушкинском повествовании, становится предсказание «вдохновенного кудесника»: «…Но примешь ты смерть от коня своего».

Предсказание волхва, «мудрого старца», «покорного Перуну одному», вестника «заветов грядущего», «в мольбах и гаданьях» проведшего век, удивляет князя Олега.

Обратись к тексту баллады. Перечитай строки, рассказывающие об отношениях князя Олега к предсказанию кудесника. Мудрый Олег отошлет коня: «Прощай, мой товарищ, мой верный слуга…» – то есть прислушается к предсказанию кудесника. Но поверит ли в пророчество волхва? Читаем строки: «Олег усмехнулся…»

Вдумчивому читателю эти слова скажут многое: предсказание волхва вызвало усмешку, значит, герой не верит в возможность принять смерть от любимого друга-коня. Распоряжения Олега, которые он отдаст слугам, подтверждают мысль:

Покройте попоной, мохнатым ковром;
  В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
  Водой ключевою поите.

О чем свидетельствует такое поведение героя? Не только о том, что князь Олег заботится о коне, но и о том, что он пытается обмануть судьбу, предсказанную кудесником. Становится очевидным конфликт, на основе которого развивается сюжет: конфликт князя Олега и кудесника (его предсказания). Суть конфликта – желание князя Олега избежать предначертанной ему свыше судьбы, обмануть ее. Ты убедился, что все события в тексте объединены основным конфликтом. Запомни: **определение основной темы произведения всегда связано с главным конфликтом (столкновением, противоборством), на основе которого строится развитие действия в произведении.**

Особого напряжения повествование баллады достигает в сцене, когда князь Олег узнает о смерти своего любимца:

…Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня.

И если в предыдущих сценах князь Олег еще сомневался в истинности предсказания, то теперь он открыто провозглашает свое неверие. Князь Олег бросает вызов кудеснику, а значит, предсказанию свыше, бросает вызов судьбе. Такой момент в художественном произведении называется кульминацией, потому что конфликт достигает критической точки своего развития и требует немедленного разрешения.

Как же разрешается конфликт? Разрешение основного конфликта всегда подскажет тебе, правильно ли ты определил основную тему произведения. За кульминацией всегда следует развязка конфликта. Князь Олег приезжает на «холм крутой», где «лежат благородные кости» и где сбудется предсказание кудесника:

«Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Теперь мы можем **определить главную тему** баллады.

Ответ на вопрос: «О чем это произведение?» можно построить в виде предложения, подводящего итог твоим размышлениям: А. С. Пушкин создал произведение, в котором основной темой является тема неотвратимости смерти князя Олега от своего коня как тема неотвратимости судьбы человека, предначертанной ему выше.

Итак, если названная тобой тема (например, тема ратных подвигов князя Олега) не связана с конфликтом произведения, то она не является основной. **Основная тема всегда связана с главным событием, с характером главного героя, его взаимоотношениями с другими героями и определяется сутью главного конфликта, на основе которого развивается действие в произведении.**

Михаил Юрьевич Лермонтов

Ты, наверное, уже заметил, что название произведения нередко многое сообщает читателю. Вот, например, слово «песнь» в названии ряда произведений («Песнь о Роланде», «Песнь о вещем Олеге») указывает на связь их с народным героическим эпосом.

Михаил Юрьевич Лермонтов тоже называет одно из своих произведений песней – «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Это название четко указывает на национальную фольклорную традицию.

Попадая в художественный мир, напоминающий мир народного эпоса, мы переносимся в XV век, когда на Руси царствовал Иоанн IV, за свою суровость и жестокость прозванный Грозным.

Автор использует уже хорошо тебе известные былинные приемы. Например, широко распространенное былинное обращение «Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!». Воссоздать картины прошлого, передать исторический колорит и дух эпохи позволяет введение историзмов (князья, бояре, опричники, гусли и др.), архаизмов (али, лютая, оконечник) и просторечий (твово, супротив). Все они принадлежат не только персонажам, но входят и в речь повествователей– «гусляров». Пейзажные зарисовки создают атмосферу жизни средневекового русского города. А основной эмоциональный мотив повествования определяется напевным ритмом.

Один из основных приемов, на которых построено произведение, – это антитеза. В «Песне» противопоставляются два персонажа: царский опричник Кирибеевич и купец Степан Парамонович Калашников. Погруженный в тяжкие мысли опричник ведет себя эгоистично и за это заслуженно несет наказание. Но погибает и молодой купец, потому что вышел он на бой не царя тешить, а биться за честь своей семьи.

> Характеры персонажей раскрываются в диалогах, и я *прошу тебя попытаться самому рассказать о них, используя текст «Песни». Ну а кроме того, подумай, где еще используется в этом произведении прием антитезы.*

Особое место в «Песне» занимает образ повествователя. Рассказ о событиях далекого времени ведут «гусляры», вроде бы собираясь «потешить» боярина и боярыню, исполняя «Песню» на

«старинный лад», «под гуслярный звон». Но на самом-то деле сложили они эту песню в назидание людям, наделенным властью и могуществом, правом решать судьбы других людей.

Обратившись к далекому прошлому, поэт нашел в нем не только пример достойного поведения, чистую и открытую душу Степана Парамоновича Калашникова, но и горькие последствия самовластия царя и чувство безнаказанности его слуг.

Отметь слова и выражения, которыми характеризуют царя его подданные, «гусляры», он сам.

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твово любимого опричника[223]
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслярный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И все слушали – не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит на златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич,
Позади его стоят стольники[224],
И пирует царь во славу Божию,
В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского

Нацедить в свой золочёный ковш
И поднесть его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь, —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе наглей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц – звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднебесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает…
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной[225]!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную – не запотчевать!
А прогневал я тебя – воля царская:

Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевóй кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак[226] мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покататися,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовыих
Красны девушки да молодушки
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любуется,
Полосатой фатой закрывается…

На святой Руси, наглей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно – будто лебедушка;
Смотрит сладко – как голубушка;
Молвит слово – соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,

По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою цалуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно-грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удальство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку,
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюся.
Вот возьми перстенек ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленой покланяйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитревне:
Как полюбишься – празднуй свадебку,
Не полюбишься – не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,

Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому…

* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица, распеваючи:
Опустел широкий гостиный двор[227].
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает, —
И пошел он домой призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.

И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилася
В такой поздний час Алена Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сию пору твоя хозяюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть попели —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит – сила крестная! —
Перед ним стоит молода жена.
Сама бледная, простоволосая[228],
Косы русые расплетённые
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.
«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами менялися!..

Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Моя имя честное не порочила…»

И, услышав то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи – будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька,
И послышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася – человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И он сказал мне так тихим шепотом:
«Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной…»
Испугалася я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня цаловать-ласкать
И, цалуя, все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью
грешною:

Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные…
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись на нас пальцем показывали…
Как из рук его я рванулася
И домой бежать стремглав бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшой мой брат – дитя малое,
Дитя малое, неразумное…

Говорила так Алена Дмитревна,
Горючими слезами заливалася.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старший наш брат,
Что с тобой случилось-приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,

Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня – выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежéй силою,
На вас меньше грехов накопилося,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднéбесье,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте – только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте – дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,

Тучки серые разгоняючи,
Заря алая поднимается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотницкого[229] бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершися в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника…
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга подталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться»

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честно́ва отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного…
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи…
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло…

Вот молча оба расходятся, —

Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневился гневом, топнул о́ землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привесть его пред лицо свое.

Как возго́ворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насме́рть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что – не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить – и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь малых детушек,

Не оставь молодую вдову

Да двух братьев моих своей милостью…»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью…»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором навостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.

Поклонитесь от меня Алене Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чисто́м поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской;
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек – перекрестится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусляры – споют песенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!

Красно́ начинали – красно́ и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому слава!

Вопросы и задания

1. Почему главным героем автор избирает купца?

2. Охарактеризуй идейное и композиционное значение образа царя Иоанна IV.

3. Зачем вводятся в повествование образы братьев Степана Парамоновича?

4. Для чего вводятся в «Песню» образы гусляров?

5. Назови основные части, составляющие «Песню».

6. Охарактеризуй основной конфликт в «Песне».

7. Как выражается в «Песне» лирическое отношение к описываемым событиям?

8. Какую художественную роль играют в «Песне» диалоги?

9. Какими художественными средствами создается исторический колорит в «Песне»?

10. Какие функции выполняет в «Песне» пейзаж?

11. Сформулируй основную идею произведения.

12. Подготовь самостоятельно выразительное чтение наизусть понравившегося отрывка из «Песни».

13. Самостоятельно подготовь сообщение на тему: «Фольклорные художественные приемы, используемые в «Песне».

Читательская лаборатория
Как научиться давать характеристику героя в произведении

Художественный образ – понятие широкое. Это может быть и образ родины, и образ природы, и образ города. Одно из основных мест в системе образов художественного произведения занимают образы героев, литературных персонажей, поэтому так важно для понимания смысла всего произведения знать, как создается художественный образ героя произведения.

Один из главных героев поэмы М. Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» – Степан Парамонович Калашников. Запомни: название произведения часто бывает очень значимо для характеристики героя.

Правило первое. Посмотри, есть ли в названии произведения характеристика героя. И если эта характеристика есть, постарайся ее не пропустить.

Что мы узнаем о герое из названия этого произведения: «Удалой купец». Если Иван Васильевич – царь, Кирибеевич – опричник из знатного рода Малюты Скуратова, то Калашников – купец. Таким образом, уже в названии автор дает нам первую характеристику героя: говорит о его положении в обществе и называет основной род его занятий. Тем самым М. Ю. Лермонтов подчеркивает принципиальное отличие своего героя от других героев поэмы: Степан Парамонович Калашников не принадлежит к привилегированному сословию, он – купец, простой человек. Углубляет наше первоначальное представление о герое повествование об образе жизни героя, его доме, семье.

Правило второе. Для того чтобы понять, как создается образ героя в произведении, надо найти в тексте характеристику образа жизни героя.

У Калашникова лавка в гостином дворе, «свой высокий дом», большая «честная семья»: верная жена, «детки любезные», братья – «други кровные». К нему обращается оскорбленная Алена Дмитревна:

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?

Та же мысль звучит и в словах младших братьев:

Ты *наш старший брат, нам второй отец;*
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, *родного,* не выдадим.

Такая характеристика героя дает основание сделать вывод: Калашников – глава семьи, ее хозяин, защитник. Все это подчеркивает мысль о близости Калашникова к народной жизни, к национальным русским традициям, основам патриархального быта. Выделенные нами в тексте слова также характеризуют героя. Это говорят о нем другие персонажи.

Правило третье. Постарайся найти в тексте произведения характеристику героя другими персонажами.

Нередко в художественном произведении герой сам рассказывает о себе, о своей жизни и ее событиях. Для читателя очень важно, как и что герой говорит о себе. Уверенно, с чувством собственного достоинства отвечает Степан Парамонович опричнику:

А родился я от честно́ва отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного…

Правило четвертое. Найди в тексте рассказы героя о себе и ту характеристику, которую он дает себе сам, если, конечно, они есть.

Ярко характеризуют героя в произведении и его поступки. *Какое решение принял Калашников, когда узнал о коварстве опричника Кирибеевича? Объясни мотивы, причины такого поступка Степана Парамоновича. На этой основе дай характеристику образа Калашникова.*

О своем решении герой объявляет братьям:

Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил…

Из этого же разговора мы узнаем и о причинах такого

решения: позор семьи, который осознан героем как «лиха беда», обида, которую «не стерпеть душе». Звучат главные слова героя: «За святую правду-матушку…»

Какие оценки звучат в поэме, когда речь заходит о кулачном бое Калашникова с Кирибеевичем?

Сам герой назовет этот бой «страшный бой», «последний бой!». В оценке повествователя это бой богатырский. *Как ты думаешь, почему Степан Парамонович Калашников одержал победу над молодым опричником?* И тогда мы вспомним еще раз название поэмы: это песня об **удалом** купце. *Найди в словаре толкование слова «удаль».* Например, в Словаре русского языка С.И. Ожегова удаль – безудержная, лихая смелость. В данной автором характеристике – главное в образе героя: высокая доблесть, бесстрашие, мужественное желание постоять за «святую правду», восстановить справедливость, защитить честь своей жены, а значит, свою честь и честь своей семьи.

Правило пятое. Для того чтобы понять, как создается образ героя в произведении, надо отметить в тексте рассказ о поступках героя и объяснить мотивы его действий. *Найди в эпизоде боя портрет Калашникова.* Портрет – один из наиболее важных приемов создания образа героя:

Горят очи его соколиные…
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

Охарактеризуй внешность героя. Черты каких героев ты узнаешь в этом портрете? Перед нами не просто «статный молодец». Перед нами – богатырь. Видимо, поэтому повествователь и назвал этот бой богатырским. А портретные черты нам знакомы, потому что мы читали произведения устного народного творчества: в образе Калашникова ожили герои былин, героических баллад, исторических песен, сказаний, легенд.

Правило шестое. В тексте художественного произведения надо найти, внимательно прочитать описание внешности героя, подумать, о каких чертах характера героя свидетельствует его портрет.

Похоронен герой на распутье больших русских дорог. *Перечитайте пейзаж в финальных строках поэмы. Какова его роль в создании образа героя?*

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чисто́м поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской;

И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.

Пейзаж помогает читателю осознать авторскую мысль: образ Калашникова создается как обобщенный образ простого русского человека. Сколько их, безымянных могил, разбросано по земле Русской, могил богатырей, не пожалевших жизни за правду-матушку, за защиту человеческого достоинства. И потому не иссякает народная память:

Пройдет стар человек – перекрестится,
Пройдет молодец – приосанится,
Пройдет девица – пригорюнится,
А пройдут гусляры – споют песенку.

Правило седьмое. В тексте художественного произведения надо внимательно читать пейзаж, так как пейзаж может быть способом характеристики героя.

notes

Примечания

1

Аполло́н – в древнегреческой мифологии: бог – покровитель искусства.

2

Ли́ра – старинный струнный музыкальный инструмент, на котором, по представлениям древних греков, играл Аполлон.

3

Глаго́л – здесь: слово.

4

Авалло́н – в кельтской мифологии: потусторонний мир, «острова блаженных»; считалось, что на этих островах остановилось время, царят изобилие и молодость.

5

Оли́мп – гора в Греции.

6

Пантео́н – в Древнем Риме: название храма, посвященного всем богам; пантеон богов – собрание всех богов и установление их взаимоотношений между собой и людьми.

7

А́сы – так древние германцы называли своих богов, населявших А́сгард (небесное селение, крепость богов-асов).

8

Зевс – бог грома и молнии, царь богов и людей.

9

Сонм – собрание, множество.

10

Ге́ра – богиня брака и семейного очага.

11

Артеми́да – богиня лесов и охоты.

12

Афроди́та – богиня любви и красоты.

13

Афи́на – богиня мудрости.

14

Óры – богини времен года.

15

Гефе́ст – бог-кузнец, покровитель кузнечного ремесла.

16

Хари́ты – богини красоты и добра.

17

Му́зы – богини наук и искусств, девять сестер.

18

Крон – бог времени, отец Зевса, свергнутый с престола своим сыном.

19

Десни́ца – правая рука.

20

Спа́рта – главный город Лаконии, одного из государств Древней Греции.

21

Аи́д – бог, повелитель подземного царства теней, брат Зевса.

22

Ульяды – одно из кельтских племен на острове Ирландия.

23

Ма́ха – имя сиды, кельтской богини войны.

24

Фили́ды – законоведы и предсказатели, советники кельтских вождей.

25

Друи́ды – кельтские жрецы и колдуны.

26

Король Арту́р и рыцари Круглого стола – герои кельтских народных преданий, так называемых артуровских сказаний; король Артур (V–VI века) и рыцари Круглого стола (за которым как равные собирались герои артуровских легенд) воплощали нравственные идеалы рыцарства.

27

Ма́вры – здесь: мусульмане Пиренейского полуострова.

28

Арьерга́рд – часть военных сил и средств, предназначенных для прикрытия войск.

29

Аполли́н – искаженное имя древнегреческого бога Аполлона, которого христиане считали одним из демонов ада.

30

Мухамме́д (Магомет) – пророк и основатель мусульманской религии, жил на рубеже VI–VII веков.

31

Аóй – заключительное слово тирад – отрезков, на которые распадаются французские героические песни, – своеобразное ритмическое восклицание.

32

Сараци́ны, – одно из древних арабских кочевых племен, название которого часто переносилось на всех арабов.

33

Милая Франция – традиционная ошибка переводов; в подлиннике имеются в виду «милые франки»: обращение не к государству, а к соплеменникам.

34

Валь-Фо́нда – город на севере Пиренейского полуострова.

35

Кастеля́н – глава войска, поставленного на защиту какого-нибудь города или крепости.

36

Соколы использовались для охоты и очень ценились в средневековье, особенно если они пережили первую линьку, сопровождавшуюся часто болезнью и смертью птицы.

37

Ахен – столица империи Карла Великого.

38

Михаи́л – имеется в виду архангел Михаил.

39

Ветвь оли́вы – символ мирных намерений.

40

Ко́рдова – город на юге Пиренейского полуострова.

41

Баро́ны, – здесь: имеются в виду двенадцать пэров, непосредственных вассалов Карла.

42

Архиепи́скоп – одно из высших духовных званий; в средневековье церковные деятели нередко принимали участие в битвах.

43

Лен – крупное земельное владение, дававшееся феодалу за службу или полученное по наследству.

44

Ге́рцог – феодальный титул, следующий по значимости после короля.

45

Туни́ка – одежда, род рубашки без рукавов.

46

В средневековье не только боевые кони, но и рыцарское оружие (мечи, копья и др.) имело собственное имя.

47

Апу́лия – полуостров в Италии.

48

Кала́брия – южная часть Апеннинского полуострова.

А́нглы, – племя, населявшее в то время остров Британия.

Дань Петру́ – то есть дань своей империи.

51

Каркассóна – город на юге Франции.

52

Клевре́ты – преданные люди, приверженцы

53

Эми́р – титул предводителя независимых арабских племен или родов.

54

В средневековое оружие часто помещали христианские реликвии, например мощи святых.

55

Халиф – в ряде арабских стран титул верховного правителя.

Альмансу́р – здесь: арабский феодальный титул.

57

Вико́нт – один из феодальных титулов.

Копе́йным дре́вком – древком с копьем.

59

Дюранда́ль – имя меча Роланда.

60

Монджо́й и Сен Дени́с – Монджой – боевой клич франков; святой Денис считается покровителем франков.

61

Шиша́к – рыцарский шлем без забрала.

Гаврии́л – архангел Гавриил.

63

Лодови́к – Людовик Благочестивый, сын Карла, будущий франкский император.

64

Сильве́стров день – день посвященный христианскому святому Сильвестру.

65

Матере́ть – набираться опыта.

Оратáй орéт – пахарь пашет.

Ӧмешек – сошник, лемех у сохи.

Па́бедье – полдник.

69

Мех – мешочек из кожи.

Гу́жики – ремни, с помощью которых соха прикреплялась к лошади.

71

Боро́здочка – борозда, полоса вспаханной сохою почвы.

Обжи – оглобли у сохи.

Мо́шник – обросший мхом, древний.

Чертя́ки – черти, насмешливое определение молодых воинов Вольги.

Дрань – кора.

Зау́треня – ранняя церковная служба.

77

Обе́денка (обе́дня) – церковная служба после утрени, литургия.

Воево́да – начальник войска, области, округа.

Заколо́дела – завалена колодьем, павшими деревьями; стала непроходимой.

Замура́вела – заросла травой, стала незаметной.

Покля́пыя – кривая, изогнутая.

82

Левани́дов крест – место назначенных встреч богатырей и остановок во время их странствий, которое считалось священным.

83

Коси́ца – висок.

На пяту́ – настежь.

Подколе́нный – младшие.

Отку́лешний – откуда взялся.

Подлыга́ться – лгать.

Пехóтою – пешим ходом.

89

«Высо́кое средневеко́вье» – период позднего средневековья, когда феодальные отношения полностью вытеснили родовые, первобытнообщинные; это период, предшествующий эпохе Возрождения, знаменующей начало буржуазной культуры.

90

Мул – помесь осла и лошади, отличается силой и выносливостью, в средневековье использовался как верховое животное для женщин и слуг.

91

Кардо́йль – название одного из замков короля Артура, в котором нередко начинались приключения рыцарей.

92

Баро́ны – собирательное название рыцарей, имеющих собственные земельные владения (лен) и подвластных им людей (вассалов).

93

Кей – молочный брат короля Артура, сенеша́л (управитель) его замков, хвастун и бахвал.

Сир – обращение к королю.

95

Па́вия – город в Северной Италии, в средневековье славился своим богатством.

Месси́р – «мой господин», вежливое обращение к рыцарю, а также обращение жены к мужу.

97

Жирфле́т, Ивéн, Геэрьéт – имена рыцарей Круглого стола, персонажей многих рыцарских романов.

Мзда – здесь: награда.

Луа́ра – река во Франции.

100

Шестами с четырех сторон… – классический сказочный мотив: шесты украшены черепами рыцарей, сложивших головы в замке; пустой шест предназначался очередному смельчаку.

101

Вилла́н – крестьянин, простолюдин, в рыцарских романах обычно противопоставлен рыцарям грубостью и трусостью.

102

Свято́й Марсе́ль – один из почитаемых во Франции святых, не отличавшийся высоким ростом.

103

Клянусь святым отцом… – то есть римским папой, обычная формула средневековой клятвы.

104

Двух змей – имеются в виду драконы, часто появляющиеся в рыцарских романах для испытания рыцарей.

105

Об этом книги говорят… – обычный для рыцарских романов намек на какой-то источник, которым пользовался автор.

106

А́лча – желая, мечтая.

107

Багря́ница – широкий плащ красного цвета, отороченный горностаем.

108

Баты́й – внук Чингисхана, монгольский хан, возглавил нашествие на Русь, положившее начало монголо-татарскому игу.

Соблюдённых – сохраненных.

110

Шу́рич – сын шурина; шурин – брат жены.

111

На́-полы – пополам.

112

Мурза́ – мелкий феодал в Монгольской империи.

113

Санчакбе́й – военачальник в монгольской армии.

114

Ве́реск – медоносный кустарник.

115

С просты́м набо́ром – без украшений.

116

Скри́ня – сундук.

117

Зре́лись – виделись, смотрелись.

118

Золота́я Орда́ – одно из государств, возникших после распада Монгольской империи Чингисхана и державшее под своим игом Русь с XIII по XV век.

119

Лагóр (Лахóр) – город в Индии.

120

Тур – могучий козел, некогда водившийся на Руси, но впоследствии полностью истребленный.

121

На Си́цкое болото – болото под Рязанью.

122

Тын – оборонительное сооружение из деревянных кольев.

123

Толма́ч – переводчик.

Ну́кер – служитель, телохранитель.

125

Алекса́ндр Не́вский – князь Александр Ярославич, сын великого князя Владимирского; с 1236 года– князь Новгородский; в 1240 году одержал победу над шведами на реке Неве; в 1242 году разгромил ливонских рыцарей в битве на Чудском озере (Ледовое побоище); в 1248 году стал князем Киевским, а в 1252 году – великим князем Владимирским.

126

Притóчник – имеется в виду мудрый царь Соломон, которому приписывается авторство некоторых книг Библии, считался великим мудрецом.

127

Ио́сиф – библейский персонаж, отличался необыкновенной красотой.

128

Самсо́н – библейский персонаж, богатырь, наделенный сверхчеловеческой силой.

129

Царица Южская – библейский персонаж, царица Савская.

130

Андреяш – Андреш фон Фельвен, магистр Ливонского духовно-рыцарского ордена меченосцев.

131

Король от страны Полуночной… – шведский король Эрик Эриксон, но на самом деле поход на Русь в 1240 году возглавлял не он, а ярл (герцог) Биргер.

132

Песнь псало́мскую, псо́лом, – священная молитвенная песнь; автором псалмов, входящих в Псалтырь, считают царя Давида.

133

Крепи́ть – ободрять.

134

15 июля 1240 года.

135

Ижо́рская земля – область к югу от реки Невы, населенная ижорцами, входила во владения Новгорода.

136

Ри́млянами – имеется в виду принадлежность шведов к римско-католической ветви христианства.

137

Ло́вчий – распорядитель княжеской охоты.

138

Город в земле Алекса́ндровой… – крепость Копо́рье, построенная в устье Невы.

139

Псков был захвачен рыцарями Ливонского ордена меченосцев в результате предательства псковских бояр в 1240 году.

140

Тиу́н – управитель.

141

Велеречивы́й – многословный.

142

Моисе́й – израильский царь, победивший войско царя Амалика.

143

Ярослáв Мýдрый – киевский князь, отомстивший за убийство Бориса и Глеба Святополку Окаянному на реке Альте (место смерти князя Бориса).

144

Иису́с Нави́н – выдающийся полководец, сокрушивший стены крепости Иерихон.

145

Игу́мен – настоятель монастыря.

146

Море Понти́йское – Черное море.

147

Море Варя́жское – Балтийское море.

148

Царь сильный – золотоордынский хан Батый.

149

Моавитя́нки – здесь: женщины Золотой Орды.

150

Юрьев Неме́цкий – город Тарту.

151

Зени́цы – глаза.

152

Принял ангельский образ… – постригся в монахи.

153

Схи́ма – монашеский чин, предполагающий соблюдение наиболее строгих правил.

154

1264 года.

155

Чернори́зцы – монахи.

156

Подкапóк – старинный головной убор, надевавшийся под шапку или шлем.

157

Чепчиками в виде… (франц.)

Га́лло-албио́нскими – французско-английскими.

159

Осьмо́го-на́десять – восемнадцатого.

160

Па́рка – в римской мифологии: богиня судьбы.

161

Анекдо́т – здесь: случай.

162

Рито́рство – красноречие.

163

Неудóбна – здесь: неспособна.

164

Морфе́й – бог сна в древнегреческой мифологии.

165

Дванадеся́тый – один из двенадцати важнейших православных праздников.

166

В истине сего уверял меня не один старый человек. (Примечание автора.)

167

Кипари́сы супружеской любви… – кипарис у древних греков считался деревом траура.

168

Зефи́рова любовница – Зефи́р – в древнегреческой мифологии: бог западного ветра; его возлюбленная – цветок.

169

Магази́н – здесь: склад.

170

Сокра́т – древнегреческий философ, который не был ваятелем (скульптором).

171

А́гнец – новорожденный ягненок.

172

«О воспитании» – труд английского философа XVII века Джона Локка.

173

«Эми́ль» – педагогический труд французского философа-просветителя XVIII века Жа́н-Жа́ка Руссо́.

Натýра – природа.

175

Мама (мамка) – няня.

176

Ясми́н – жасмин.

177

Красные ворота с трубящею Славою… – парадная арка, воздвигнутая в XVIII веке, была увенчана изображением Славы в виде женщины, трубящей в фанфары (находилась на месте станции метро «Красные ворота»).

178

Часы прохлады – время отдыха.

179

Купидо́н – в римской мифологии: бог любви.

Например, «Прости Господи» и прочее тому подобное, что можно слышать и от нынешних нянюшек. (Примечание автора.)

181

Притво́р – входное помещение в западной стороне христианского храма, предназначавшееся для тех, кто не имел права входить в храм.

182

Дафн, Хло́я – персонажи древнегреческой литературы (Дафнис и Хлоя), испытавшие муки любви.

183

Мирт – вечнозеленое растение, символ любви и наслаждения.

184

Стерн, Ло́ренс – английский писатель XVIII века, мастер психологических описаний.

185

Обходи́лась – встречалась, общалась.

Вну́ке – внучке.

187

Посóльства – здесь: послания.

Кры́лос (кли́рос) – возвышения по обе стороны алтаря в церкви, на которых во время службы размещался церковный хор.

189

Камча́тная телогре́я – теплая верхняя одежда.

190

Куша́к – полотняный ремень, которым перепоясывался кафтан.

191

Вольте́ровское кресло – глубокое кресло с высокой спинкой.

Корыстолю́бец – скупой, жадный человек.

193

Погубить душу – толкнуть на самоубийство.

Погубить душу – толкнуть на самоубийство.

195

Грядѝте – идите.

Эшафо́т – возвышение для совершения казней.

197

Языком оссиа́нским – языком поэм Оссиа́на, легендарного кельтского поэта, за которым скрывался поэт XVIII века Дж. Ма́кферсон.

Бердыш – оружие, топор с лезвием в виде полумесяца.

199

Ло́бное место – место казней.

То есть от России. (Примечание автора.)

201

В пустыне – здесь: в безлюдном месте.

Льсти́лся – старался.

203

Диама́нт – алмаз, бриллиант.

Шири́нка – полотенце.

205

Отрок – юноша.

Никто на нас [не пойдет] (старослав.).

207

В Оружейной московской палате я видел много панцирей с сею надписью. (Примечание автора.)

208

Хаза́ры – кочевой тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе (в том числе в Древней Руси)после гуннского нашествия (V век). С середины XII века создали Хазарский каганат.

Обрёк он мечам и пожарам… – разорил и сжег.

210

Царегра́дская броня́ – византийская броня, особый род доспехов, представляющий собой верхнюю одежду из металлических пластинок или колец, которая защищала воина во время сражения.

211

Перу́н – верховный славянский языческий бог, покровитель воинов, оружия, войн.

212

Мольбы́ – молитвы.

213

Жре́бий – здесь: судьба.

214

Чело́ – лоб.

215

Пращ – приспособление для метания камней.

216

Се́ча – сражение

217

Позлащённое – позолоченное.

218

Отроки-дру́ги – мальчики-подростки, находящиеся в услужении у князя.

219

Ретѝвый – резвый, быстрый.

220

Презре́ть – пренебречь.

221

Три́зна – поминальный пир у древних славян.

222

Секи́ра – оружие, топор с небольшим лезвием на длинной рукояти.

223

Опри́чник – название служилых людей Иоанна Грозного, пожалованных за свою службу землями из опричнины (областей, управляемых лично царем).

Сто́льник – придворный, степенью ниже боярина; первоначально: придворный, прислуживавший за княжеским или царским столом.

225

Малю́та Скура́тов – один из приближенных Иоанна Грозного, отвечавший за безопасность царя, а также за наказание изменников.

Аргама́к – порода верховой лошади.

227

Гости́ный двор – торговые ряды в некоторых городах, обычно каменные.

228

Простоволóсая – на Руси замужней женщине было непозволительно появляться на людях с непокрытой головой, то есть простоволосой.

229

Охо́тницкий – добровольный, по собственному желанию.